

ФГБОУ ВПО Бурятский государственный университет

На правах рукописи

Белькова Анастасия Анатольевна

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ**

Специальность: 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Научный руководитель:

Михалев А.В., д.полит.н., доц.

Улан-Удэ – 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Институты государственного регулирования религии: теоретические подходы и локальные контексты	21
1.1. Основные этапы формирования концепции исторического институционализма	21
1.2. Религиозная ситуация в постсоветской Бурятии.....	53
Глава 2. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии	84
2.1. Формальные институты государственного регулирования религии.....	84
2.2. Неформальные институты государственного регулирования религии.....	118
Заключение	145
Библиографический список	153
Приложения	179
Приложение 1. Динамика изменения количества религиозных организаций на территории Бурятии	179
Приложение 2. Таблица 2.1 – Виды неформальных институтов.....	180
Приложение 3. Агитационный материал	181

Введение

Актуальность. Место религии в жизни современного общества меняется под влиянием различных обстоятельств: политических, экономических, социальных. Меняются и модели исследования религиозной ситуации и ее изменений. Если в середине XX в. господствовали идеи религиозного упадка как следствия модернизации общества, то к 1990-м – 2000-м гг. появилось множество концепций, вписывающих религию во все сферы общественной и частной жизни. Обновленная теория секуляризации или «неосекуляризации» рассматривает религиозный подъем в современном обществе не как упадок процессов секуляризации, а как смещение религии на индивидуальный уровень. В рамках теории десекуляризации эскалация социального влияния религии развивается в ответ на предыдущие и/или текущие тенденции секуляризации. Теория рационального выбора или религиозной экономики, оперируя понятиями религиозного рынка, объясняет повышение уровня религиозности как результат многообразия религиозного предложения, возможности максимального удовлетворения запросов религиозных потребителей. Концепция «множественной современности»¹ отрицает возможность распространения европейского опыта трансформации религии на мир в целом. Причиной, провоцирующей существующий в мире религиозный рост, называется необходимость религиозным организациям вписываться в современный мир, являться частью модернистского проекта, чтобы выжить и развиваться. П. Бергер, теоретик концепции секуляризации, сегодня подчеркивает

---

¹ См. работы Эйзенштадта Ш., например: Eisenstadt Sh. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 129(1). P. 1-29; Eisenstadt Sh. Comparative Civilizations and Multiple Modernities: A Collection of Essays. Leiden, Boston: Brill Academic Publishers, 2003; а также см. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №1(30). С. 8-32.

слабость категории «фундаментализма», применяемой при анализе случаев религиозного подъема в современном мире².

Признание роли религии в современном обществе, жизнеспособности и роста количества и масштабов религиозных организаций привело к необходимости осмысления государственно-церковных отношений в новом ключе. Изменение религиозной ситуации повлекло за собой появление новых процессов и явлений в сфере государственной религиозной политики, ответной реакции религиозных организаций. В Бурятии формирование современных государственно-церковных отношений, норм и правил их взаимодействия продолжалось на протяжении 1990-х – 2000-х гг. Были созданы новые институты государственного регулирования религии, определяемые как правила поведения и способы поддержания этих правил³, которые видоизменялись, адаптировались к текущим условиям. Это привело к созданию уникальной ситуации, позволяющей исследовать собственно процесс формирования институтов государственного регулирования религии. К началу 2010-х гг. поле религиозной политики в республике Бурятия институционально оформилось. Стало возможным изучение механизмов государственного регулирования религиозного возрождения, а не только классификация индивидуальных стратегий взаимодействия религиозных и политических акторов.

С одной стороны, изучение этих институтов представляется важным для поликонфессионального общества Бурятии во всем многообразии взаимоотношений между различными религиозными объединениями. Работа в данном направлении открывает перспективы для дальнейшего развития межконфессионального мира и согласия в отдельном субъекте Российской Федерации. С другой стороны, подобные исследования важны для формирования наиболее эффективной модели взаимодействия государства и конфессий. Данный

---

² Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. P. 7.

³ Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV, № 3. С. 113.

аспект для нас является определяющим, так как в центре нашего внимания история формирования институтов и норм. Религиозная политика в регионе стала отражением не только общероссийских тенденций в государственном управлении и трансформации религиозной сферы, но и общемировых тенденций изменения положения религии в обществе. И для осмысления опыта управления религиозной сферой в таких сложных условиях необходимо изучить его в исторической перспективе, чтобы понять истоки, факторы, определяющие современные отношения между государством и церковью в Бурятии.

Постановка проблемы. Изменения принципов взаимоотношения государства и церкви, начиная с 1990-х гг., были вызваны объективными причинами. Распад СССР положил конец прежней религиозной политике. Всеобщая трансформация жизни общества, появление новых тенденций сказались как на религиозной сфере в целом, так и на отношениях государства и церкви. Если раньше государственная политика в отношении религиозных организаций, в сущности, сводилась к контролю, то постсоветский период характеризуется смещением акцентов. Теперь государство стремится поощрять, стимулировать религиозное возрождение, поддерживает существование и развитие религиозных организаций, а также предпринимает попытки упорядочивания религиозной сферы. В первую очередь это вызвано изменением религиозной ситуации как в постсоветской Бурятии, как и в России в целом. Религиозный подъем, особенно ярко проявившийся в начале 1990-х гг., являлся контртенденцией по отношению к советской секулярности, выражением антисекулярных настроений в обществе. Это привело не просто к восстановлению и укреплению религиозных объединений, ограниченных в правах или запрещенных в советские годы, но также к появлению большого количества новых религиозных организаций⁴. Если в 1987 г. в Бурятии официально были зарегистрированы 3 религиозные организации⁵, на начало 1995 г. – 81 организация,

---

⁴ См. Приложение 1.

⁵ Из информации уполномоченного по делам религий при Совмине БурАССР М. Мулонова Председателю Совета по делам религий при Совмине СССР К.М. Хачеву о деятельности религиозных организаций в республике от 10 декабря 1987 г. НАРБ. Ф. Р-1857. Оп.1. Д.170. Л.1-5,8-9 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г.

представляющая 9 конфессий⁶, то в первой половине 2015 г. в Бурятии зарегистрировано 226 религиозных организаций⁷. Разнообразие религиозного пространства республики и его постоянный рост обуславливают выбор основного направления государственного регулирования – упорядочивание и нормирование религиозной сферы.

Для этого органы государственной власти создают нормативное поле, в рамках которого религиозные организации должны существовать. Государство официально определяет требования к религиозным объединениям, устанавливает границы их деятельности. Они закрепляются в различных нормативно-правовых актах: законах, постановлениях, положениях и т.п. Несоблюдение религиозными акторами данных правил влечет за собой применение органами государственной власти санкций определенного характера. Например, конкретной религиозной организации может быть отказано в регистрации. При этом религиозные организации подлежат государственной регистрации как юридические лица⁸. Формальные правила задают общие параметры, однако, существуют также и неформальные нормы, которые ранжируют религиозные организации по степени включенности в институты религиозной политики. Религиозная политика осуществляется через взаимодействие органов государственной власти и религиозных организаций, представляющих «традиционные» конфессии.

Необходимость осмысления сложившейся ситуации обязывает использовать такой методологический подход, который позволил бы понять и систематизировать множество норм, создаваемых государством для регулирования религиозной сферы Бурятии. Этим требованиям отвечает новый институциональный подход. Он

Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁶ Бураева О.В. Религиозные организации в Бурятии // Россия и восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 199-204.

⁷ Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций за 6 месяцев 2015 год // Приложение №3 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 29.06.2015 №162.

⁸ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

позволяет исследовать то, как формировался комплекс норм взаимодействия религиозных организаций с органами государственной власти и друг с другом, а также то, какова роль государства в этом процессе. Кроме того, он дает возможность анализировать формальные и неформальные нормы взаимодействия между государством и религиозными организациями, а также конвенциональные представления о них⁹.

Степень изученности. Вопросы государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии чаще всего затрагиваются в рамках общего анализа современного состояния различных религий. Трансформация религиозной сферы Бурятии в постсоветский период – достаточно разработанная тема. Работы по данному направлению можно условно разделить на несколько групп. Прежде всего, это исследования, фокусирующиеся на религиозной ситуации в Бурятии в целом, межконфессиональном взаимодействии, месте религии в трансформации других сфер общественной жизни республики. В начале 2000-х гг. вышло несколько работ – обзоров религиозной ситуации в постсоветской Бурятии. Это труды И.С. Урбанаевой¹⁰, А.Д. Нанзанова¹¹, О.В. Бураевой¹², Г.Е. Манзанова¹³. Некоторые исследования 2000-х гг. рассматривали связь таких понятий как

---

⁹ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. Т. 2, №4. С. 28-55.

¹⁰ Урбанаева И. С. Буддизм, христианство и шаманизм: роль религиозного фактора в процессе глобализации и основы взаимопонимания традиционных конфессий Байкальского региона // Мир буддийской культуры: материалы междунар. симпоз. 10-14 сент. 2001 г. Агинское - Улан-Удэ - Чита, 2001. С. 192-207.

¹¹ Нанзанов А.Д. Религиозные объединения в Бурятии (1990-2000 гг.) // Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2002. С. 188-120.

¹² Бураева О.В. Религиозные организации в Бурятии // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия: материалы и тез. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения С. В. Шостаковича. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2002. С. 199-204.

¹³ Манзанов Г.Е. Религиозная ситуация в Республике Бурятия (современное состояние и тенденция развития) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Культура, наука, образование. 2004. С. 94-100.

религиозное и национальное возрождение: об этом писали И.Э. Елаева¹⁴, Б.В. Бадуев¹⁵, в 2008 г. вышла монография Д.Д. Амоголоновой¹⁶.

Некоторые работы были посвящены межконфессиональным отношениям и изменениям, религиозной сферы постсоветской Бурятии. В период с 2005 г. по 2012 г. появляется несколько публикаций по этой теме: Т.И. Осоровой¹⁷, Н.Л. Жуковской¹⁸, М.С. Алексеевой¹⁹, И.А. Арзуманова²⁰, С.Б. Намсараевой²¹, П.К. Варнавского²², В.Г. Жалсановой²³.

Большое количество исследований концентрируются на анализе состояния конкретных конфессий в постсоветский период. Современное состояние буддизма в Бурятии помимо статей Л.Л. Абаевой, Ц.П. Ванчиковой, Д.Л. Баяртуевой, О.Б. Дашинамжилова, Г.В. Манзановой, Е.А. Островской, С. Филатова, С.Ю. Лепехова и др., отражено в монографиях Д.Г. Чимитдоржин²⁴ 2004 г. и

¹⁴ Елаева И. Э. Религиозная идентичность бурят // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 166-170.

¹⁵ Бадуев Б.В. Религиозный фактор и проблема возрождения бурятской культуры // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. 16: Политология, культурология. 2005. Вып. 2. С. 155-158.

¹⁶ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008.

¹⁷ Осорова Т.И. Буддизм и православие в Бурятии: диалог культур // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования: материалы науч.-практ. конф. «Егунов. чтения». 2005. Вып. 2. С. 35-38.

¹⁸ Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: религия в культурном пространстве этноса // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 332-345.

¹⁹ Алексеева М.С. Религиозность современной российской интеллигенции: (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007.

²⁰ Арзуманов И.А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансасиатском контексте (XX-XXI вв.). Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2008.

²¹ Намсараева С.Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 58-87.

²² Варнавский П.К. Полезные иноверцы или опасные чужаки? Протестантские общины в современной Бурятии // Проблемы религиозного просвещения в российско-монгольском трансграничье. Вопросы межконфессионального диалога. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. С. 126-134; Варнавский П.К. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 192-211.

²³ Жалсанова В.Г. Роль религии в жизни сельского бурятского населения Бурятии // Культурное пространство регионов России: тез. участников Всерос. науч.-практ. конф. (13-16 мая 2012 г.). Волгоград, 2012. С. 55.

²⁴ Ванчикова Ц.П., Чимитдоржин Д.Г. История буддизма в Бурятии: 1945-2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006, Чимитдоржин Г. Г. Институт Пандито Хамбо Лам 1764-2004 гг. Улан-Удэ: Изд-во Буддийского института «Даши Чойнхорлин», 2004.

Т.Б. Бадмацыренова²⁵ 2012 г. В 2005 г. вышла монография Г.С. Митыповой²⁶ о православии, где рассматривалось и состояние православия в постсоветской Бурятии, были также затронуты вопросы отношений Русской Православной церкви и государства. Кроме того, вопросы положения православия в постсоветской Бурятии исследовали такие авторы И.С. Цыремпилова, С.В. Васильева, Е.В. Петрова.

Проблемой положения шаманизма в постсоветской Бурятии занимались И.Р. Гарри, М.М. Содномпилова, И.С. Урбанаева, Э.М. Цыденов. В 1999 г. была издана работа М.А. Савиновой²⁷, которая была посвящена новым религиозным движениям в Бурятии, позднее С.З. Ахмадулина, Е.Б. Баторова²⁸ опубликовали монографию, где подробно изучили эту тему. Нетрадиционные для Бурятии конфессии рассматриваются в работах Н.А. Аюровой, О.Н. Волковой и С.Д. Батомункуева, П.К. Варнавского и др.

Работы вышеперечисленных авторов посвящены анализу состояния религии в постсоветской Бурятии. Они не фокусируются на проблеме государственной религиозной политики, эта тема в них если и затрагивается, то лишь косвенно. Однако они создают фундамент для ее изучения. Но существует еще одна группа исследований, для которых тема отношений государства и церкви является основной.

В 1999 г. Л.Л. Абаева на «круглом столе» Народного Хурала Республика Бурятия представила доклад, в котором подняла проблему законодательного регулирования религиозной сферы в Бурятии²⁹. В 2000 г. вышла монография

---

²⁵ Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012.

²⁶ Митыпова Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005.

²⁷ Савинова М.А. Новые религиозные организации на территории Бурятии (Сознание Кришны и Вера бахаи). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999.

²⁸ Баторова Е.Б., Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-е - 2000-е годы). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010.

²⁹ Абаева Л. Л. Этноконфессиональная ситуация и проблемы реализации Закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» // Материалы «Круглого стола» и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республика Бурятия по вопросу «О ходе

И.С. Цыремпиловой, посвященная проблеме взаимоотношений религии и власти, но в других хронологических рамках (начало XX в.)³⁰.

В 2006 г. Р. Лукин в «Атласе современной религиозной жизни России»³¹ описал некоторые случаи взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, а также конкретных политических и религиозных деятелей. Вопросами взаимодействия государства и старообрядчества на современном этапе занималось несколько исследователей. В 2007 г. В.Л. Петров и Е.В. Петрова затронули эту проблему, анализируя отношения этнокультурных центров и органов государственной власти³². С.В. Васильева в серии работ начала 2010-х гг. исследовала проблему отношений государственных органов власти и старообрядчества³³, в том числе и постсоветский период. Т.Б. Бадмацыренов в это же время публикует ряд работ³⁴, посвященных взаимоотношениям Буддийской традиционной сангхи России и органов государственной власти на современном этапе. В 2011 г. вышел третий том³⁵ Истории Бурятии, в котором один из разделов

реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации)». Улан-Удэ, 1999. С. 48-52.

³⁰ Цыремпилова И. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917-1940 гг.). Улан-Удэ: Издат. полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000.

³¹ Лукин Р. Религиозная ситуация в Бурятии: традиции веротерпимости и христианская миссия // Атлас современной религиозной жизни России. Том. II. М., СПб.: Летний сад, 2006.

³² Петров В.Л., Петрова Е.В. О некоторых вопросах сотрудничества этнокультурных центров с органами государственной власти (на примере Республики Бурятия) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы V международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 460-468.

³³ См., например: Васильева С. В. Методологические подходы к исследованию взаимоотношений государства, Русской православной церкви и старообрядчества в Байкальском регионе // Православие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012. С.106-116; Реализация государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. С.11-16; Эволюция государственной и церковной политики в отношении старообрядчества Забайкалья в XVII-XXI вв. // Духовные миссии Забайкалья. Улан-Удэ, 2013. С.93-101.

³⁴ Бадмацыренов Т.Б. Политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Буддизм в современных общественно-политических процессах Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 130-147; Бадмацыренов Т. Б. Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 14: Философия, социология, политология, культурология. С. 137-143.

³⁵ История Бурятии: в 3 т. Т. 3 – XX-XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 400-402.

посвящен государственно-церковным взаимоотношениям в 1992-2000-е гг. Однако он представляет собой обзор современного состояния религиозных организаций, а роль государства в ее формировании там не рассматривается. В 2013 г. выходит монография Н.В. Цыремпилова, который рассматривает отношения государственных органов власти и буддистов Бурятии, но в других хронологических рамках: в период с XVIII в. до начала XX в³⁶.

Объект исследования. Институты государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии.

Предмет исследования. Формирование институтов государственного регулирования религиозной сферы в постсоветской Бурятии.

Гипотеза. Сформированные в Бурятии в постсоветский период формальные и неформальные институты государственного регулирования религиозной сферы определяют структуру межконфессиональных отношений в регионе.

Цель работы: изучение процесса формирования институтов государственного регулирования религиозной сферы республики Бурятия в постсоветский период.

Исходя из поставленной цели, сформулированы следующие **задачи**:

- Определить теоретическую модель исследования и обосновать ее выбор;
- Рассмотреть религиозную ситуацию в постсоветской Бурятии и выявить предпосылки государственного регулирования религиозной сферы;
- Выявить и систематизировать формальные институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии и проследить процесс их трансформации;
- Выявить и систематизировать неформальные институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии и проследить процесс их трансформации.

Методология и методы исследования. Методологической базой данного исследования служат концепция исторического институционализма. Она позволит

---

³⁶ Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII - нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013.

выявить и систематизировать комплекс норм, создаваемый государством в качестве инструмента регулирования религиозной ситуации в республике. Этот подход дает возможность анализировать не только официальные структуры, согласовывающие отношения между агентами, но и неформальные нормы. В данной исследовательской ситуации неформальные нормы имеют первостепенное значение в формировании и развитии государственной религиозной политики. Институциональный подход дает возможность рассмотреть взаимоотношения между агентами взаимодействия, процессы создания и поддержания институтов, повседневные взаимодействия. Выбор исторического институционализма в качестве методологии исследования позволит не только идентифицировать существующие институты государственного регулирования религии, но и проследить их формирование и трансформацию на протяжении всего изучаемого периода. В данном исследовании, мы будем опираться в основном на работы Н. Флигстина, К. Телен, П. Холла, Р. Тейлор, С. Штейнмо, В.В. Радаева, Г. Хелмке, С. Левитски.

Однако прежде, чем рассматривать собственно трансформацию политики государственного регулирования религиозного пространства республики, необходимо выявить предпосылки, причины вмешательства государства в религиозную сферу. На данном этапе исследования будет применена концепция десекуляризации, как теоретическая основа для анализа религиозной ситуации в постсоветской Бурятии. Это позволит, во-первых, объяснить религиозный подъем в Бурятии, наблюдающийся в начала 1990-х гг. Во-вторых, – вписать религиозную ситуацию в регионе в общемировые тенденции. Основными представителями данного теоретического направления являются П. Бергер³⁷ и В. Карпов³⁸. Этот подход предполагает объяснение случаев масштабного религиозного подъема в современном мире через антисекулярные тенденции.

---

³⁷ Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. P. 1-18.

³⁸ Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. 2010. № 52(2). P. 232-270.

Комплексное применение этих методологий позволит не просто описать государственную религиозную политику в постсоветской Бурятии, а изучить историческую динамику трансформации религиозной ситуации и формирования институтов ее государственного регулирования. Это даст возможность проанализировать то, как устанавливались формальные и неформальные нормы взаимодействия государственных и религиозных акторов, а также появление и развитие механизмов поддержания этих норм.

Методы исследования. В ходе исследования были использованы общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция и пр.), а также специальные (сравнительный, системный и пр.) методы. Сбор и анализ эмпирических данных опирался на следующий исследовательский инструментарий:

- 1) Ретроспективный метод – используется для анализа возникновения и развития институтов государственного регулирования религии;
- 2) Сравнительно-исторический метод – используется для сопоставления положения акторов институционального взаимодействия на протяжении всего изучаемого периода.
- 3) Контент-анализ – использовался при анализе публикаций в средствах массовой информации, различных документов, архивных материалов;
- 4) Количественный анализ – использовался при анализе публикаций в средствах массовой информации;
- 5) Дискурс-анализ – использовался при анализе проблемы конструирования образов «традиционных» и «нетрадиционных» религий в регионе;
- 6) Интервьюирование – в ходе исследования была проведена серия фокусированных интервью с представителями религиозных организаций, органов государственной власти, жителями республики. Всего было опрошено 18 человек. В итоге было получено 2 экспертных интервью, 3 интервью с государственными служащими, работающими в органах власти, занимающихся религиозной политикой, – представителями Комитета по межнациональным

отношениям и развитию гражданских инициатив (бывший Комитет по межнациональным отношениям, связям с общественными, религиозными объединениями и информации) Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия и Комитета по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия, 3 интервью со священнослужителями (представляющими православие, шаманизм и буддизм). В данном случае выборка была целевой, и осуществлялась при помощи метода снежного кома. Кроме того, летом-осенью 2013 г. в рамках фокусированного исследования культурного кода религии в современной Бурятии было опрошено 10 человек. Выборка была случайной, однако, ее структура опиралась на возраст респондентов: шаг выборки составил 10 лет. Были опрошены по 2 человека из следующих возрастных групп: 23, 33, 43, 53, 63 года.

Территориальные рамки исследования ограничены республикой Бурятия. Она является поликонфессиональным регионом, что дает уникальную возможность исследовать в локальном масштабе не индивидуальные стратегии взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, а создание и трансформацию институтов государственного регулирования религиозной сферы.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1990 г. по 2014 г., поскольку данное исследование фокусируется на процессах, характерных именно для постсоветского периода. Выбор отправной точки – 1990 г. (а не года распада СССР, формального начала постсоветского периода) обусловлен спецификой данного исследования. К концу 1980-х гг. на территории Бурятии растет тенденция к повышению роли религии. В первую очередь это выражается в росте обращений к органам государственной власти о регистрации религиозных объединений, в стремлении групп верующих восстановить культовые сооружения, разрушенные или находящиеся в упадке. 1989 г. характеризуется тем, что многие

из обращений и просьб о регистрации религиозных организаций впервые были удовлетворены: зарегистрированы общества буддистов в Тункинском и Закаменском районах республики Бурятия, общество Русской православной церкви в с. Байкало-Кудара Кабанского района республики Бурятия, обществу Русской православной церкви в г. Кяхта передана в аренду здание Успенской церкви. Это свидетельствует о смене направления государственной религиозной политики. Однако окончательное закрепление этого изменения происходит именно в 1990 г., когда в Москве появляется официальный документ, констатирующий возросшую роль религии в обществе. Речь идет о Постановлении Совета по делам религий при Совмине РСФСР³⁹, который дает оценку результатам выборов народных депутатов всех уровней в 1989-1990 гг. «Избрание служителей церкви в органы власти – одно из свидетельств революционных преобразований социально-политических отношений в советском обществе <...> Выдвижение священнослужителями своих кандидатур в народные депутаты свидетельствует и об их готовности участвовать в процессе совершенствования государственно-церковных отношений»⁴⁰. Он же постановляет представителям органов государственной власти содействовать работе депутатов-священнослужителей, а также обратить особое внимание на развитие государственно-церковных отношений.

Положения, выносимые на защиту.

1. Религиозный подъем в Бурятии, проявившийся с начала 1990-х гг. является реакцией на секулярность, характерную для предыдущего, советского периода. Это выражается в сближении ранее секуляризованных институтов и религиозных норм, формальных и неформальных, возрождении религиозных верований и практик, возвращении религии в публичное пространство, возрождении религиозного содержания в различных подсистемах культуры, в связанных с религией

---

³⁹ Постановление Совета по делам религий при Совмине РСФСР «О взаимодействии в решении служебных задач с народными депутатами, в том числе с избранными народными депутатами священнослужителями г. Москва 20 апреля 1990 г.» // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁴⁰ Там же.

изменениях в субстрате общества. Таким образом, религиозную ситуацию в постсоветской Бурятии можно описать как десекуляризацию.

2. Институты государственного регулирования религиозной сферы представляют собой формальные и неформальные правила, определяющие поведение государственных и религиозных агентов. Они регулируют повседневные практики взаимодействия государства и религиозных организаций и поддерживаются этими практиками.

3. Формальные институты государственного регулирования религиозной сферы – это официально закрепленные правила. Они представляют собой различные нормативно-правовые акты: законы, постановления, положения и пр. Они распространяются на все религиозные организации, несоблюдение большинства из них ведет напрямую к применению органами государственной власти официальных санкций, например, к лишению религиозной организации статуса юридического лица.

4. С помощью неформальных институтов государственного регулирования религиозной сферы государство включает отдельные религиозные организации в приближенную группу, взаимодействуя с которой реализует религиозную политику. К ним относятся любые нормы, определяющие взаимоотношения государств и религиозных организаций, которые не относятся к формальным. С их помощью органы государственной власти оказывают влияние на религиозную ситуацию в республике.

5. В 1990-х гг. начинается формирование современной системы норм, упорядочивающих религиозную сферу в Бурятии. Она характеризуется разделением религий на традиционные и нетрадиционные. Принадлежность религиозной организации к одному из этих типов становится определяющим фактором при выстраивании ее отношений с органами государственной власти.

6. Формирование определенной нормативной системы позволило государству упорядочить религиозную сферу Бурятии на фоне масштабного религиозного подъема постсоветского периода. Выбор религиозных организаций, вписываемых государством в создаваемую им институциональную систему, основывался на

степени их лояльности. Это позволило выстроить с кругом религиозных организаций-инсайдеров взаимовыгодные партнерские отношения и реализовывать государственную религиозную политику в условиях стабильности. А концепт традиционности/нетрадиционности религий позволил обосновать инклюзию лояльных религиозных организаций в структуры государственной религиозной политики.

Научная новизна работы в первую очередь состоит в том, что в ней впервые исследовательское внимание фокусируется именно на отношениях государства и церкви в постсоветской Бурятии. Прежние работы лишь затрагивали данную проблему. В существующих исследованиях, рассматривающих государственную религиозную политику в Бурятии, анализируются другие временные периоды: дореволюционное и советское время, или лишь конкретные случаи взаимодействия органов государственной власти и конкретных религиозных организаций в постсоветский период. В представленной диссертации впервые будет изучены методы регулирования государством религиозной сферы республики на протяжении всего постсоветского периода. Основное внимание будет уделено формированию институтов государственного регулирования религии, их трансформации. Кроме того, в работе впервые не классифицируются отдельные стратегии взаимоотношений политических деятелей со священнослужителями и конкретными религиозными объединениями, а анализируется государственная религиозная политика в целом. Также научная новизна данного диссертационного исследования состоит в том, что взаимоотношения государства и церкви в постсоветской Бурятии впервые будут рассмотрены через призму исторического институционального подхода. Впервые будут выявлены и классифицированы институты государственного регулирования религии, а также изучен процесс их создания и развития.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в итоге исследования была создана универсальная теоретическая модель анализа государственной религиозной политики. Эта модель может быть применена при изучении аналогичных процессов в других регионах. Выводы диссертации,

собранный в ходе исследования эмпирический материал могут быть использованы для дальнейшего изучения государственного регулирования религии, трансформации религиозной сферы в постсоветский период. Материалы диссертационной работы могут быть востребованы в органах государственной власти соответствующей специализации. Также возможно дальнейшее использование выводов данной диссертационной работы при разработке специальных академических курсов.

Источниковую базу исследования составили:

1) Нормативно-правовые акты: федеральные, субъекта федерации, муниципальные. Также были использованы документы, справки, отчеты государственных органов власти, таких как Управление Министерства юстиций по Республике Бурятия, Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия (бывший Комитет по делам национальностей и связям с религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия), Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия.

2) Статистические данные Федеральной службы государственной статистики (статистические сборники «Бурятия в цифрах», статистические ежегодники «Бурятия», информация из баз данных, опубликованных на официальных сайтах <http://burstat.gks.ru/> и <http://www.gks.ru/>).

3) Результаты социологических исследований, проведенных социологической службой «Эйдос» по заказу Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента

Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия⁴¹. Кроме того, были использованы данные из специализированных справочников⁴².

4) Электронные и печатные публикации, вышедшие в постсоветской Бурятии, посвященные религиозной тематике: художественная, публицистическая литература и т.п.

5) Интернет-материалы – официальные сайты органов государственной власти, религиозных организаций, блоги религиозных деятелей и т.п.

6) Публикации в средствах массовой информации: печатные и интернет версии газет «Информ-Полис», «Номер один», «Новая Бурятия», «Бурятия», «Правда Бурятии», «Молодежь Бурятии», телеканалов местного значения: «АригУс», «Тивиком», «БГТРК» (Бурятская государственная телерадиокомпания), радиозфира «Радио Бурятии», газеты Улан-Удэнской и Бурятской епархии «Православная Бурятия».

7) Материалы полевого исследования – нарративы интервью, собранных в течение 2011-2014 гг. За это период была проведена серия глубинных интервью, в ходе которых были опрошены представители органов государственной власти, религиозные деятели, жители республики.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» 19 декабря 2014 г.

Основные тезисы данной работы были представлены в качестве докладов и тезисов на международной научной конференции «Европа и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: проблемы взаимодействия» Иркутского государственного университета при поддержке Центра международных и европейских исследований им. Фернана Броделя и Центра Европейского Союза в Сибири (г. Иркутск, 30 сентября – 1 октября 2013 г.), на всероссийской

---

⁴¹ Например: Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010.

⁴² В том числе: Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011; Атлас современной религиозной жизни России / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2005, 2006, 2009.

политологической конференции «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития» Иркутского государственного университета (г. Иркутск, 25 апреля 2013 г.), на международной конференции «Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации» Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ, 17 – 20 мая 2012 г.), на международной научной конференции «Мир Центральной Азии» Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, 18 – 22 апреля 2012 г.).

Кроме того, данное диссертационное исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта (Религиозная ситуация во Внутренней Азии: проблемы постсоветских трансформаций), проект № 13-33-01260.

Концептуальные идеи и выводы диссертации отражены в 15 публикациях, в том числе 8 публикациях в ведущих рецензируемых отечественных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Наукометрические показатели автора (по РИНЦ на 17.08.2015 г.). Число публикаций в РИНЦ – 11. Суммарное число цитирований – 5. Индекс Хирша – 1. Число цитирований в расчете на 1 публикацию – 0,45. Число публикаций в российских журналах – 11 (100 %). Число цитирований из российских журналов – 5 (100,0 %). Число цитирований из российских журналов из перечня ВАК – 4 (80 %). Число цитирований из журналов с ненулевым импакт-фактором – 5 (100 %). Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи, – 0,273. Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были процитированы статьи, – 0,381.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

**Глава 1. Институты государственного регулирования религии:
теоретические подходы и локальные контексты**

**1.1. Основные этапы формирования концепции исторического
институционализма.**

Современные теоретические подходы к изучению религии фокусируются на проблеме религиозного подъема. Эта мировая тенденция, которая противоречит постулатам теории секуляризации, господствовавшей в середине XX в. Религия не потеряла свое значение на Ближнем Востоке, в Южной и Северной Америке. Исследователи заговорили о том, что идеи упадка уровня религиозности, снижения авторитета религии и пр. не выдержали проверку временем¹. Родни Старк в 1999 г. опубликовал статистику, свидетельствующую о значительном росте религиозных групп в течение краткого промежутка времени. Он приводит данные об исламе, евангелизме и упоминает глобальный религиозный рост во всем мире от Китая и Японии до европейских стран и США². Появилось множество теорий, описывающих наблюдаемые тенденции. Они рассматривались через призму фундаментализма, экономики религии, несекуляризации, десекуляризации и т.п. Каждая из этих концепций предлагает свое объяснение религиозного подъема. Некоторые из них, так или иначе, затрагивают вопросы отношения государства и религиозных организаций в современном мире, пытаются проанализировать воздействие государственной политики на религиозную ситуацию.

Однако тема взаимоотношения церкви и государства чаще выступает лишь как один аспект изучаемой проблемы, поэтому рассматривается односторонне. Например, теория рационального выбора или экономика религии фокусируется на последствиях вмешательства государства в религиозную сферу, пытаясь объяснить

---

¹ См., например: Dueck C. *Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American. Grand Strategy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

² См. Stark R. *Secularization, R.I.P.* // *Sociology of Religion*. 1999. № 60(3). P. 267-268.

уровень религиозности в обществе как результат конфессионального разнообразия. В итоге этот подход ограничивается изучением государственной поддержки религиозных организаций и соперничества между ними.

Институциональный подход в данной ситуации обладает рядом преимуществ. Во-первых, одно из течений нового институционального подхода – исторический институционализм, который позволяет рассматривать развитие изучаемых явлений и процессов в исторической перспективе. Он изначально формировался как инструмент для сравнительного анализа политических процессов в исторической перспективе. Во-вторых, институциональный подход хорошо адаптирован для изучения любых трансформаций в обществе, в том числе и религиозных. Он позволяет изучать нормы и правила, определяющие поведение акторов. В данной ситуации интерес представляют формальные и неформальные институциональные механизмы, предоставляющие определенные объемы власти и полномочий религиозным и светским акторам и определяющие пределы религиозных и гражданских свобод для религиозных и светских групп населения, специфический способ приведения этих механизмов в действие, а также идеологию, легитимизирующую эти механизмы³.

Дж. Марч и Дж. Олсен (J. March, J. Olsen) своей статьей 1984 г. положили начало возрождению институционализма⁴ в науках об обществе. Они утверждали, что политические явления нельзя сводить к сумме индивидуальных поведений, они должны быть объяснены с точки зрения институтов. С тех пор появилось множество исследований на основе институционального анализа. Сама теория разделилась на несколько течений. В 1994 г. П. Холл и Р. Тейлор выделили четыре направления новых институциональных течений: исторический институционализм, институционализм рационального выбора, экономический институционализм и социологический институционализм⁵. В 1999 г. Б. Гай Битерс

---

³ Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №2(30). С. 142.

⁴ Burnham P., Gilland K., Grant W., Layton-Henry Z. Research Methods in Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P. 18.

⁵ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2011. Том 2, № 4. С. 29.

писал о, по меньшей мере, семи течениях институционализма в изучении политики, в том числе о нормативном институционализме, институционализме рационального выбора, историческом институционализме, эмпирическом институционализме, социологическом институционализме, институционализме представительства интересов (*interest-representation*), международных исследованиях институционализма⁶. Их объединяет идея о том, что институты являются переменной, объясняющей большую часть политической жизни, и также, что они являются факторами, требующими объяснения. Новый институциональный подход исходит из тезиса о том, что институты имеют значение⁷.

Исторический институционализм вышел из сравнительной политологии. Считается⁸, что у истоков современного понимания исторического институционализма стоит Т. Скочпол и ее работа «Государства и социальные революции»⁹. Пытаясь объяснить источники и модели великих революций, она не стала объяснять их через классовую структуру или власть элитной части общества, она подробно изучила реальные примеры революций, поместила их в исторический контекст и провела сравнительный анализ. В итоге она пришла к пониманию важности институтов, того, что структура государственных институтов в дореволюционный период напрямую влияла на результаты революций. В конце 1970-х гг., когда была опубликована ее работа, ее вывод о том, что государственные институты имеют значение, был новаторским и внес большой вклад в развитие гуманитарных наук.

В 1989 г. выходит работа Питера Холла¹⁰, в которой он изучает вопрос о том,

---

⁶ Peters G. *Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism»*. London: Pinter, 1999.

⁷ Там же. P. 150, цитируется по Shu-Yun Ma *Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review / Revue internationale de science politique*. 2007. № 28(1). P. 63.

⁸ Steinmo S. *What is Historical Institutionalism? // Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. D.Porta, M. Keating*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. P. 158.

⁹ Skocpol T. *States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

¹⁰ Hall P. *The Political Power of Economic Ideas*. – Princeton: Princeton University Press, 1989.

почему государственная политика, основанная на одинаковых теоретических моделях, начинает доминировать в разных странах примерно в одно и то же время. Он показал, что однажды встроенная модель начинает структурировать политические решения и становится для них чем-то вроде базовых шаблонов.

Тема влияния системы норм, идей на принимаемые политические решения была продолжена в работе Г. Эспинг-Андерсон¹¹ 1990 г. В ней была проанализирована идея государства всеобщего благосостояния. Автор пришел к выводу о том, что, являясь фактом современной политической жизни, модель государства всеобщего благосостояния сама по себе формирует политическую стратегию, ожидания и политическую деятельность в странах, разработавших ее.

В 1992 г. выходит исследование Б. Ротштейна, который, изучая развитость профсоюзного движения в разных странах, обнаружил, что особая структура институтов национального страхования на случай безработицы является чрезвычайно важным инструментом мобилизации и организации профсоюзов. У стран, использующих модель Гента, оказалась более развитая система профсоюзов, а само профсоюзное движение было более массовым. Э. Иммергут тогда же представила исследование¹², в котором описала политику в области здравоохранения в разных странах. Ее интересовало, почему одни страны разрабатывают всеобъемлющие национальные системы здравоохранения, а для других характерны децентрализованные и носящие фрагментарный характер программы страхования. Она обнаружила, что невозможно объяснить различия в результатах политики в области здравоохранения, не объясняя, каким образом их структурируют политические институты в той или иной стране.

В этом же году в Кембридже издается первая фундаментальная специализированная работа «Структурирование политики: исторический институционализм в сравнительной политологии» под редакцией С. Штейнмо,

---

¹¹ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

¹² Immergut E. Health Politics: Interests and Institutions in Western Europe. New York: Cambridge University Press, 1992.

К. Телен, Ф. Лонгстрета¹³. Позже С. Штейнмо заявит, что многие наиболее интересные и важные политические исследования, написанные ранее, можно отнести к историческому институционализму, несмотря на то, что в то время, когда они были написаны, такого термина еще не существовало. Среди таких работ он называет «Великую трансформацию» К. Поланьи, «Государства и социальные революции» Т. Скочпол, «Политический порядок в меняющихся обществах» С. Хантингтона, «Социальные истоки диктатуры и демократии» Б. Мура и другие¹⁴. Однако собственно термин исторический институционализм официально появляется именно в этой коллективной работе 1992 г. В ней впервые целый раздел был посвящен историческому институционализму как исследовательской модели, были даны основные определения и подходы. Таким образом, с этого момента исторический институционализм оформился как теория и методология. Другие разделы книги посвящены конкретным эмпирическим исследованиям, опирающимся на исторический институционализм. Эта работа продемонстрировала потенциал подхода, его способность осветить широкий круг вопросов, в том числе, почему и каким образом изменяются институты, как институциональные структуры сужают круг идей, определяющих конкретные политические действия и решения, и какие непредвиденные последствия могут за эти последовать.

После этого практически одновременно выходит сразу несколько эмпирических исследований, базирующихся на историческом институционализме. С. Штейнмо¹⁵ продолжает традицию изучения государства всеобщего благосостояния, пытаясь выяснить причины различного влияния этой идеи в разных странах. Первоначально предположив, что различия объясняются политической культурой и/или общественными предпочтениями, в итоге он

---

¹³ Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / ed. S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

¹⁴ Steinmo S. What is Historical Institutionalism? // Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. D.Porta, M. Keating. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. P. 158.

¹⁵ Steinmo S. Taxation and Democracy: Swedish, British and American Approaches to Financing the Modern State. New Haven: Yale University Press, 1993.

приходит к выводу о важности существующих институтов принятия политических решений. Сравнивая Швецию и США, он выясняет, что для них характерны очень разные политические институты, через которые и элитные группы, и основная масса населения транслируют свои пожелания в политику, и в конечном итоге это имеет огромное влияние на структуру фактических политических результатов. Поскольку работа базируется на историческом институционализме, С. Штейнмо привлек обширный исторический материал. На основе этих данных он пришел к выводу, что для Швеции характерны корпоративистские институты принятия решений, а США свойственны фрагментированные плюралистичные институты. Доминирование одного из этих институтов обуславливает кардинально отличающиеся системы бюджетных доходов, и соответственно, различные способности финансирования популярных программ в здравоохранении, образовательной политике и политике в отношении рынка труда, т.е. степень влияния идеи государства всеобщего благосостояния на конкретные политические решения.

В. Хэттэм в 1993 г. написала работу о рабочем движении в США. В ней она, опираясь на исторический институционализм, объяснила слабость рабочего движения в Америке через структуру американских партий и электоральных институтов, которые препятствуют политическим стратегиям профсоюзных активистов. Кроме того, в 1993 г. выходит первая работа П. Пирсона, в которой он исследует, как политический выбор, совершенный однажды, влияет на выбор в последующие моменты времени¹⁶.

В 1996 г. П. Холл и Р. Тейлор дали развернутую характеристику различным течениям нового институционализма, в том числе и исторического направления, в своей работе «Политические исследования и три новых институционализма»¹⁷. В ней они описали связь исторического институционализма с теорией групп и структурным функционализмом, дали определение институтам, назвали отличия

---

¹⁶ Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change // World Politics. 1993. № 45. P. 595-628.

¹⁷ Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Электронный ресурс]. 1996. Режим доступа: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf.

исторического институционализма от других течений нового институционализма.

М. Блит с 1997 г. по 2006 г. написал серию работ¹⁸, посвященных институциональным изменениям. Отталкиваясь от работы П. Холла 1992 г., он провел сравнительный анализ политики США и Швеции, чтобы понять, как развиваются идеи, система норм, как они влияют на людей, и каким образом они могут быть использованы как оружие в политической борьбе. В итоге он приходит к выводу о том, что система норм не просто влияет на политическое поведение, а лежит в его основе.

В 1998 г. выходит книга К. Макнамары¹⁹, в которой она анализирует монетарную политику в Европе и пытается выявить причины и механизмы интеграции европейских стран. Она демонстрирует, что процесс политических изменений является исторически зависимым, формируется под влиянием убеждений политиков и интерпретаций их опыта.

К. Телен в 1999 г. выпустила еще одну обзорную работу, посвященную историческому институционализму²⁰. В ней она дает свежий обзор последних разработок в области исторического институционализма. Кроме того, она рассматривает точки соприкосновения исторического институционализма и теории рационального выбора. При всей общности между этими двумя направлениями нового институционализма существует глубокое различие в подходе к эмпирическим проблемам. Телен подробно показывает, что теория рационального выбора делает акцент на институтах, как механизмах координации, которые создают и поддерживают равновесие, а исторический институционализм фокусируется на том, как институты создаются и внедряются в конкретные

---

¹⁸ Blyth M. Any More Bright Ideas? The Ideal Turn of Comparative Political Economy. *Comparative Politics*. 1997. № 29. P. 229-250; *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002; Structures Do Not Come with an Instruction Sheet: Interests, Ideas and Progress in Political Science // *Perspectives on Politics*. 2003. № 1(4). P. 695-706; Great Punctuations: Prediction, Randomness, and the Evolution of Comparative Political Research // *American Political Science Review*. 2006. № 100(4). P. 493-498.

¹⁹ McNamara K. *The Currency of Ideas: Monetary Policy in the European Union*. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

²⁰ Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. 1999. № 2. P. 369-404.

исторические процессы. В этой работе К. Телен пытается оценить прогресс в осмыслении формирования институтов и их изменений. Она опирается на разрабатываемые тогда в рамках исторического институционализма идеи «критических развилок» и обратных связей в политике и предлагает модель институциональной эволюции и «зависимости от предыдущей траектории развития». Это дает альтернативу равновесию и другим подходам, отделяющим анализ институциональной стабильности от анализа институциональных изменений.

В 2000 г. вышла работа М. Маркуссена об Европейском экономическом и валютном союзе. Сосредоточившись на анализе неформальных правил и норм, он рассмотрел, каким образом, идеи, ценности, убеждения влияют на политику и способствуют институциональным изменениям. П. Пирсон продолжает исследовать влияние политического выбора на последующее развитие событий. В 2000 г. он публикует работу «Возрастающая отдача, зависимость от предыдущей траектории развития и изучение политики»²¹. В ней он пытается более тщательно разработать концепцию «зависимости от предыдущей траектории развития» и концептуализировать ее как социальный процесс, закрепленный в динамике «возрастающей отдачи». В работе Пирсон излагает свои мысли о том, что исследования возрастающей отдачи могут служить более строгой основой для некоторых ключевых моментов исторического институционализма: определенных моделей выбора времени и проблемы последовательности, широкого спектра возможных результатов, масштабных последствий, которые могут возникнуть в результате относительно небольших и случайных событий, конкретных моделей поведения, однажды внедренных, которые практически невозможно изменить. В итоге Пирсон приходит к выводу о том, что политическое развитие перемежается критическими моментами, или критическими развилками, которые формируют основные контуры общественной жизни.

В 2002 г. П. Пирсон совместно с Т. Скочпол пишут раздел об историческом

---

²¹ Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000. №94. P. 251-267.

институционализме в книге о политических науках²². Здесь они, во-первых, выделяют основные направления исследований в рамках исторического институционализма, сформированные к началу 2000-х гг. Это переход к демократии, появление и разрушение авторитарных режимов, соприкосновение внешней и внутренней политики, происхождение и развитие государств всеобщего благосостояния, социальные идентичности в политике, источники и развитие экономических режимов, причины и последствия социальных движений и революций. Во-вторых, в данной работе были сформулированы основные черты, характеризующие исторический институционализм. Согласно П. Пирсону и Т. Скочпол, исторические институционалисты обращаются к существенным проблемам, представляющим интерес для широкой общественности и для других ученых. Они понимают важность времени, определяя последовательности и отслеживая трансформации процессов различного масштаба и протяженности во времени. Исторические институционалисты также анализируют макроконтексты и выдвигают гипотезы о комбинированных эффектах институтов и процессов, а не рассматривают только один институт или процесс. Все эти характеристики, вместе взятые (исследуемые проблемы, временной фактор и внимание к контекстам и конфигурациям), – все это делает исторический институционализм самостоятельной и узнаваемой дисциплиной, вносящей существенный вклад в понимание государства, политической деятельности и публичной политики в целом. Эта работа П. Пирсона и Т. Скочпол внесла существенный вклад в обоснование перспектив исторического институционализма и утверждения его как одного из главных теоретических подходов к изучению политики в современном мире.

Р. Либерман в работе 2002 г. подробно рассматривает перспективы и проблемы применения институционального подхода к анализу политических

---

²² Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // Political Science: The State of the Discipline / ed. I.Katznelson, Milner H. New York: Norton, 2002. P. 693-721.

трансформаций²³. Он выделил т.н. идейный подход к анализу политических трансформаций (т.е. изучение того, как идеи влияют на политику) и предложил с его помощью изучать структурные изменения. Согласно Р. Либерману, быстрая смена идей, лежащих в основе политических решений, часто происходит в периоды напряженной неопределенности, но идеи также могут распространяться постепенно по причине нарастающих внутренних проблем и несогласованности в существующем институциональном порядке.

С. Штейнмо в 2003 г. публикует работу, обобщающую его предыдущие исследования налоговой политики²⁴. В ней он обосновывает развитие представлений об изучаемой проблеме и приходит к выводу о том, что существуют повторяющиеся, взаимозависимые и динамичные отношения между идеями, оказывающими влияние на выработку политики, политическими институтами и результатами государственной политики.

В 2004 г. выходит книга П. Пирсона «Политика во времени: история, институты и социальный анализ»²⁵. Она представляет собой системный анализ введения исторической перспективы в исследования государственной политики. Он пишет о том, что понимание событий и процессов часто искажается, когда они рассматриваются вне временного контекста. Появление исторического институционализма значительно обогащает понимание сложной социальной динамики и позволяет использовать адекватные подходы и методы для ее объяснения. Введение исторической перспективы в изучение государственной политики позволяет анализировать процессы, разворачиваются в течение значительных периодов времени, обстоятельства, при которых могут произойти различные явления и процессы, и прежде всего значение временных аспектов общественной жизни для понимания важных политических и социальных результатов.

---

²³ Lieberman R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *American Political Science Review*. 2002. № 96(4). P. 697–712.

²⁴ Steinmo S. The evolution of policy ideas: tax policy in the 20th century // *British Journal of Politics and International Relations*. 2003. № 5(2). P. 206–236.

²⁵ Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press. 2004.

В этом же году выходит работа Дж. Кэмбелла²⁶, в которой он анализирует то, каким образом различные политические институты адаптируются и развиваются под давлением глобальной конкуренции и демографических изменений. Дж. Кэмбелл пытается сформулировать признаки, по которым можно определить, что начались институциональные трансформации, а также механизмы этих изменений. Он не просто анализирует исторический институционализм как подход к изучению трансформаций институтов, он выявляет существующие на тот момент методологические проблемы и предлагает способы их преодоления. В частности, он указывает на проблемы четкого определения существования институциональных изменений, определения механизмов, ответственных за институциональные изменения, и проблему неспособности адекватно объяснить, как идеи (кроме личных интересов) влияют на институциональные изменения. Для того чтобы продемонстрировать целесообразность предлагаемых им инструментов для решения проблем институционального анализа, Дж. Кэмпбелл применяет их к анализу такого явления, как глобализация. Эта работа серьезно продвинула историческую институциональную теорию, а автор внес существенный вклад в разработку модели анализа институциональных изменений.

Большое значение имела работа 2004 г. А. Грейфа и Д. Лэйтина²⁷, также посвященная институциональным изменениям. Авторы рассматривают то, почему и как изменяются институты, почему институты продолжают существовать в меняющихся условиях, каким образом и как процессы, санкционированные существующими институтами, в конечном итоге, приводят к их гибели. Для этого они используют теорию игр как базу для построения собственной аналитической модели. Но одновременно А. Грейф и Д. Лэйтин, опираясь на исторический институционализм и его критику теории игр, вводят понятия квази-параметров (*quasi-parameters*) и самоукрепления (*self reinforcement*). На их основе, а также используя одновременно и традицию теории игр, и исторического

---

²⁶ Campbell J. 2004. *Institutional Change and Globalization*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

²⁷ Greif A., Lai tin D. A Theory of Endogenous Institutional Change // *American Political Science Review*. 2004. № 98(4). P. 633-652.

институционализма, они строят модель, объясняющую эндогенные изменения (и стабильность институтов). Свою модель они опробовали на анализе формальных государственных институтов в ранней современной Европе и неформальных множественных институтов современности. Эта работа оказала огромное влияние на дальнейшее изучение институциональных изменений.

В 2005 г. в Кембридже выходит книга «Предпочтения и ситуации», в которой И. Кацнельсон и Б. Вейнгафт²⁸ исследуют точки пересечения между теорией рационального выбора и историческим институционализмом. Они пытаются показать, что, несмотря на острую дискуссию между теорией рационального выбора и историческим институционализмом, оба эти подхода могут обогатить друг друга. Концепция рационального выбора предполагает, что люди, независимо от времени и места, в котором они живут, пытаются достигнуть определенных целей – максимизации их личного богатства или власти. Сравнительно-исторические исследования подчеркивают исторический контекст в объяснении поведения людей. И. Кацнельсон и Б. Вейнгафт утверждают, что общий акцент в исследованиях постепенно смещается на анализ того, как институты влияют на поведение людей в конкретных ситуациях, и это должно в перспективе сократить разрыв между моделью рационального выбора и историческим институционализмом.

В Оксфорде в 2005 г. также выходит книга, посвященная историческому институционализму. В. Штрик и К. Телен²⁹, открывая ее, дают обзор традиции исследования институтов в историческом контексте и формулируют перспективы данного направления. Однако эта книга – не просто сборник кейс-стади на основе исторического институционализма. Она также стала существенным вкладом в развитие традиции изучения институциональных изменений. В различных разделах книги рассматриваются ограничения существующих методологических

---

²⁸ Katznelson I., Weingast B. *Intersections between Historical and Rational Choice Institutionalism // Preferences and Situations* / ed. I. Katznelson, B. Weingast. New York: Cambridge University Press, 2005. P. 1-26.

²⁹ Streeck W., Thelen K. *Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity* / ed. W. Streeck, K. Thelen. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1-39.

концепций, отсутствие аналитических инструментов, необходимых для идентификации изменений, происходящие на высоких уровнях обобщения. Книга с различных точек зрения показывает, что существует разнообразие моделей институциональных изменений, которых объединяет понятие непрерывности, постоянных трансформаций. В итоге это позволило авторам выделить эмпирически обоснованную типологию режимов институциональных изменений, что обеспечило более глубокое и фундаментальное понимание данного явления.

В 2007 г. опубликована «Трансформация американской политики: активная политика правительства и подъем консерватизма»³⁰ под редакцией П. Пирсон и Т. Скочпол. Эта книга поднимает проблему парадоксальности преобразований американского политического ландшафта с 1960-х гг. С одной стороны, крепнет тенденция к все более активной позиции правительства и американской политики, с другой, растет тенденция к повышению консерватизма, который выступает против активной позиции правительства. Авторы книги рассматривают этот феномен с позиций исторического институционализма. Они пишут, что даже консервативные части политической системы становятся более активными, чем раньше. Эта тенденция повлияла на реформы и функционирование политических институтов, форм гражданской активности, и она постоянно укрепляется. Подобные преобразования не только изменили участников американской политики и механизмы их деятельности, но изменили и содержание политических конфликтов и возможностей для достижения успеха у конкурирующих интересов. Сама книга представляет собой типичный для исторического институционализма формат исследования – несколько эмпирических исследований институциональных преобразований, объединенных общей темой.

2008 г. ознаменовался выходом обобщающего обзора современных методологических подходов к изучению социальных явлений, где историческому

---

³⁰ The Transformation of American Politics: Activist Government and the Rise of Conservatism / ed. Skocpol T., Pierson P. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.

институционализму посвящен свой раздел, автором которого стал С. Штейнмо³¹. В нем он дает развернутую характеристику собственно историческому институционализму, истории его формирования как аналитической концепции, рассматривает связи исторического институционализма с другими направлениями новых институциональных исследований. Кроме того, С. Штейнмо подробно останавливается на значении введения исторического контекста в изучение политических явлений. Он подчеркивает, что для изучения любых явлений и процессов в обществе, в том числе политических, важен контекст и исторический порядок событий. Исторический институционализм опирается на понимание истории не как цепи независимых событий, а как последовательности, в которой каждое событие влияет на другое. В свете популярности во второй половине 2000-х гг. исследований институциональных трансформаций, С. Штейнмо пишет об аналитической важности таких понятий как непрерывность и изменение во времени. Исторические институционалисты скептически относятся к идее независимых переменных, которые могут быть выделены для измерения каждого эффекта, так как факторы постоянно взаимодействуют друг с другом. В предисловии к книге редакторов издания Д. Делла Порты и М. Китинг пишут, что если есть научная аналогия историческому институционализму, то это биология. Исторические институционалисты заинтересованы в конкретных случаях и сравнении их небольшого числа, а не в обобщении множества примеров.

В 2008 г. выходит еще несколько публикаций на основе исторического институционализма. Т. Кэрэуэй³² исследует современное состояние и адаптацию традиционных профессиональных союзов в Индонезии. Р. Либерман публикует книгу³³, где исследует расовую политику в США, Великобритании и Франции в

---

³¹ Steinmo S. What is Historical Institutionalism? // *Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective* / ed. D. D.Porta, M. Keating. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. P. 150-178.

³² Caraway T. Explaining the Dominance of Legacy Unions in New Democracies: Comparative Insights from Indonesia // *Comparative Political Studies*. 2008. № 41(10). P. 1371-1397.

³³ Lieberman R. *Shaping Race Policy: The United States in Comparative Perspective*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

сравнительной исторической перспективе. П. Фример исследует³⁴ трансформацию с 1930-х гг. движений в США, борющихся за гражданские и трудовые права, и роль демократической партии в этих изменениях. М. Тэтчер и Д. Коэн рассматривают³⁵ в исторической перспективе европейские институты, через которые Евросоюз осуществляет свою политику.

В. Штрик в 2009 г. публикует новую работу³⁶, где пытается рассмотреть возможные границы историко-институционалистского анализа. Он пытается доказать три основных идеи. Во-первых, прогресс требует возвращения от статической к динамической перспективе, в которой изменение больше не частный случай, а универсальное условие любого общественного строя. Во-вторых, теория не должна априори исключать возможность того, что институциональное изменение может быть больше, чем просто случайная вариация, и быть частью перехода от одного состояния развития другому. В-третьих, признание динамического характера социальных институтов – и общественного строя в целом – требует аналитической рамки, адаптированной к историческим особенностям конкретных социальных формирований.

В 2010 г. П. Холл выступает с работой «Политика как процесс, структурированный в пространстве и времени»³⁷, где снова рассуждает о важности рассмотрения политических явлений во временном контексте. О.А. Льюис и С. Штейнмо совместно публикуют работу³⁸, в которой впервые затрагивают проблему изучения трансформации институтов через призму эволюции. Также особый интерес представляет опубликованная также в 2010 г. книга «Объясняя

---

³⁴ Frymer P. *Black and Blue: African Americans, the Labor Movement, and the Decline of the Democratic Party*. Princeton: Princeton University Press, 2008.

³⁵ Thatcher M., Coen D. *Reshaping European Regulatory Space: An Evolutionary Analysis*. *West European Politics*. 2008. № 31(4). P. 806-836.

³⁶ Streeck W. *Institutions in History: Bringing Capitalism Back* [Электронный ресурс] // Max Planck Institute for the Study of Societies Discussion Paper. 2009. 09/8. Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1852543.

³⁷ Hall P. *Politics as a Process Structured in Space and Time*. Paper presented at American Political Science Association [Электронный ресурс]. Washington, D.C, 2010. Режим доступа: <http://scholar.harvard.edu/hall/publications/politics-process-structured-space-and-time>.

³⁸ Lewis O., Steinmo S. *Taking Evolution Seriously in Political Science* // *Theory in Biosciences*. 2010. № 129. P. 235-245.

институциональные изменения: неопределенность, организация и власть»³⁹ под редакцией Дж. Махони и К. Телен. Ее вступительная статья предлагает новую основу для анализа постепенных изменений, которая основывается на представлении об институтах, как о структурах, распределяющих власть, что подчеркивает существование не только внутренней борьбы, но и постоянной борьбы с уже существующими институтами. Далее следует пять глав от разных авторов, в которых исследуются конкретные случаи постепенных институциональных изменений в США, Африке, Латинской Америке и Азии.

В 2011 г. выходит коллективная работа М. Блита, Дж.М. Ходжсона, О.А. Льюиса и С. Штейнмо⁴⁰ об эволюции институтов. В ней они поднимают проблему подхода к изучению социальных и политических институтов и возможности применения эволюционной теории. Своей работой они пытаются показать, почему эволюционный подход является подходящим для изучения проблемы трансформации различных институтов, в том числе общественных, государственных и политических. Кроме того, они рассматривают, как эти идеи могут помочь понять механизмы институциональных изменений и формирование индивидуальных предпочтений.

Обсуждение применимости эволюционного подхода к изучению институциональных изменений О.А. Льюис и С. Штейнмо продолжают в своей статье⁴¹ 2012 г., в которой утверждают, что проблему постепенных институциональных изменений можно понимать как эволюционный процесс. С их точки зрения когнитивные способности, схемы и идеи становятся центральными для понимания возникновения человеческих институтов, а также их масштабов и темпов. Именно поэтому в данной ситуации возможно применение обобщенного дарвинизма, но авторы предостерегают от неграмотного использования этого

---

³⁹ Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. J. Mahoney, K. Thelen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

⁴⁰ Blyth M., Hodgson G.M., Lewis O.A., Steinmo S. Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/6490/905834.pdf?sequence=1>.

⁴¹ Lewis O., Steinmo S. How Institutions Evolve: Evolutionary Theory and Institutional Change // Polity. 2012. № 44(3). P. 314-339.

подхода. Эволюционная теория, по их мнению, призвана обеспечить основу, позволяющую объединить изучение познания, идей, процесса принятия решений с направлениями, которые сосредотачиваются на анализе институциональных изменений и эволюции человека.

Ф. Резенде⁴² в работе 2012 г. поднимает проблему эндогенных институциональных изменений в контексте исторического институционализма. Он дает обзор критики традиционных подходов к изучению институциональных изменений и рассматривает в сравнительной перспективе различные течения исторического институционализма как инновационные подходы к изучению данной проблемы. Резенде фокусируется на квазипараметрических моделях, моделях постоянных изменений и моделях, позволяющих анализировать динамическое взаимодействие между идеями и институтами. Его главный вывод состоит в том, что последнее десятилетие институциональных исследований в исторической перспективе, ознаменованное введением новых понятий, способов концептуализации, привело к значительной аналитической трансформации исторического институционального подхода. Это в итоге позволяет исследователям изучать институциональные изменения, опираясь на зрелую и актуальную методологию.

Из последних работ наибольший интерес представляют предварительно опубликованное введение⁴³ и первая глава⁴⁴ к Оксфордскому справочнику по историческому институционализму, издание которого планируется в 2015 г. Это одновременно и самые полные обзоры истории формирования и развития исторического институционализма как методологической концепции на

---

⁴² Rezende Flávio Da Cunha Do Institutions Produce Institutional Change? The New Historical Institutionalism and Analytic Innovations in the Theory of Change [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bpsr.org.br/index.php/bpsr/article/view/117/108>.

⁴³ Fioretos O., Falleti T., Sheingate A. Historical Institutionalism in Political Science [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://noticide.files.wordpress.com/2013/11/tulia-falleti_historical_institutionalism_290513.pdf.

⁴⁴ Steinmo S. Historical institutionalism and experimental methods [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.svensteinmo.com/articles/Steinmo_2014_Historical_Institutionalism_and_Experiments.pdf.

сегодняшний день, и в то же время в этих работах даны самые актуальные перспективы и проблемы дальнейшего развития исторических институциональных исследований.

Если ко времени начала формирования исторического институционализма, т.е. на начало 1990-х гг., приходится небольшое количество работ в рамках данного направления, то постепенно их объем начинает расти. В итоге в данной диссертации невозможно перечислить все подобные исследования, особенно начиная со второй половины 2000-х гг. Выше были рассмотрены лишь основные публикации, оказавшие значительное влияние на саму теорию исторического институционализма. Однако не стоит забывать о существовании большого объема исследований конкретных явлений и процессов во временном контексте, которые характерны для этой методологии.

Таким образом, исторический институционализм позволяет исследовать формирование и трансформацию институтов. Это преимущество сделала данное теоретическое направление одним из самых популярных в современных мировых политических исследованиях. Однако в России исторический институционализм находится в сложной ситуации. С одной стороны, достаточно развито направление исследований трансформации общественных и политических институтов в историческом контексте. С другой стороны, большинство из них не имеют никакого отношения не только к концепции исторического институционализма, но и к новым институциональным исследованиям вообще. Редкие работы, использующие методологическую базу исторического институционализма, являются теоретическими обзорами и посвящены анализу современного состояния институциональной теории вообще. А эмпирических исследований, являющихся основой данной концепции, сегодня практически нет.

Одним из центров исследований в рамках новой институциональной теории сегодня является Высшая школа экономики, но и здесь исторический институционализм рассматривается лишь как одно из направлений современных институциональных исследований и практически не используется. Главной работой остается статья Н. Флигстина в журнале экономическая социология,

опубликованная еще в 2001 г.⁴⁵ В ней Н. Флигстин, делая обзор новой институциональной теории вообще, посвящает небольшой раздел историческому институционализму. Здесь он дает ему краткую характеристику и фокусируется скорее на своеобразии исторического институционализма по сравнению с другими направлениями новых институциональных исследований. В 2001 г. вышла также статья С. Патрушева⁴⁶, где он также характеризует исторический институционализм в рамках рассмотрения современных институциональных исследований вообще, при этом он разбирает основные положения данной теории достаточно подробно.

В 2005 г. вышла статья О.И. Зазнаева, в котором также анализируется концепция институционального анализа, в том числе исторический институционализм. В 2009 г. появилась первая крупная эмпирическая работа⁴⁷, в которой исторический институционализм был использован в качестве методологической основы исследования. Р.М. Нуреев и Ю.В. Латов рассмотрели европейский и российский пути экономического развития в сравнительной исторической перспективе. В 2010 г. Р. Тоштендаль в своей статье⁴⁸ рассуждал об «историческом повороте» в исследованиях общества.

В 2010 г. выходит еще одна значительная публикация по теме. О.Ю. Малинова опубликовала работу «Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии»⁴⁹, где она дает обзор состоянию мировой науки в сфере исследования того, как идеи, представления, убеждения, нормы, ценностные и когнитивные установки⁵⁰ влияют на поведение

---

⁴⁵ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2011. Том 2, № 4, С. 28-55.

⁴⁶ Патрушев С.В. Институционализм в политической науке; этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. Зарубежная политология в XX столетии. 2001. №2. 146-186

⁴⁷ Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2010.

⁴⁸ Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 14-25.

⁴⁹ Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 90-99.

⁵⁰ Там же. С. 90.

участников политического процесса. В сущности, она анализирует работы исторических институционалистов, таких как М. Блит, П. Холл, Р. Либерман и др.

2011 г. Т.А. Никитина в своей статье также дает краткую характеристику историческому институционализму. В. Патцельт в 2012 г. публикует статью, в которой пытается раскрыть теоретические основы исторического институционализма и объяснить инновационную логику эволюционного институционализма, фокусирующегося на происхождении, изменениях и устойчивости институтов. Кратко темы исторического институционализма коснулся М.С. Ильченко⁵¹ в своей статье 2013 г., и более подробно К. Завершинский⁵² в статье 2014 г., где он рассматривает некоторые основные методологические положения исторического институционализма.

Сущность исторического институционального подхода состоит в том, что он, во-первых, сосредотачивается на изучении роли политических институтов, а во-вторых, вводит временной фактор в институциональный анализ. Исторический институционализм отличается от других теоретических подходов пристальным вниманием к реальным эмпирическим проблемам, своей исторической ориентацией и вниманием к тому, каким образом институты структурируют и формируют социальное, политическое, экономическое поведение, и как они определяют результаты принятых акторами решений.

Стремление исторического институционализма к рассмотрению значительных исторических события и явлений является основной претензией критиков этого теоретического направления. Подобные исследовательские кейсы слишком редки и распределены неслучайным образом. С другой стороны, введение в институциональный анализ исторического контекста придает этому теоретическому направлению высокую практическую значимость. Исследование институтов вне исторической перспективы опасно игнорированием важных

---

⁵¹ Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу // Социум и власть 2013. № 3. С. 20-24.

⁵² Завершинский К.Ф. «Эффект колеи» в методологии политико-культурных исследований институциональной динамики современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 71-79.

причинно-следственных связей.

Исторический институционализм позволяет изучать формирование и изменение различных институтов, традиционно для данного направления – политических. В его рамках изучаются зарождение институтов, их развитие, а также последствия их существования, как на локальном, так и на глобальном уровне. Появившись как следствие институционального поворота в социальных науках, исторический институционализм отличается теоретической приверженностью к анализу политики в контексте времени. Исторический институционализм берет во внимание тот факт, что длительность и последовательность событий имеют долговременные последствия, которые влияют на масштаб, характер и результаты государственной политики, и исследует механизмы этого процесса.

Главной целью любого исследования в рамках исторического институционализма является понимание того, как правила, нормы и практики организуют и формируют общественные отношения и институты, и какую роль они играют в создании возможностей и ограничений для политических действий, в распределении власти, формировании политических предпочтений с течением времени. Внимание к временному контексту институциональных трансформаций позволяет историческим институционалистам ставить вопросы о причинах конкретных форм политики и результатах существования конкретных институтов.

Несмотря на то, что основой данного подхода является принцип зависимости последующих событий от предыдущих, его нельзя обвинить в детерминированном подходе к истории. Сами объекты исследования (институты и акторы) изменяются, адаптируются и зависят от самой истории. Исторические институционалисты полагают, что прогнозирование может быть только приблизительным из-за непредвиденных обстоятельств и сложных взаимодействий взаимозависимых переменных с течением времени. Основной задачей исторического институционализма является объяснение сделанного выбора и того, как он привел к определенному результату.

От теории групп исторический институционализм заимствовал понимание

того, что в основе политики лежит конфликт между конкурирующими группами в борьбе за ограниченные ресурсы. Но он предложил другое объяснение своеобразию результатов политических действий в разных странах и различиям, характерным для них. Исторический институционализм не просто признал важность формальных политических институтов. Он сделал акцент и на том, что институты имеют значение, и на том, как, каким образом они важны. Структурный функционализм также оказал влияние на исторический институционализм. Государственное устройство здесь рассматривается как общая система взаимодействующих частей. Но в отличие от структурных функционалистов, исторические институционалисты объявили институты основным фактором, структурирующим коллективное поведение и отвечающим за его различные результаты. Они выделили «структурализм», скрытый в институтах государственного устройства, а не «функционализм», господствующий до этого, который рассматривал политические действия и их результаты как ответы на потребности системы⁵³.

Основные концептуальные понятия для исторического институционализма следующие: критические развилки (critical junctures), зависимость от предыдущей траектории развития (path dependence), препятствие (intercurrence), режимы постоянных институциональных изменений (modes of gradual institutional change). Эти понятия аналитически связаны друг с другом, именно на их основе в историческом институционализме понимаются причинные механизмы, лежащие в основе моделей формирования институтов, их воспроизводства и изменения.

Значительный вклад в создание термина критических развилок внесла работа Д. и Р. Кольеров «Формирование политической арены»⁵⁴ 1991 г. Они впервые в традиции исторического институционализма выделили причинные эффекты критических развилок. Они определили критическую развилку как «момент

---

⁵³ Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Электронный ресурс]. 1996. Режим доступа: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf. P. 6.

⁵⁴ Collier R., Collier D. Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America / R. Collier, D. Collier. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1991.

значительного изменения, который обычно происходит по-разному в разных странах и который, предположительно, создает различные последствия»⁵⁵. Авторы утверждали, что вариации во время критических развилки в зависимости от контекста являются ключом к объяснению рознящихся в реальности результатов политики. Таким образом, понятие критической развилки помогло осмыслить то, почему схожие условия и политические решения в разных странах и временных периодах приводят к разным последствиям. Особое внимание при анализе должно быть уделено продолжительности критического момента и его влиянию на исторические последствия. Сроки критической развилки в связи с другими событиями важны для поздних политических событий. Согласно Кольерам, в отличие от других причин, обусловленных исторически, критические развилки могут создавать последствия без своего долговременного воздействия или воспроизводства своих оснований.

Понятие критических развилки быстро укоренилось в исследовательской традиции исторического институционализма и в итоге привело к появлению модели зависимости от предыдущей траектории развития. Внутри исторического институционализма есть некоторые разногласия по поводу того, в какой степени критические развилки сами по себе могут быть объяснены со ссылкой на институты или на другие предшествующие им причины, а также по поводу свободы действия, проистекающей из этих критических моментов⁵⁶. Критические развилки должны быть значительно короче, чем зависимые от них процессы. Если длительность критических развилки будет слишком долгой, то свобода выбора будет снова ограничена вновь появившимися институциональными ограничениями⁵⁷.

Большое значение имеют и конкретные критические развилки, которые

---

⁵⁵ Там же. Цитировано по Fioretos O., Falleti T., Sheingate A. Historical Institutionalism in Political Science [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://noticide.files.wordpress.com/2013/11/tulia-falleti_historical_institutionalism_290513.pdf. P. 9.

⁵⁶ См.: Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science // *Political Science: The State of the Discipline* / ed. I.Katznelson, Milner H. New York: Norton, 2002. P. 693-721; Slater D., Simmons E. Informative Regress: Critical Antecedents in Comparative Politics // *Comparative Political Studies*. 2010. № 43 (7). P. 886-917.

⁵⁷ Capoccia G., Keleman R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. 2007. № 59 (3). P. 341-369.

привели к ломке механизмов самовоспроизводства старых институтов и в итоге создали новые или видоизменили старые институты. Г. Сойфер в 2012 г.⁵⁸ ввел различие между разрушительными и продуктивными условиями критических развилок, т.е. между теми, которые изначально ослабляют ограничения на свободу выбора и теми, что в конечном счете сдерживают его.

Важность понимания критических развилок состоит и в том, что они могут быть маркерами процессов, зависящих от предыдущей траектории. После открытой для относительной свободы действия критической развилки следует процесс или последовательность событий, при которых свое влияние проявляют институты. Большинство работ по историческому институционализму констатируют эту двойную модель институционального развития. Она заключается в существовании относительно длительных периодов институциональной стабильности и воспроизводства институтов, зависящих от предыдущей траектории развития, которые перемежаются с довольно краткими периодами критических развилок. В такие критические моменты возможны резкие институциональные изменения. Причинно-следственная логика этой концептуальной основы исторического институционализма подчеркивает долгосрочное влияние исторического выбора, сделанного в момент критической развилки. Этот выбор перекрывают возможность альтернативных вариантов и приводит к созданию институтов, которые в дальнейшем только усиливаются под влиянием зависимости от предыдущей траектории развития.

Развилки являются критическими, потому что они направляют институциональные механизмы и траектории их развития по пути, который затем очень трудно изменить⁵⁹. Зависимость от предыдущей траектории развития – это важнейшее понятие исторического институционализма, с помощью которого объясняются то, почему институты существуют именно в такой форме, как они

---

⁵⁸ Soifer H.D. The Causal Logic of Critical Junctures // *Comparative Political Studies*. 2012. № 45(12). P. 1572-1597.

⁵⁹ Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press. 2004. P. 135; См. также Mahoney J. Path Dependent Explanations of Regime Change // *Studies in Comparative and International Development*. 2011. № 36(1). P. 114.

возникают и изменяются. Критические развилки, в свою очередь, являются отправными точками для институциональных процессов, зависящих от предыдущей траектории развития.

Важно понимать, что зависимость от предыдущей траектории развития не сводится к определению: это явление, при котором «то, что произошло в более ранний момент времени, влияет на возможные результаты последовательности событий, происходящих в более поздний момент времени»⁶⁰, хотя некоторые социологи его используют в таком виде. В традиции исторического институционализма принято понимать зависимость от предыдущей траектории развития в более конкретном ключе, как влияние выборов, совершенных в прошлом на институциональные процессы в будущем.

Дж. Махони писал⁶¹, что все исследования, связанные с анализом зависимости от предыдущей траектории развития объединяют три черты. Во-первых, изучение зависимости от предыдущей траектории развития включает в себя анализ причинных процессов, чувствительных к событиям, происходящим на ранних стадиях их общего хронологического следования. П. Пирсон отмечает, что в модели зависимости от предыдущей траектории развития начальные стадии исторического развития процесса играют намного большее значение, чем более поздние стадии. Событие, которое происходит «слишком поздно», может не иметь никакого эффекта, хотя возможно оно бы имело большое значение, если бы произошло раньше⁶². Внимание к последовательности, в которой происходят события, имеет решающее значение в определении того, почему среди нескольких возможных исходов преобладает один⁶³. Важно не только то, что событие происходит во временном контексте, включено в какой-либо процесс или последовательность событий, но и то, какое положение оно занимает относительно

---

⁶⁰ Sewell Jr. W.H. *Three Temporalities: Toward an Eventful Sociology* // *The Historic Turn in the Human Sciences* / ed. T.J. McDonald. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P. 262-263.

⁶¹ Mahoney J. *Path Dependent Explanations of Regime Change* // *Studies in Comparative and International Development*. 2011. № 36(1). P. 510.

⁶² Pierson P. *Increasing Returns, Path Dependence and the Study of Politics* // *American Political Science Review*. 2000. № 94. P. 263.

⁶³ Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press. 2004. P. 20.

других событий в последовательности.

Во-вторых, в модели зависимости от предыдущей траектории развития ранние исторические события представляют собой условные явления, которые не могут быть объяснены на основе предыдущих событий или начальных условий. Поскольку эти ранние исторические события имеют решающее значение для конечного результата, этот критерий исключает возможность его предсказания на основе начальных условий. Зависимость от предыдущей траектории развития – это такое свойство системы, при котором результат, проявившийся с течением времени не определен никаким особым набором начальных условий. Скорее система, которая показывает зависимость от предыдущей траектории развития, является той, в которой результаты случайно связаны с начальными условиями⁶⁴.

В-третьих, как только имеют место случайные исторические события, в действие вступают относительно детерминированные институты, которые далее усиливаются, ограничивая выбор. Эта инерция предполагает, что действуют механизмы, которые воспроизводят определенный институциональный шаблон с течением времени. Это дает обратную реакцию, которая становится причиной цепочки событий, в которой одно событие естественным образом приводит к другому⁶⁵.

В тесной взаимосвязи с концепцией зависимости от предыдущей траектории развития находится также понятие «непредвиденные последствия», введенное в аналитический аппарат исторического институционализма П. Пирсоном. Непредвиденные последствия также связаны с понятием зависимости от предыдущей траектории развития. Несмотря на то, что институциональные нормы создаются конкретными политическими группами интересов, органами государственной власти, в итоге созданные институты начинают использоваться таким образом, который не был изначально предусмотрен. Изучая развитие Евросоюза, П. Пирсон показал, что пусть такие наднациональные акторы, как

---

⁶⁴ Goldstone J. Initial Conditions, General Laws, Path Dependence, and Explanation in Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. 1998. № 104. P. 834.

⁶⁵ Mahoney J. Path Dependent Explanations of Regime Change // *Studies in Comparative and International Development*. 2011. № 36(1). P. 511

Еврокомиссия, Европарламент и другие, и были созданы правительствами членов Евросоюза, в итоге они стали аккумулировать в своих руках власть и ресурсы. Это позволило созданным институтам продвигать собственные интересы и бросить вызов правительствам стран-участниц Евросоюза⁶⁶.

Непредвиденные последствия часто обусловлены ограниченностью включения конкретных политических акторов в процесс формирования институтов. Политические лидеры часто не в состоянии сосредоточиться на долгосрочных перспективах результатов своих действий, т.к. срок их политической карьеры ограничен. Долгосрочные институциональные последствия зачастую являются побочными результатами мер, принятых исходя из краткосрочных политических соображений. После своего создания институты обладают своей логикой развития, которую невозможно точно предсказать в связи с наличием огромного количества обуславливающих ее факторов.

Важное значение имеют и ограничения, предпочтения конкретных акторов политического действия, их представления о ситуации. Они становятся т.н. эндогенным фактором формирования и трансформации институтов, поскольку также изменяются с течением времени. В результате, со временем политические результаты, структура и механизмы действия институтов будут все сильнее отличаться от первоначального замысла.

Большой объем исследований в рамках исторического институционализма посвящен проблеме постепенных институциональных изменений. В них акцент смещается с моментов критических развилок на периоды относительной институциональной стабильности. Здесь внимание сосредотачивается на многосложности институционального порядка, конкуренции между различными властными группами. В итоге была выведена модель четырех режимов постоянных институциональных изменений: «перестановка» или устранение существующих правил и введения новых, «наслаивание» или введение новых правил поверх существующих или наряду с ними, «сдвиг» или изменение воздействия

---

⁶⁶ См. Pierson P. The path to European Integration: a historical institutionalist analysis // Comparative Political Studies. 1996. № 29(2). P. 123-163.

существующих правил в связи с изменениями в обстановке, «преобразование» или изменение действующих норм в связи с их стратегической реорганизацией⁶⁷.

Понятие интеркуррентность (intercurrence) было введено К. Оррен и С. Скворнеком⁶⁸. Оно обозначает феномен разрастания институтов в больших масштабах. При этом речь идет не об абстрактных понятиях «государство» или «общество», а об упорядочивании всех многочисленных, дублирующих друг друга и конкурирующих между собой институциональных форм. Использование термина интеркуррентность позволяет отобразить сложность нескольких пересекающихся процессов формирования, воспроизводства и изменения институтов. Это понятие показывает многоуровневую структуру институциональных действий. Институты, созданные в разное время, генерируют «мозаику» власти⁶⁹. Неодновременность создания институтов приводит к конкуренции между созданными государством нормами. Нормальное состояние политики – это одновременные действия несогласованных друг с другом политических групп. Каждый институт берет начало в предыдущих частных исторических событиях, они наслаиваются друг на друга, что приводит к появлению множества несочетаемых, даже исключаящих друг друга норм. Институты, плохо приспособленные друг к другу или управляемые в соответствии с противоречивыми императивами, приводят соперничеству и конфликтам, что позволяет актерам эксплуатировать напряженность и противоречия для продвижения новых форм власти и авторитета.

Исторический институционализм допускает некоторые вариации в толковании своих основных аналитических инструментов. Так, существуют различающиеся между собой определения самого понятия институтов. П. Холл определяет их как формальные или неформальные процедуры, общепринятые практики, нормы и конвенции, встроенные в организационную структуру

---

⁶⁷ Mahoney J., Kathleen T. A Theory of Gradual Institutional Change // Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. J. Mahoney, T. Kathleen. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 15-22.

⁶⁸ Orren K., Skowronek S. The Search for American Political Development. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

⁶⁹ Там же. С. 108.

государственного устройства или политической экономии⁷⁰. К. Телен и С. Штейно пишут, что институты – это как формальные организации, так и неформальные правила и процедуры, структурирующие поведение, они ограничивают и формируют политику, но не являются единственным фактором, влияющим на политические результаты⁷¹. Н. Флигстин писал, что институты – это правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или, что они могут быть осознаны. Институты определяют социальные отношения, помогают установить, кто и какую позицию в этих отношениях занимает, а также направляют взаимодействие, задавая актерам когнитивные рамки или наборы смыслов, позволяющие интерпретировать поведение других. Они интерсубъективны (т.е. могут быть признаны другими), когнитивны (т.е. зависят от познавательных способностей акторов) и в какой-то степени требуют саморефлексии со стороны акторов. Институты могут воздействовать на положение акторов и при наличии, и при отсутствии их согласия или понимания⁷². В данной работе мы будем придерживаться определения В. Радаева: институты – это установленные правила, упорядочивающие поведение, и механизмы поддержания этих правил⁷³.

Институты формируются из конкретных, установленных кодексов поведения, которые определяют действия отдельных групп людей, явно или скрытно лояльных этому кодексу. По отношению к ним действенны определенные механизмы контроля в случае нарушения ими установленной системы норм⁷⁴. Люди, взаимодействуя между собой, вынуждены принимать во внимание наличие соответствующих институтов. Все нормы, составляющие институты, содержат элементы, которые запрещают, разрешают или требуют некоторого действия или

---

⁷⁰ Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Электронный ресурс]. 1996. Режим доступа: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf. P. 6.

⁷¹ Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / ed. S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. P 2.

⁷² Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2011. Том 2, № 4, С. 30-31.

⁷³ Радаев В. Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 193.

⁷⁴ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideals in the Fifties. Cambridge: Harvard University Press, 1988. P. 51.

результата.

Институциональный подход позволяет анализировать не только официальные нормы взаимоотношений, но и скрытые правила, оказывающие на них прямое воздействие, т.е. формальные и неформальные институты. Формальные институты – это законы, различные нормативно-правовые акты, любые другие официальные нормы поведения. Формальные институты являются частью системы ограничений, установленных в социуме. Другая ее часть – это неформальные институты. К ним относятся социальные условности, традиции, обычаи. Если формальные институты утверждаются конкретными субъектами, обладающими соответствующими правами, то неформальные институты складываются спонтанно. Часто неформальные институты основаны на нормах, существующих продолжительное количество времени. Множество агентов принимают участие в их создании.

Еще одно различие между формальными и неформальными институтами – способы их фиксации. Формальные институты закрепляются в письменных предписаниях различного характера. Они тяготеют к однозначному истолкованию всеми агентами, которых они затрагивают. К формальным институтам предъявляются такие требования, как универсализм, открытость, публичность, однозначность. Нормы, составляющие неформальные институты чаще всего никак не фиксируются. Они не имеют определенной принудительной силы. Их соблюдение обеспечивается иными механизмами. В их основе лежит доверие и репутация, уверенность в том, что другие знают эти правила и готовы их соблюдать.

Формальные институты могут быть резко изменены, в то время как неформальные, напротив, не поддаются сознательному изменению в результате усилий конкретного субъекта. В то же время в краткосрочной перспективе неформальные институты подвижнее формальных. Неформальные нормы создаются множеством агентов, поэтому зависят от их воздействия. При этом сознательное влияние отдельного субъекта нивелируется другими. Однако, если возникнет массовая потребность в трансформации института, ее осуществление не вызовет никаких сложностей. Официальные институты, напротив, в течение

небольших промежутков времени не изменяются, т.к. официально зафиксированы. Но они подвержены влиянию конкретных агентов, обладающих властью и другими ресурсами, которые могут изменить их в один момент. Формальные и неформальные институты являются основой повседневных действий.

Существуют различные классификации, описывающие взаимодействие формальных и неформальных институтов. Наиболее подробная модель была создана Г. Хелмке и С. Левитски⁷⁵, имена она и будет использована в данной работе. Согласно Г. Хелмке и С. Левитски, причиной возникновения неформальных институтов может быть необходимость дополнения формальных. Это дополняющие формальные институты⁷⁶. Они содержат нормы, не предусмотренные формальными институтами, либо способствуют достижению собственных целей в рамках формальных институтов. Этот тип неформальных институтов имеет тенденцию к повышению эффективности формальных. Другой вид – аккомодационные неформальные институты. Они дают возможность агентам изменять последствия соблюдения формальных норм. Т.е. они позволяют акторам достигать своих целей, действуя в рамках формальных институтов, не нарушая формальные правила напрямую. Этот вид неформальных институтов, также играют на пользу формальным. Несмотря на то, что они не повышают их эффективность, они способствуют их большему одобрению, стабильности, т.к. снижают недовольство существующими формальными правилами.

Конкурентные неформальные институты – это институты, что выполняют роль альтернативы, соперничают с формальными. В такой ситуации становится невозможным выполнение и формальных и неформальных норм, потому что они противоречат друг другу. И если акторы выбирают действия в рамках неформального института, то они обязательно нарушают установленные формальные правила. К таким институтам относятся клиентелизм,

---

⁷⁵ См. Приложение 2.

⁷⁶ Подробнее классификацию см. в: Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. №2. С.195-199.

патримониализм, клановая политика, коррупция⁷⁷. Последний, четвертый тип – замещающие неформальные институты – возникают в ситуации неэффективных формальных. Они используются теми акторами, которые желают добиться результатов, вписывающихся в формальные правила и нормы. Однако вследствие того, что последние не действуют должным образом, они вынуждены создавать неформальные институты, выполняющие функции формальных.

Институциональные изменения в данной исследовании будут пониматься как процесс трансформации формальных и/или неформальных ограничений, а также соответствующих им механизмов контроля за соблюдением данных правил. Кроме того, вслед за Д. Нортон, мы разграничим институты и организации. Организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели (политические органы и учреждения, экономические структуры, общественные и образовательные учреждения). Существующие институты оказывают прямое воздействие на характер возникающих организаций, а также на их развитие, однако, не отождествляются с ними. Организации в данном исследовании выступают в качестве агентов институциональных изменений⁷⁸.

---

⁷⁷ Там же. С. 198.

⁷⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 20.

1.2. Религиозная ситуация в постсоветской Бурятии

Данный раздел посвящен изучению состояния религиозной сферы в постсоветской Бурятии. Религиозная ситуация является одним из основных факторов, определяющих государственную политику в отношении религии. Кроме того, положение религии и государственная религиозная политика тесно связаны. Изменения в одной сфере несут за собой изменения и в другой.

Далее мы попытаемся ответить на вопрос, можно ли определить религиозные трансформации в постсоветской Бурятии как проявления десекуляризации. Для этого будут изучены состояние ранее секуляризованных институтов и их отношения с религией, уровень религиозности населения Бурятии, религиозные практики и верования, положение религии в публичном пространстве и в различных подсистемах культуры¹. Также мы рассмотрим такую составляющую процесса десекуляризации, как сближение ранее секуляризованных институтов² и религиозных норм.

Религия и среднее образование. К началу 1990-х гг. религиозная ситуация в Бурятия начала меняться, в это же время священнослужители предпринимают первые попытки установить взаимодействие со средними школами. Это задача была важна, т.к. школа являлась удобной и доступной аудиторией. Религиозные деятели чаще всего стремились просто рассказать о религии. Поскольку юридически это никак не регулировалось, успех в каждом конкретном случае

---

¹ На основе Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №2(30). С. 114-164; Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework // Journal of Church and State. 2010. № 52(2). P. 232-270.

² В данном контексте, поскольку мы используем методологическую рамку В. Карпова, мы вынуждены использовать термин социальный институт вне неоинституциональной теории. В данном контексте термин институты используется в отношении самовоспроизводящихся сложных социальных форм, таких как государство, семья, языки, образование, коммерческие структуры и правовые системы, созданные для удовлетворения различных потребностей общества или его части // Stanford Encyclopedia of Philosophy // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/social-institutions/>.

зависел от личных отношений и предпочтений представителей школьных администраций и священнослужителей.

Это ситуация не является уникальной для республики Бурятия. В России в начале 1990-х гг. также имели место случаи взаимодействия религиозных организаций и общеобразовательных школ. Там, где православным священнослужителям удавалось договориться с директорами, они по еще дореволюционным учебникам преподавали «Закон Божий».³ Атеизм был полностью дискредитирован, православная церковь поняла, что ему необходима была замена, чтобы заполнить пустоту.⁴

В 1993 г. Министерство образования РФ, обнаружив эту практику, издало нормативный акт⁵ о запрете любых уроков религии, мотивируя его нарушением Конституции⁶. Для Бурятии это означало переход взаимоотношений школы и религии в неформальную сферу. В дальнейшем священнослужители по-прежнему изъявляли желание сотрудничать со школами. Для этого они стремились войти в прямой контакт с директорами и получить советующее разрешение. В случае положительного ответа, они старались донести информацию до школьников различными способами: проведением классных часов, выезда на экскурсии в храмы, священные места и т.п.

Описанное выше поведение священнослужителей в большей степени характерно для представителей «традиционных конфессий». Именно они по личной инициативе предпринимали попытки обратиться к детям и подросткам через школы. В это же время религиозные организации «нетрадиционных» конфессий старались привлекать внимание детей и подростков вне школ.

---

³ Митрохин Н. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. Доклад // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik.html>.

⁴ Basil J.D. Orthodoxy and Public Education in the Russian Federation: The First Fifteen Years // *Journal of church and state*.2007. № 49(1). P. 28.

⁵ Письмо Министерства образования РФ от 19 марта 1993 г. №47 /20-11п «О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации».

⁶ Митрохин Н. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. Доклад // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik.html>.

Например, Церковь Адвентистов седьмого дня организовывала различные курсы изучения английского языка с религиозным уклоном, как постоянные (в виде клубов при церкви), так и временные (например, летний лагерь для изучающих английский язык).

Пребывание в школах священнослужителей не отличалось постоянством. Их деятельность была несистемной, нецентрализованной. Обычно она быстро находила неодобрение среди родителей и педагогического коллектива. В итоге, даже если школа и соглашалась на какое-либо взаимодействие, через какое-то время оно прекращалось. По свидетельству средств массовой информации того времени:

Не так давно попытку преподавать в школе основы буддизма в Бурятии предпринимал Цоржи-лама Кяхтинского дацана «Балдан-Брэйбун» Баир Батомункуев.

- Я ходил по школам района, - рассказал Баир-лама. – Разговаривал со школьниками, показывал им фотографии, говорил о жизни дацанов, о своих поездках в Индию. Школьников это очень заинтересовало. Да и не только школьников.

По словам ламы, его уроки носили скорее характер беседы. - Потом мне намекнули, что нужно такие уроки прекращать, - сказал лама, - якобы могут возмутиться представители малых внутрирелигиозных течений, что преподаем только традиционные религии.⁷

Если подобная деятельность осуществлялась, то она ставилась в жесткие рамки: под нее отводили внеклассное время, она была только добровольной. Проведенный анализ показал, что практики прямого взаимодействия религиозных объединений и школьных администраций были характерны скорее для сельской местности. Городская среда и органы власти ставили непреодолимые препятствия на пути таких взаимодействий, сказывались такие факторы, как большая плотность

---

⁷ В школах Бурятии собираются ввести новый спорный курс - основы религиозной культуры // Официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sangharussia.ru/news/detail.php?ID=3626>.

населения и конфессиональное многообразие. Поскольку именно родители решают вопрос о содержании информации, предоставляемой ребенку, появление священнослужителя какой-либо одной конфессии в школе быстро вызывало недовольство части родителей.

В сельских школах, напротив, совместная деятельность образовательных учреждений и религиозных организаций могла опираться на поддержку местного сообщества. Ниже приведен отрывок из газеты, рассказывающий о взаимодействии Сретенского женского монастыря и соседней с ним школы:

*1 сентября игуменья Ника поздравила детей и педагогов Нестеровской средней школы. Нестерево – соседнее село, прекрасно обозреваемое с монастырской колокольни <...> Сестры стараются по возможности сотрудничать с учителями. Педагоги приглашают их на школьные мероприятия.*⁸

Данная ситуация сформировалась вследствие того, что жители сельских поселений более однородны в своих религиозных предпочтениях. Таким образом, проблема межконфессиональных отношений, неизбежно встающая при введении религиозной составляющей в педагогическую деятельность, в сельской местности стояла не так остро, как в г. Улан-Удэ.

Несистемные попытки священнослужителей установить взаимодействие со школами продолжались до введения в общеобразовательную программу средних учебных заведений курса «Основы религиозных культур и светской этики». Официально в Бурятии этот предмет начали преподавать с сентября 2012 года. Курс изучают учащиеся 4-х классов в объеме 34 часов.⁹ Предмет преподается учителями школ, которые прошли специальную подготовку. Были закуплены учебники и другая методическая литература по предмету. Вмешательство религиозных организаций ограничило, несмотря на то, что большинство из них стремилось принять активное участие в создании учебных модулей, подготовке

---

⁸ Молебен на начало новой жизни // Православная Бурятия № 18 (241) от 22.09.2011. С. 4.

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р «Об утверждении плана мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для образовательных учреждений “Основы религиозных культур и светской этики”».

учителей, в проведении процедуры выбора курса.

В итоге роль представителей церкви была сведена к обсуждению перспектив преподавания основ религии, причем их мнение в итоге так и не оказало никакого реального влияния на ситуацию. Естественно, что такое положение вещей не устроило священнослужителей и религиозные объединения в целом. В частности, 26 марта 2012 г. в г. Улан-Удэ в рамках тематического круглого представитель Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви заявил:

К сожалению, мы до сих пор регулярно получаем из епархий информацию о том, что священнослужителей не допускают к участию в родительских собраниях в школах. Такие собрания в обязательном порядке должны проводиться перед тем, как родители выберут тот или иной модуль. Те книги, которые во множестве начали появляться сейчас, написаны иначе. Мы зачастую не знаем, ни кем они написаны, ни с какой целью. Эти новые учебники, с одной стороны, могут содержать в себе конфликтный потенциал, который приведет к существенным отрицательным последствиям, с другой стороны, могут давать ребенку такие искаженные знания о культуре религии, последствия которых верующим родителям придется исправлять очень и очень долго.¹⁰

Отношения «религия – школа» с введением нового учебного курса систематизировались, и теперь они поставлены под контроль государства, в отличие от ситуации, характерной для 1990-2000-х гг. Кроме того, с введением нового предмета у родителей появилась возможность влиять на этот процесс. Именно родители выбирают, какой из модулей курса будет преподаваться ребенку.

В марте 2012 г. во всех школах Бурятии проходили родительские собрания на эту тему. По данным Министерства образования Республики Бурятия на момент введения предмета (2012 г.) «Основы православной культуры» выбрали 6,15%, «Основы буддистской культуры» – 8,33%, чуть меньше трети выбрали «Основы

---

¹⁰ Доклад «Опыт апробации комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики” в 2009-2011 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uud-eparh.ru/index.php/newsarh/1704--q-l-r-2009-2011-q.html>.

мировых религиозных культур», один ученик – «иудейскую культуру», 3 – «исламскую», почти 60% выбрали «Основы светской этики»¹¹. То есть, большинство родителей стремятся все же исключить какое-либо религиозное влияние на ребенка в школе. Средства массовой информации, представители органов власти, комментируя ситуацию, сложившуюся вокруг введения курса основы религиозных культур и светской этики, заявляли о нерелигиозности населения, или об осторожности родителей из-за новизны предмета, прогнозируя при этом в дальнейшем рост доли выбирающих религиозные модули.¹²

Однако более вероятно, что родители проявляли осторожность другого плана. Они не смогут полностью контролировать то представление о религии, которое будет формироваться у ребенка в школе. Религиозные знания могут легко транслироваться в семье, что позволяет, в том числе, передавать младшему поколению собственное понимание религии. Факт того, что в Бурятии большинство учащихся выбрало нерелигиозный предмет, не говорит о низкой религиозности населения или о том, что религия сегодня незначима. Она сосредоточена в области семейных практик, и, по крайней мере, в Бурятии, государство не может взять религиозное воспитание полностью под свой контроль. Однако оно ограничило и роль священнослужителей в этом процессе.

Религия и высшее образование. С одной стороны, институт высшего образования оказался более закрытым для религии, чем школа. С другой, официальное взаимодействие религиозных организаций и институтов высшего образования возникло позже, чем со школами: со второй половины 2000-х гг. Вузы обладают большей самостоятельностью в выборе направлений своей деятельности, чем школы, поэтому ситуация здесь не такая однотипная. Открытость или закрытость высшего учебного заведения по отношению к религии целиком зависит от личных действий руководителей университетов и их ближайшего окружения.

Анализ взаимоотношений религии и образования в вузах республики показал, что Бурятский госуниверситет – единственное учебное заведение такого

---

¹¹ Золотарев В. Дети отвергли «Закон божий» // Информ-полис от 23 мая 2012 г.

¹² Там же.

уровня, делающее какие-либо шаги в направлении установления отношений с религиозными институтами. Другие вузы не стремятся устанавливать официальные долгосрочные отношения с религиозными организациями, в то время как Бурятский государственный университет после ряда официальных встреч между ректором и епископом Улан-Удэнским и Бурятским в 2009 г. и в 2011 г. заключил официальный договор о сотрудничестве с Улан-Удэнской и Бурятской епархией Русской православной церкви. Договор предусматривает совместную работу, направленную на расширение сотрудничества в различных направлениях, в частности сотрудничество в открытии и функционировании философско-теологического центра при университете, совместную подготовку и издание учебных и учебно-методических пособий, проведение совместных научных исследований¹³.

С 1 ноября 2006 г. при Научной библиотеке Бурятского государственного университета открылся Философско-теологический центр. Здесь сконцентрирована религиозоведческая литература в электронных и текстовых вариантах, видеоматериалы. Цель работы центра – «работа со студенчеством по постижению ценностных основ религиозоведения, по осмыслению и изучению духовного опыта наших предков»¹⁴. Как пишет директор научной библиотеки университета, комментируя работу философско-теологического центра:

Знакомство с обрядами и праздниками, внедрение забытых обычаев и традиций, анализ отдельных памятников культуры и искусства способствуют осознанию того, что икона, храм, культовые праздники не только свод религиозных правил и канонов. Они позволяют составить целостное представление об организации жизни предшествующих поколений, позволяют понять, что религия, религиозность - это образ жизни человека, поколения,

¹³ Подписание Договора о сотрудничестве между БГУ и Улан-Удэнской и Бурятской епархией Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бурятского государственного университета. Режим доступа: <http://www.bsu.ru/?mod=news&nid=5668>.

¹⁴ Научная библиотека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Бурятского госуниверситета. Режим доступа: <http://www.bsu.ru/?src=335>.

народа¹⁵.

Однако главным итогом развития сотрудничества между этими организациями стало, во-первых, открытие с 1 сентября 2007 г. приема на специальность 03010165 «Философия», со специализацией по истории религий, а во-вторых, с 2013 г. появление кафедры теологии и религиоведения. Из интервью заведующего кафедрой:

Мы собираемся выпускать теологов и религиоведов. Не исключено, в будущем кто-то из них пожелает стать священником или ламой. В среде выпускников кафедры епархиальное начальство надеется находить священников¹⁶.

Однако другие планы, озвученные на встречах ректора университета и епископа, так и не были осуществлены. Среди них были такие проекты, как открытие совместной православной гимназии, совместные поездки в районы республики, проведение публичных лекций для студентов, возможность открытия храма, часовни или молельной комнаты в стенах университета (по примеру Храма святой мученицы Татианы в Московском государственной университете)¹⁷. В итоге можно сделать вывод о том, что положение религиозных организаций в отношениях с учебными заведениями всех уровней сильно зависит от установления личных контактов с их руководством.

Религия и семья. В этой сфере положение религии в современной Бурятии неоднозначно. Во-первых, нельзя заявить о том, что в советское время институт семьи был полностью секуляризован. Присутствие или отсутствие религии в повседневных практиках внутри семьи могло сильно варьироваться в каждом конкретном случае. Однако опираясь на информацию, полученную в ходе проведенных интервью, на результаты социологических исследований, так или

---

¹⁵ Васильева С.В. Взаимодействие конфессий и структур государственной власти в Республики Бурятия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusoir.ru/2010.php?action=view&id=558>

¹⁶ Наша задача воспитать не верующего, а думающего человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/nasha-zadacha-vospitat-ne-veruyushhego-a-dumayushhego-cheloveka/#ixzz2wZNL50BX>

¹⁷ Ахмадулина С. Душа обязана учиться // Правда Бурятии от 14 января 2010 г.

иначе затрагивающих данную тему, и на другие материалы можно сделать следующие выводы.

Присутствие религии в сфере семьи для большинства ограничивается обрядовой составляющей. Популярность имеет практика отмечать религиозные события. Это подтвердило социологическое исследование службы «Эйдос» в 2005-2007 гг.¹⁸ С начала 1990-х гг. начала расти тенденция обращаться к религии при заключении брака. У православных верующих наблюдался рост интереса к обряду венчания, буддисты стали обращаться в дацан при проведении свадебного обряда. Практикуются обращения к ламе-астрологу для выбора дат сватовства, бракосочетания. В день свадьбы может быть совершен специальный обряд (молодожены и гости обходят ступы и храмы, молятся, ставят лампы перед алтарем за благополучие новой семьи, в это время лама читает благопожелания, одаривает ритуальными предметами, а также вручает специальную грамоту с печатью дацана и именами сочетающихся в браке)¹⁹.

Количество православных венчаний в начале 1990-х гг. резко увеличилось, однако, позже частота венчаний снизилась и продолжала падать в 2000-е гг. Если в 2003 г. в Бурятии было проведено 138 обрядов венчания, то в 2005 – 98²⁰. Этому способствовало, в том числе, и ужесточение норм и правил церемонии и допуска к ней. Ужесточение правил связано с тем, что большое количество венчаний повлекло за собой увеличение количества разводов. Создавшаяся ситуация заставила Улан-Удэнскую и Бурятскую епархию сформировать комиссию по второбрачным для рассмотрения прошений на расторжение церковного брака, несмотря на то, что христианский брак нерасторжим. Теперь перед таинством венчания пары должны пройти пост, молитвы, покаяние и причащение. Принятые меры в результате снизили популярность венчания.

---

¹⁸ См. подробнее: Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения (по материалам прикладных социологических исследований 2005 и 2007 гг.) / Д.Ц. Будаева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008.

¹⁹ Буддийская традиционная сангха России (Иркутская община) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://irkdacan.ru/?rubr=2&doc=25>.

²⁰ Митыпова Г.С. Православная церковь в Бурятии: XX-XXI вв. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2006. С. 66.

Однако религиозный брак не заменяет светский. Русская православная церковь отказывается венчать, если брак не зарегистрирован официально. Отмечается параллельное сосуществование секулярных и антисекулярных тенденций, тесно связанных между собой. Наблюдаются также устойчивые тенденции к обращению к религии при рождении ребенка и при смерти человека. Крещение – один из самых популярных обрядов в Русской православной церкви. Если в 1986 г. крестили 284 человека, то в 2001 г. было совершено 11 108 крещений, а в 2005 – 9496. Буддисты также обращаются к религии при рождении ребенка, заказывая обряды, советуясь с ламой при выборе имени новорожденному. Аналогичная динамика прослеживается в соблюдении религиозных обрядов, сопровождающих похороны человека. В дацане заказывается молебен за упокой души, в православной церкви молятся или совершают полноценный обряд отпевания.

Религия и армия. Взаимодействие Вооруженных сил Российской Федерации и религиозных организаций активно начиналось в начале 1990-х гг., а к 2000-м гг. стабилизировалось²¹. Это проблема подробно изучена российскими исследователями²². Как и в других сферах религиозного влияния – контакты религии и армии носили бессистемный характер на протяжении 1990-х – нач. 2000-х гг. В 2010 г. в составе Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил РФ Министерства обороны РФ было создано структурное подразделение по работе с верующими военнослужащими. Постепенно стала формироваться система полковых священников, кроме того, взаимодействие Вооруженных сил и религиозных организаций могло основываться на договорах о сотрудничестве. Священнослужители стали освящать здания армейских структурных частей, боевые машины. Количество полковых священников

---

²¹ Мозговой С.А. Становление и развитие взаимодействия вооруженных сил Российской Федерации с религиозными объединениями в 90-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001.

²² См. работы: Веремчук В.И. К вопросу о взаимодействии военной службы и религии // Социс. 2003. №12. С. 84-86; Певень Л., Груздов В. Много ли верующих в армии? // Религия и право. 2000. №4; Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. и др.

(официальное название должности – помощники командиров по работе с верующими военнослужащими), по данным Министерства обороны РФ, постоянно увеличивается.

На территории Бурятии сосредоточены крупнейшие силы Восточного военного округа. В течении 2000-х гг. в публичном пространстве региона периодически появлялись публикации о возможности появления в Бурятии помощников командиров по работе с верующими военнослужащими, однако, конкретные шаги в этом направлении не предпринимались. Впервые на эту должность официально был назначен Б.М. Батомункуев (Баир-лама). Он стал заместителем командира 37 отдельной гвардейской мотострелковой бригады²³, базирующейся в г. Кяхта, на территории Бурятии. Там была поставлена специальная юрта в качестве полевого походного храма. С православными военнослужащими взаимодействует настоятель местного храма Успения Божией Матери в г. Кяхта. По словам Б.М. Батомункуева:

У нас с ним [православным священнослужителем] полное взаимопонимание и прекрасные отношения. Кроме того, в силу должностных обязанностей, каждодневно я должен помогать всем военнослужащим, независимо от их веры и национальности²⁴.

Священнослужитель в данном случае рассматривает свою роль, выходя за религиозные рамки. На уровне личных отношений внутри войскового подразделения этот дискурс может и поддерживаться, однако, официальные заявления Министерства обороны РФ однозначны: священнослужители обеспечивают военнослужащим возможность реализации конституционного права на свободу вероисповедания. Временно исполняющий обязанности начальника управления по работе с верующими военнослужащими Главного управления по работе с личным составом Вооруженных сил РФ И. Семченко заявил, что сравнение должности войскового священника с должностью замполита

---

²³ 37 отдельной гвардейской Будапештской Краснознаменной ордена Красной Звезды мотострелковой бригады имени Е.А. Щаденко.

²⁴ В Бурятии начал работу первый в России военный священник-буддист [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=53001>.

некорректно, а задача священнослужителей в Вооруженных силах – создавать с учетом особенностей военной службы необходимые условия для реализации верующими военнослужащими своих религиозных потребностей²⁵.

Еще одно проявление проникновения религии в армию – это деятельность казачьего войска. Забайкальское казачье войско, в которое входят и бурятские казаки, создавалось в начале 1990-х гг. уже со штатом духовных священников. Высокая значимость священнослужителей подтверждается тем, что они являются полноправными участниками различных войсковых/межвойсковых совещаний и встреч казачьих войск. За религиозную составляющую деятельности Забайкальского казачьего войска отвечает войсковой священник Д. Елисеев (игумен Димитрий). И в случае с Вооруженными силами РФ, и в случае с казачьим войском, в публичном пространстве и военнослужащие, и священнослужители постоянно заявляют о преемственности современных форм взаимодействия религии и армии от их дореволюционных аналогов. Однако современные формы организации присутствия религии в армии начали формироваться только с 2010-х гг.

Возрождение религиозных верований и практик. Для того, чтобы изучить трансформации в данной сфере на протяжении 1990-х–2000-х гг., необходимо рассмотреть то, как менялась религиозность населения региона за этот период. Постсоветский период, особенно 1990-е гг., характеризуется недостатком масштабных социологических исследований уровня религиозности населения Бурятии. Некоторые социологические исследования содержали результаты опросов, направленных на выявление уровня религиозности. Однако такие исследования ограничивались либо изучением конкретной социальной группы, либо территориальными рамками²⁶. Данные официальной статистики также не

²⁵ Врио начальника управления (по работе с верующими военнослужащими) Главного управления по работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации Игорь Семенченко: «Священнослужители позитивно влияют на атмосферу в воинских коллективах» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.militarynews.ru/excl.asp?ex=202>.

²⁶ См.: Буркина А.А., Осинский И.И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998; Ихенова О.С. Этнокультурные факторы религиозности: динамика и особенности проявления в поликонфессиональном обществе: автореф. дис...канд. филос. наук: 09.00.06. М., 1998;

проясняют ситуацию. Статистические сборники, такие как «Бурятия в цифрах», «статистический ежегодник» и т.п., за период 1990-х – 2000-х гг., а также за начало 2010-х гг. не содержат данных об уровне религиозности населения Бурятии. Тема религиозности в них освещается, однако, только через обзор количества религиозных организаций в республике и их конфессиональной принадлежности. В итоге эти данные дублируют официальные отчеты Министерства юстиций, о количестве зарегистрированных религиозных организаций.

Такой показатель состояния религиозной сферы, как изменение количества действующих религиозных объединений, – важен, однако, он не является всеобъемлющим индикатором религиозной ситуации. Первое социологическое исследование уровня религиозности населения Бурятии, проведенное с помощью количественных методов анализа, было осуществлено лишь во второй половине 2000-х гг.²⁷ В 2005, 2007, 2009 гг. были изучены такие вопросы, как мнение населения о роли религии в современном обществе, отношение к различным религиям, протестный потенциал религиозной сферы, степень религиозности населения, соблюдение религиозных традиций и обычаев.

К сожалению, в указанном исследовании авторы указали не общую долю религиозного населения в республике, а степень религиозности двух групп: городского и сельского населения. Так как они не указали соотношение этих двух групп в объеме общей выборке, вычислить общую религиозность населения не представляется возможным. Однако данные, которыми мы располагаем, представляют определенный интерес. Во-первых, в ходе последнего исследования было отмечено снижение количества респондентов, относящих себя к атеистам: с 19,2% горожан и 21,1% сельчан в 2005 г. до 4,6% и 4,5% соответственно в 2009 г. Другие варианты ответов предполагали наличие какой-либо степени религиозности: верую, скорее верую, скорее не верую. Во-вторых, результаты

Алексеева М.С. Религиозность современной российской интеллигенции (на материалах республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007.

²⁷ Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д.Ц. Будаева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010.

анкетирования засвидетельствовали тенденцию роста количества людей, относящих себя к верующим. Например, среди городской бурятской молодежи (до 30 лет) отсутствует выбор вариантов «атеист» и «скорее не верую», а 75% назвали себя верующими. При этом 37,5% мужчин-бурят старше 60 лет отнесли себя к атеистам.

Интерес представляет также распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие религиозные традиции и обряды вы стараетесь соблюдать?». Именно это часть результатов социологического исследования позволит делать выводы о наличии или отсутствии возрождения религиозных практик в Бурятии. Поскольку данное социологическое исследование проводилось с помощью анкетирования, то респондентам уже были предложены готовые варианты ответов: религиозные праздники, посещение храма, чтение молитв и мантр, соблюдение религиозных постов, соблюдение основных заповедей, применение практики подаяний.

Наиболее популярным ответом стало «соблюдение религиозных праздников» (34, 9% от общего числа опрошенного населения). Стоит отметить, что в данном случае респонденты имели в виду не только религиозные праздники, как таковые, но и любые другие особые даты, связанные с религией. Буддисты, например, отмечали участие в различных массовых молебнах: Дугжууба, Сахюусан и пр. Популярными событиями стали Пасха, Рождество, Сагаалган, Троица, Крещение, почитание конкретных территорий (Обоо). На втором месте по популярности (31, 7%) – посещение храма. Здесь респонденты подразумевали не только посещение церквей и дацанов, но и святых мест. 15,9% опрошенных заявили, что читают молитвы, мантры и т.п. 9,3% – стараются соблюдать религиозные нормы поведения. Наименее популярными стали практика подаяния (5, 2%) и соблюдение постов (2, 9%). Таким образом, наиболее популярные религиозные практики связаны с ритуальной составляющей религии. Этот вывод подтверждают и результаты собственного исследования, проведенного уже с помощью качественных методов. Оно опиралось на серию полуструктурированных интервью, проведенную летом-осенью 2013 г. В ее ходе

было опрошено 10 человек: по 2 из следующих возрастных групп: 23, 33, 43, 53, 63 лет. При отборе мы руководствовались фактором типичности: все интервьюируемые родились в Бурятии, религия в их жизни присутствует, но они не придают ей главенствующее положение, каждый из них, так или иначе, связывает себя с «традиционной» для республики конфессией: православием, буддизмом, шаманизмом, старообрядчеством²⁸.

Такой подход определил структуру интервью, все вопросы были разбиты на 3 блока. Первый блок условно назван «отношение к религии»: здесь задавались наиболее общие вопросы, которые позволяли включиться в тему, установить связь между участниками интервью и получить исходные данные для продолжения интервью (верующий ли вы, к какой конфессии себя относите и т.п.). Во второй блок вошли вопросы, призванные выявить отношение к религии, эмоции, с ней связанные, выяснить контекст религиозного действия (когда вы обращаетесь к религии, какие эмоции вы испытываете в таких случаях, какие чувства у вас вызывает буддизм, шаманизм и пр.). Третий блок – это просьба вспомнить самые ранние воспоминания, связанные с религией вообще и с конкретными конфессиями в частности.

В ходе опроса выяснилось, что многие информанты не относят себя к числу верующих, но в дальнейшем описывают опыт постоянного взаимодействия с какой-либо религией. Они посещают культовые сооружения, места, обращаются к священнослужителям, совершают какие-либо ритуалы и обряды. Однако религия в этих действиях имеет очень практическое значение: она направлена на решение каких-либо конкретных задач. К ней обращаются в случае возникновения проблем.

Подобное отношение к религии способствует формированию религиозного синкретизма²⁹. Обращение к разным религиям способствует надежности исполнения желания, кроме того, разные религии некоторыми опрошенными

---

²⁸ Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник / С.В. Васильева [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011.

²⁹ Елаева И. Э. Буряты: репертуар идентичностей в современном социокультурном контексте // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск: Радиан, 2005. С. 215.

надеялись собственными специализациями. Один из информантов сообщил, что шаманизм для него – это религия для решения сиюминутных проблем, когда в форс-мажорной ситуации можно срочно вызвать шамана и провести обряд. Буддизм, напротив, нацелен на долгосрочные, стратегические задачи, прием у ламы готовится заранее. Православию же в этой системе отводилась роль защиты, обеспечения безопасности себя и близких.

Православие в этой системе занимает особое положение. Часть информантов имеет к нему совершенно нейтральное отношение и никак с ним не взаимодействует. Те же, для кого православие входит в число религий, к которым они обращаются, четко связывают его с семьей. Поход в церковь, чтение молитвы, появление в доме иконы – все это обуславливается защитой себя, детей, родителей, даже умерших родственников. Многие информанты рассказывали о негативных эмоциях, полученных во время посещения церкви или общения со священником (это связано с ужесточением требований церкви в 2000-х гг., о котором мы писали выше). И необходимость продолжать или повторять этот опыт они связывают с обязанностями перед семьей.

Русская православная церковь в своих оценках неоднозначна. Отдельные священнослужители осуждают обращение к какой-либо иной религии. Часто священники проводят профилактические беседы со своими прихожанами, которые, однако, имеют слабый успех. У информантов, находившихся в такой ситуации, они оставляли лишь негативные эмоции. С другой стороны, на официальном уровне Русская православная церковь в Бурятии объявляет о сотрудничестве с Буддийской традиционной сангхой России. Они проводят совместные мероприятия, отправляют друг другу делегации и подчеркивают наличие взаимодействия друг с другом в медиа-пространстве³⁰. Однако полностью искоренить практики религиозного синкретизма среди своих прихожан Русская православная церковь не

---

³⁰ См., например, официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России и Русской православной церкви в Бурятии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sangharussia.ru/> и <http://uud-eparh.ru/> соответственно; а также блог главы Улан-Удэнской и Бурятской епархии епископа Савватия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bishop-savatius.livejournal.com/>.

может. Она вынуждена снижать строгость соблюдения правил для своих членов. В терминологии Л. Яннаконе³¹ такая большая, давно существующая на данной территории религиозная организация относится к классу «церкви». Напряжённость между «церквями» и обществом низкая³², такие религиозные организации не поставлены под угрозу исчезновения, имеют множество источников дохода. В итоге строгость требований к соблюдению норм поведения среди своих прихожан у них снижена.

Другой класс – «секты», это новые религиозные организации, их главная задача заключается в выживании и закреплении на данной территории. Они вынуждены аккумулировать ресурсы и поддерживать строгие порядки для своих членов. Для Бурятии такое поведение характерно для различных религиозных организаций «нетрадиционных» конфессий, например, католицизма, различных направлений евангелизма. Однако оно вступает в противоречие с культурным кодом религии. Для обычного жителя республики совершенно нормально обращаться к разным конфессиям. В ходе опроса информанты часто объясняли свой религиозный выбор удобством обращения к той или иной религии в данный момент. Запрещая множественность религиозного выбора, религиозные организации ограничивают круг своих потенциальных членов. С другой стороны, культурный код религии формируется в течение всей жизни и тесно связан с восприятием норм и ценностей культуры, в которой человек живет. Огромное значение имеет импринтинг, первый опыт, который и определяет культурный код, используемый в повседневной жизни на бессознательном уровне. Самые ранние религиозные воспоминания у интервьюируемых были связаны с «традиционными» религиями: первые поездки в дацан, найденные в шкафу православные иконы, религиозные праздники и пр.

Нетерпимость к практике обращения к разным религиям замыкает новые

---

³¹ Iannaccone L.R. Why Strict Churches Are Strong // American Journal of Sociology. 1994. 99(5). P. 1180-1211; а также Stark R., Bainbridge W.S. A Theory of Religion. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1987.

³² Руткевич Е. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro и Contra // Вестник ИС РАН. 2012. № 6. С. С. 219.

конфессии на освоении целевой группы лиц 50-60 лет, имеющих нерелигиозное советское прошлое, тех, у кого понимание религии начало формироваться уже в постсоветский период. Наши информанты 53 и 63 лет неоднозначно относятся к «традиционным» религиям, поскольку в их рассказах прослеживаются негативные эмоции, явившиеся результатом советской пропаганды и опыта опасности обращения к религии. Поэтому они легче воспринимают новую религию. Кроме того, потенциальными последователями «нетрадиционных» религий становятся дети и внуки нынешних членов таких религиозных организаций, поскольку они – единственная группа, формирующая соответствующие представления о религии изначально.

В постсоветской Бурятии постепенно распространилось утилитарное отношение к религии. К ней обращаются для решения возникших проблем, предупреждения негативных ситуаций. Посещение церкви, проведение шаманского обряда, заказ хурала в дацане – все это связано с ожиданиями будущих благоприятных последствий. При этом они практически не связаны собственно с поведением индивида, с соблюдением норм, устанавливаемых религией. Напротив, положительный религиозный эффект связывается со сверхъестественными силами. Условием для возникновения такого эффекта является выполнения определенных действий: проведения ритуала, подношение, посещение культового места.

Потребность в максимизации результата обуславливает распространенность в регионе практики обращения к разным конфессиям. Последовательное посещение дацана, шамана, православной и старообрядческой церкви не считается маргинальным поведением. Более того, поводом для таких посещений может быть один и тот же вопрос. В конечном итоге, это влияет на структуру религиозного поля в республике. С одной стороны, такая ситуация поддерживает крупные «традиционные» религиозные организации, снисходительно относящиеся к практике множественности религиозного выбора. С другой стороны, ограничивает распространение новых, «нетрадиционных» религий. Данная ситуация отражает наличие тенденции к ритуализации религии в постсоветской Бурятии.

Возвращение религии в публичную сферу. Для того чтобы проследить динамику присутствия религии в публичном пространстве Бурятии на протяжении всего постсоветского периода, были проанализированы средства массовой информации республики Бурятия, а именно крупнейшие газеты³³, телеканалы местного значения³⁴, радиозфир «Радио Бурятии», газета Улан-Удэнской и Бурятской епархии «Православная Бурятия», интернет пространства: официальные сайты религиозных организаций, социальные сети, блоги религиозных деятелей, официальные сайты СМИ – анализируемых нами газет и телеканалов.

Для того чтобы проследить изменения степени присутствия религиозной темы в средствах массовой информации, были выбраны 3 контрольные точки для сравнения: 1991, 2001 и 2011 гг. Была проанализирована частота выхода публикаций на религиозную тему (публикации на религиозную тему, а не отдельные упоминания в тексте тех или иных слов, связанных с религией) в республиканских газетах. Для каждой временной точки было выявлено по 3 наиболее популярных (имеющих наибольший тираж) газеты и проанализировано количество публикаций на религиозные темы за первую соответствующую половину года³⁵. В 1991 г. выборку составили газеты: Правда Бурятии, Молодежь Бурятии, Бурятия. В 2001 г.: Информ-Полис, Номер один, Молодежь Бурятии. В 2011 г.: Информ-полис, Номер один, Новая Бурятия. Поскольку все исследуемые газеты имеют разную периодичность, что для того, чтобы иметь возможность сравнивать полученные данные был введен показатель публикаций. Он вычисляется как отношение количества публикаций на религиозную тему к количеству номеров газеты, выпущенных за указанный период. Общий показатель публикаций высчитывается как сумма показателей всех трех газет, проанализированных в конкретном году.

---

³³ «Информ-Полис», «Номер один», «Новая Бурятия», «Бурятия», «Правда Бурятии», «Молодежь Бурятии».

³⁴ «АригУс», «Тивиком», «БГТРК» (Бурятская государственная телерадиокомпания).

³⁵ Выбор 6 месяцев продиктован массивом анализируемой информации: некоторые газеты, попавшие в выборку, имеют ежедневную периодичность выхода.

$$K = \sum_{i=1}^3 \frac{V_{ni}}{V_{ni}}$$

где K – это общий показатель, V_{ni} – количество публикаций в i -той газете, V_{ni} – количество номеров в i -той газеты.

В 1991 г. в газете «Правда Бурятии» с января по июнь появилось 18 публикаций на религиозную тему, за это время было выпущено 123 номера. Соответственно показатель публикаций по этой газете в 1991 г. у: 0,14. Аналогично высчитываются показатели газет «Молодежь Бурятии» и «Бурятия»: 0,65 и 0,096 соответственно. Итого, суммарный показатель равен 0,886. В 2001 г. по итогам анализа, суммарный показатель стал равен 1,38, в 2011 г.: 1,92.

Таким образом, мы видим, что число тематических публикаций за исследуемый период стабильно повышалось. При этом количество статей с религиозной тематикой с 1991 г. к 2011 г. увеличилось более чем в два раза. В наличии также тенденция размещать на постоянной основе в медиа-пространстве религиозные календари. Газета «Молодежь Бурятии» с конца 1990-х гг. стала в каждом номере помещать зурхай³⁶ и православный календарь. Затем другие СМИ последовали ее примеру. Религиозные календари приобрели особую популярность в 2000-е гг. По состоянию на начало 2012 г. а, зурхай печатался в каждом номере газет «Информ-полис», «Новая Бурятия», «Молодежь Бурятии», «Вечерний Улан-Удэ», «Правда Бурятии», «Бурятия», т.е. во всех основных республиканских газетах. Местная телекомпания «Тивиком» с 2010 г. выпустила в эфир минутную видеоверсию гороскопа «Зурхай», которая выходит 11 раз в день. В теле/радиоэфире она ставится после наиболее рейтинговых новостных выпусков и прогноза погоды.

Проанализированные нами публикации имеют разную тематику: некоторые формируют положительный образ религии и религиозного возрождения, другие делают упор на секулярности современного общества и его будущего, но так или иначе все они поднимают тему религии. Так как количество публикаций достигло

---

³⁶ Зурхай – это астрологический прогноз, составляемый буддийскими ламами.

максимума в 2010-х гг., то соответственно и в это время они характеризуются разнообразием сюжетов. Все публикации можно тематически разделить на несколько больших блоков.

Первый блок – информативные сообщения. В таких новостях освещается информация о каком-либо факте, связанном с религией. Это могут быть рассказы об отдельных акциях религиозных организаций, о внутренней церковной жизни, о совместной работе религиозных организаций и государственных органов власти, общественных организаций, политических партий и пр. Это наиболее простой вид сообщений. Его характеризует самодостаточность, отсутствие связи с другими сюжетами, несвязанными с религией.

Другой тематический блок – экспертные публикации. Священнослужители выступают экспертами, комментируя различные стороны жизни, несвязанные с религией. Например, в следующем нарративе Пандидо Хамбо-лама Аюшеев, глава БТСР, комментирует проблему оттока сельского населения в города.

Достаток села надо оценивать не по наличию школы или детского сада, а по количеству скота у людей на подворьях. Может, и не нужны школы, ведь дети получают образование, а потом уезжают. А мы должны задуматься, как их оставить на селе, чем привлечь...Мы должны возродить основыномадного сельского хозяйства³⁷.

Необходимо отметить, что круг вопросов, в которых священнослужители могут выступать экспертами, практически ничем не ограничен. По итогам исследования республиканских СМИ можно сказать, что журналисты задают вопросы по политической ситуации в Бурятии, социальным проблемам в масштабах всей страны, просят прокомментировать международные события (военные действия, экономический кризис и прочее). Этот класс публикаций отличают тесные связи с нерелигиозными темами. В сущности, с религией их может связывать только статус интервьюера. В самих комментариях религиозная тема отступает на второй план.

Следующий тематический блок – публикации о «чудесах». Как видно из

---

³⁷ Хамбо-лама Дамба Аюшеев призвал вернуться к земле // Новая Бурятия от 23.01.2012.

названия, сюда относятся все сообщения, где эксплуатируется образ чуда, свершившегося с помощью той или иной религии. Чаще всего такие публикации посвящены «нетленному телу Хамбо-ламы Итигэлова», т.е. буддийской теме. Однако православные «чудеса» также популярны в этом классе публикаций (чудесное исцеление, мироточащие иконы и пр.). Это наглядно видно в следующей публикации:

Женщины внимательно осмотрели икону, на которой изображен русский царь Николай II. Прямо из его глаз вытекали капли какой-то жидкости. Создавалось впечатление, что царь плачет <...> – Царь сам заплакал. Из глаза так текло, что все наши работники тоже плакали, – рассказывает Гусякова. – Пять дней стекало, мы вытрем, а оно опять течет, на шестой день течь перестало, а полосы остались. <...> Но это не единственное чудо, случившееся в часовне Великомученика Николая. Недавно здесь же изменили цвет кресты на иконе с изображением царской семьи. У каждого из семи человек в руке крест, который был нарисован желтым цветом. Шесть крестов по непонятной причине изменили цвет на ярко-красный, лишь в руке государя он остался прежним³⁸.

Эти публикации выполняют функцию формирования положительного образа религии. Это своеобразная «реклама» той или иной религии. Они привлекают интерес прихожан к конкретному чуду, а также дают общую положительную характеристику возможностям религии.

Еще один тематический блок – «рейтинговые публикации». Они нацелены на эмоциональный отклик у зрителя/читателя, а в итоге на повышение внимания к источнику информации. Среди них неоднозначные суждения или новости, задевающие религиозные, патриотические, национальные чувства воспринимающей стороны. Примером может послужить публикация в еженедельнике Информ-Полис под названием «Оппозиционер Навальный: Буддисты в России не равны с православными»³⁹. Как мы видим, в самом названии

³⁸ В часовне Великомученика Николая мироточила икона // Информ-Полис от 08.06.2005.

³⁹ Оппозиционер Навальный: Буддисты в России не равны с православными // Информ-Полис от 10.01.2012.

уже заложена провокация: привлечение внимание к одиозной политической фигуре и к проблеме статусного неравенства двух конфессий. В тексте самой статьи применяются аналогичные приемы для активизации читателя. Например:

Тема «сращивания» патриархии и власти, по мнению блогера и оппозиционера, – тема болезненная.

В статье помещен отрывок из речи, вырванный из контекста. Акцент переносится на «болезненность темы», а сам факт «сращивания патриархии и власти» приобретает статус неоспоримости. Эта статья, после опубликования на сайте газеты, вызвала большой резонанс, она характеризуется высоким рейтингом просмотров, большим количеством комментариев к статье.

Таким образом, для характеристики подобных публикаций можно выделить следующие черты. Во-первых, яркий кричащий заголовок: например, «В дацане Санкт-Петербурга совершено убийство. Новые подробности»⁴⁰. Во-вторых, формирование у читателя/зрителя какой-либо сильной эмоции, чаще всего возмущения, негодования и т.п. В-третьих, поддержка внимания к тексту с помощью особой подачи материала, в итоге, религиозная тема уходит на второй план, становясь средством для создания рейтинговой публикации. Основной упор делается на какой-либо конфликтной ситуации, воздействующей на религиозные чувства аудитории.

На протяжении 1990-х гг. крупные религиозные организации Бурятии не вели какую-либо целенаправленную работу по созданию своего образа в СМИ. Новости формировались стихийно, таким же образом они появлялись в печати и в новостных выпусках местных телеканалов. Интерес к религии был высок, она связывалась с национально-культурным возрождением. Однако новости часто дублировали друг друга, это было вызвано в первую очередь высокой конкуренцией среди СМИ: Бурятия еще с 1990-х гг., в отличие от других регионов России, обладала высоким уровнем развития местного телевидения. После 1992 г. работало 3 телеканала, местное радио, хорошо была развита печатная пресса.

---

⁴⁰ В дацане Санкт-Петербурга совершено убийство. Новые подробности // Информ-Полис от 06.01.2009.

Таким образом, информационное поле на первый взгляд было достаточно широко, но поскольку религиозные организации не принимали участия в формировании своего образа, и новости «добывались» самими журналистами, то информация часто дублировалась, снижая интерес аудитории. Взаимодействие «СМИ – религия» не было поставлено на профессиональную основу: не существовало таких явлений как пресс-релизы, организованные пресс-конференции и пр.

К 2000-м гг. ситуация начинает меняться. Религиозные организации начинают предпринимать определенные шаги по контролю информации, появляющейся в СМИ. Однако эта деятельность по-прежнему не ставится на профессиональную основу. Она приобретает специфичные формы. Например, создаются эксклюзивные каналы передачи информации. Глава Буддийской традиционной сангхи, например, предпочитает взаимодействовать с узким кругом журналистов. Таким образом, эта религиозная организация имеет возможность контролировать содержательный аспект новостей.

Русская православная церковь серьезно занялась аналогичной работой только после учреждения новой Улан-Удэнской и Бурятской Епархии в 2009 г.⁴¹ Но в отличие от традиционной сангхи православная церковь сосредоточилась на создании собственных каналов распространения информации. Во-первых, в 2009 г. был создан работающий и интерактивный официальный сайт. Епископ Савватий начал вести блог на ЖЖ. С 2011 г. регулярно выходит газета «Православная Бурятия», которая распространяется не только среди прихожан, но и при любом удобном случае среди более широкой аудитории (например, на круглых столах, конференциях и прочих мероприятиях). Она содержит публикации, ориентированные на разные возрастные и социальные группы. Все номера газеты оцифровываются и размещаются на официальном сайте епархии. Не остались без внимания и социальные сети: епископ Савватий имеет свои странички на сервисах вконтакте и facebook, которые также постоянно обновляются. Кроме того, Улан-Удэнская и Бурятская епархия имеет свое эфирное время на местном телеканале

---

⁴¹ До этого существовала единая Читинская и Забайкальская епархия и Бурятское благочиние в ее составе (с 1994 г.).

БГТРК (два раза в месяц выходит программа «Благовест») и на местном радио (радио Бурятии – программа «С нами Бог», выходит еженедельно). Здесь ведущими, рассказчиками выступают сами священнослужители. Что характерно, всю систему информационной поддержки Русской православной церкви в Бурятии отличает большая интерактивность. Все перечисленные каналы распространения информации тесно связаны между собой.

Увеличение религиозного контента в республике – итог действия различных явлений и процессов на протяжении всего постсоветского периода: и самостоятельного интереса к религиозной тематике жителей Бурятии, и высокой конкуренции между СМИ в новостной среде, и других факторов. Однако благодаря усилиям религиозных организаций, религиозное информационное поле становится более структурированным и управляемым. Наблюдается рост внимания к религии, который выражается в ее публичности.

Изменения в материальном субстрате общества. Понятие материальный субстрат общества заимствовано теоретиков десекуляризации В. Карповым из социальной теории Дюркгейма⁴². Это «анатомические» и «морфологические» элементы для обществ: численность населения, распределение и территориальная организация населения, материальные объекты (здания, коммуникации и пр.)⁴³.

Наиболее заметно религия в постсоветский период сказалась на ландшафте Бурятии. Появилось большое количество культовых мест, т.н. обоо⁴⁴, религиозных построек. Религиозные организации активно восстанавливали разрушенные в советское время храмы, строили новые, а государство передавало им уже существующую собственность. После посещения Президентом России Б.Н. Ельциным Бурятии в мае 1992 г. из федерального бюджета было выделено 5 млн руб. для реставрации Байкало-Кударинской церкви и 10 млн руб. для ремонта Тамчинского дацана, а Министерство финансов России выделило для

⁴² Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. New York: The Free Press, 1982 (1895). P. 57.

⁴³ Цит. по: Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №2(30). С. 129.

⁴⁴ См., например: Шагланова О. А. Культ обо в традиционной культуре бурят // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы 43-й всеросс. археолого-этнограф. конф. молодых ученых. Томск, 2003. С. 406-407.

строительства буддийского комплекса на Верхней Березовке в 1992-1993 гг. в общей сложности 165 млн руб.⁴⁵

В п. Усть-Баргузин администрация в 1994 г. выделила в Доме культуры комнату, а в 1995 г. безвозмездно отдала здание детского сада с земельным участком и постройками. В 1996 г. мэр г. Улан-Удэ передал Свято-Троицкому храму территорию прилегающего к нему городского сада. В п. Джида в 1998 г. администрация передала здание библиотеки под молельный дом, а затем в этом же году Русской православной церкви был отдан и земельный участок под зданием вместе с прилегающей территорией с последующей выдачей свидетельства о праве собственности. В с. Новая Брянь в 1992 г. администрация выделила православной церкви 3 гектара земли. В начале 1990-х гг. личный дом хамбо-ламы Агвана Доржиева⁴⁶ (единственная сохранившаяся постройка от Хандагайтайского или Аршанского дацана) был передан местными властями буддистам. А в 1991 г. еще Правительство Бурятской АССР и Улан-Удэнский городской Совет народных депутатов вынесли постановление об отводе земельного участка в 20 гектаров в пригородном районе «Верхняя Березовка», где предполагалось построить целый комплекс: резиденцию хамбо-ламы, квартиры священнослужителям, центр тибетской медицины, гостиницу и пр. В селе Петропавловка местные власти помогли лютеранам (Библейской лютеранской церкви, с 2003 г. Сибирской евангелической лютеранской церкви) построить свое здание, обратив внимание на активную социальную работу лютеран в селе⁴⁷.

В 1990-е гг. большой масштаб приобрели т.н. «народные стройки» – строительство и восстановление храмов силами местного сообщества. Местное население обычно с воодушевлением относилось к таким мероприятиям, бесплатно работало на стройках. Необходимые материалы покупались на средства пожертвований, часто помощи просили у бизнесменов, чиновников, депутатов. Из

⁴⁵ НАРБ. Ф.Р1857. Оп.1. Д.285. Л.1,3 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁴⁶ Агван Доржиев (1853—1938) – буддийский религиозный деятель, хамбо-лама.

⁴⁷ Атлас современной религиозной жизни России. М.: Летний сад, 2005. Т. 1. С. 83.

открытого обращения председателя Центрального духовного управления буддистов М. Цыбикова:

Только поддержка верующих буддистов, всех людей доброй воли, также организаций, предприятий, фирм, поможет успешному и скорому осуществлению строительства буддийского комплекса в Улан-Удэ⁴⁸.

В период с 1990 по 2010-е гг. ландшафт республики Бурятия кардинально изменился. Он наполнился новыми сооружениями, атрибутами религиозного характера. Это несомненно является одним из проявлений десекуляризации.

Возвращение религиозного содержания в различные культурные подсистемы. Анализ тенденций возрождения религиозного содержания в различных подсистемах культуры опирается на понимание культуры как совокупности сверхиндивидуальных символических систем (определение В. Карпова⁴⁹), а не как суммы убеждений, ценностей, диспозиций и норм, разделяемых членами общества и связанных с положением в нем индивидов. Это позволит сосредоточиться не на индивидуальных представлениях о вере и религиозных практиках, а на содержании различных культурных подсистем.

В первую очередь соприкосновение с религией в постсоветское время характерно для местной литературы. По итогам проведенного анализа мы условно классифицировали литературу, имеющую отношение к религиозному возрождению по степени зависимости ее издания от религиозных организаций. Соответственно к первой категории относятся различные книги, журналы, издаваемые по инициативе или при поддержке религиозных объединений. Во вторую группу входят вся литература, издаваемая независимо от церкви, но содержащая религиозную тематику.

Наибольшую активность в книгоиздании среди религиозных организаций республики проявляет Буддийская традиционная сангха России. Она поддерживает собственное книгоиздание. Священные тексты и труды, написанные

---

⁴⁸ Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁴⁹ Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №2(30). С. 125.

священнослужителями этой религиозной организации, издаются на любительском оборудовании при Буддийском университете «Даши Чойнхорлин». Большая часть этой литературы предназначена для внутреннего пользования, однако, некоторые тексты появляются на официальном сайте Буддийской традиционной сангхи России и становятся общедоступными⁵⁰. Кроме того, Буддийским Университетом «Даши Чойнхорлин» издается альманах «Легшед», в котором печатаются статьи о буддизме, переводы канонических текстов, новости.

Буддийская традиционная сангха также практикует поддержку независимых авторов в издании их книг. Книги, издаваемые в рамках подобных проектов, должны быть содержательно напрямую связаны с буддизмом направления гелугпа⁵¹, историей буддизма в Бурятии, работой Буддийской традиционной сангхи. В 2011 г. в рамках такого сотрудничества был издан сборник бурятских буддийских притч и легенд «Дождь из цветов» Игоря Муханова. Он представляет собой творческую переработку материалов, собранных им при опросе монахов Буддийской традиционной сангхи и местных жителей. Буддийская традиционная сангха также учредила собственную премию в области литературы имени Доромбо ламы Эрдэни-Хайбзун Галшиева⁵². По заявлениям этой религиозной организации премии удостоиваются лица, внесшие существенный вклад в философию буддизма, бурятскую литературу и развитие буддийской культуры народов России.

Для Русской православной церкви, напротив, книгоиздание не является важной задачей. Наиболее значимое событие в этой области – намерение совместно с Бурятским госуниверситетом перевести православное богослужение на современный бурятский язык и выпустить в рамках этой работы словарь православных богословских терминов, а в дальнейшем молитвослов. Религиозные организации, т.н. нетрадиционных конфессий, активно работают с религиозной

---

⁵⁰ См. официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sangharussia.ru/content/articles/>.

⁵¹ Именно к этому направлению относится практикуемый Буддийской традиционной сангхой буддизм.

⁵² Лама Эрдэни-Хайбзун Галшиев (1855-1915 гг.) в начале XX века создал историко-философский труд «Зерцало мудрости».

литературой, однако, она издается вне Бурятии, и поэтому не представляет интереса в рамках данного исследования.

Литература, изданная без поддержки религиозных организаций, также может быть связана с религией. В местном литературном журнале «Байкал», издавававшемся четыре раза в год, есть специальный раздел «Религия», где публикуют соответствующие произведения. Отдельный сегмент занимают книги воспитательно-просветительского характера: детская литература, информативные книги, рассказывающие о религии. Вышла серия детских книг Виктории Алагуевой «Учение Будды для детей», «Алмазная книга о бурятах», «Серебряная книга о бурятах», «Золотая книга о бурятах», рассказывающая детям об основах буддизма и традиции буддизма в Бурятии.

Еще одна подсистема культуры, для которой характерно наличие религиозного содержания – изобразительное искусство. Живопись и скульптура эксплуатирует аутентичные мотивы буддизма и шаманизма, особенно если произведения ориентированы на российского или зарубежного зрителя. Они представляют большой интерес, т.к. позволяют художникам делать акцент на аутентичности. Другие религии не обладают таким свойством. Буддийскую тематику можно увидеть в работах следующих художников: Зорикто Доржиева («Спящие монахи», «Монахи»), Даши Намдакова (серия скульптур «Лама», «Ритуал»), Жамсо Раднаева («Перерожденец»), Ульяны Карагод («Эрхи (Чётки)»), Бато Дашицыренова («Молитва», «Сон (маски Цам)») и т.д. В постсоветское время, в связи с восстановлением и строительством новых религиозных объектов, получило развитие и религиозное искусство: роспись храмов, иконопись, искусство танка.

Музеи в постсоветский период стали одной из основных площадок, презентующих религиозное возрождение вообще и в искусстве в частности. В первую очередь это касается тематики и содержания проводимых выставок. Постоянные экспозиции включают в себя и выставки, полностью сфокусированные на религии: «Свет веры православной», «Сокровища буддийского искусства. Атлас тибетской медицины» (Национальный музей), выставка, посвященная XII Пандито

Хамбо-ламе Даша Доржо Итигэлову (музей истории г. Улан-Удэ), Дуган «Деваджин», Никольская церковь (этнографический музей народов Забайкалья), и выставки, в которых религиозные мотивы являются частью другой темы, например, «350 лет вместе с Россией» в национальном музее Бурятии или «Открывая дверь юрты» музея природы Бурятии. С начала 1990-х гг. стали проводиться временные выставки, посвященные религии. Еще одна форма проникновения религии в пространство музеев – праздники и обряды, проводимые на их территории. Особенно ярко это проявляется в деятельности этнографического музея народов Забайкалья, поскольку это музейный комплекс под открытым небом, что позволяет вносить большую интерактивность в его работу. Там ежегодно проводят пасхальные гуляния («Красная горка»), праздник Троицы, Сагаалгаан, шаманские обряды – «Тайлаганы». В национальном музее Бурятии несколько лет подряд буддийские священнослужители проводили обряд возведения песочной мандалы. Театр также время от времени использует религиозную тему. Особенно это характерно для Бурятского государственного драматического театра, который на протяжении всего изучаемого периода ставил несколько спектаклей, так или иначе касающихся буддизма, шаманизма.

Изучив процессы, происходящие в религиозной сфере постсоветской Бурятии, мы можем констатировать наличие десекуляризационных тенденций. Они проявляются в сближении религии с различными ранее секуляризованными институтами, такими, как образование, семья, армия. Стабильно растет количество религиозных организаций и уровня религиозности в республике. Религия заняла прочное место в публичном пространстве региона: на протяжении всего исследуемого периода растет количество контента, связанного с религией, религиозные объединения сами организуют свое присутствие в публичной сфере. Меняется ландшафт региона: появляются новые и возрождаются старые культовые места и сооружения. Тема религии используется в искусстве.

Однако десекуляризационные тенденции постепенно ограничивались и упорядочивались. Возник особый десекуляризационный режим, включающий в себя формальные и неформальные нормы, упорядочивающие религиозное

пространство Бурятии и процессы, происходящие в нем, способ приведения этих норм в действия, а также идеология, их легитимизирующая. На основе проведенного выше анализа, мы можем сказать, что реакция на установление этого режима тяготеет к ритуалистической. Признается важность возрождения религий для общества в целом. Популярно соблюдение обрядов, а отношение к религии часто утилитарно. Религиозность в большинстве случаев не связана собственно с поведением верующего, соблюдением религиозных норм.

Формирование десекуляризационного режима происходило на протяжении всего изучаемого периода. Главную роль в этом процессе сыграло государство. Именно оно определило формальные и неформальные институты регулирования религии, сформировав, таким образом, современную религиозную ситуацию в республике.

Глава 2. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии

2.1. Формальные институты государственного регулирования религии

Регулирование религиозной сферы в Бурятии в начале 1990-х гг. осуществлялось в рамках законодательно-нормативной базы, сформированной еще в Советском союзе. Главную роль играл закон 1990 г. РСФСР «О свободе вероисповеданий»¹. Он определил направления развития религиозной сферы в начале 1990-х гг. Во-первых, данный закон закрепил право на свободу вероисповедания. Во-вторых, он санкционировал создание религиозных организаций в свободном порядке, в законе они именуется религиозными общественными объединениями. В то же время закон наложил определенные обязанности на религиозные организации, предписав им соответствие определенным критериям: наличие устава (положения), а также их регистрация. Эта норма так и не будет изменена позднее. В-третьих, религиозным объединениям было дано право иметь в собственности здания, строения, предметы культа, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для их деятельности². В-четвертых, религиозные объединения были освобождены от налогов на все виды финансовых поступлений от граждан. Наконец, в системе государственного социального обеспечения закон уравнил права священнослужителей с работниками государственных и общественных организаций. Т.е. священнослужитель признавался работником религиозного объединений и мог претендовать на бесплатное медицинское обслуживание, выплату пенсии, различных пособий и прочие социальное обеспечение.

Данная нормативная система способствовала в первую очередь бурному росту

---

¹ Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий».

² Там же.

количества религиозных объединений. По состоянию на 11 января 1994 г. в Бурятии было зарегистрировано 56 религиозных организаций³. Для сравнения, в 1987 г. в регионе действовали 3 зарегистрированные религиозные общины (Русская православная церковь, Центральное духовное управление буддистов, группа Евангельских христиан-баптистов), а также незарегистрированная группа адвентистов седьмого дня⁴. С 1994 по 1995 гг. количество религиозных объединений выросло до 81⁵, т.е на 45%.

Отсутствие налогов на пожертвования способствовало аккумуляции религиозными организациями ресурсов, которые они вкладывали в свой рост. Это позволило в краткие сроки увеличить количество священнослужителей, в которых имелся недостаток на протяжении 1990-х гг. и начала 2000-х гг. в связи с продолжающимся увеличением количества религиозных организаций. Кроме того, финансовая помощь, а также разрешение на владение объектами собственности способствовали резкому наращиванию религиозными организациями своей материальной базы. Для 1990-х гг. характерны повсеместные стройки культовых объектов, а также восстановление старых построек.

Первые формальные нормы, регулирующие религиозное пространство на уровне республики, появились в 1994 г. с принятием Конституции Республики Бурятия. С точки зрения регулирования религиозной сферы, она являлась противоречивым сводом правил. Положение усугублялось тем, что обобщенные формулировки, содержащиеся в Конституции, не уточнялись в нормативно-правовых актах более низкого ранга. Например, Конституция гарантировала равенства прав человека, независимо от религиозной принадлежности и отношения

---

³ Из справки Уполномоченного по делам религий при Совмине Республики Бурятия В.Г. Батомункуева «О развитии религиозных организаций», НАРБ. Ф.Р1857. Оп.1. Д.285. Л.1,3 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁴ Из информации уполномоченного по делам религий при Совмине БурАССР М. Мулонова Председателю Совета по делам ррелигий При Совмине СССР К.М. Хачеву «О деятельности религиозных организаций в Республике», НАРБ. Ф. Р-1857. Оп.1. Д.170. Л.1-5,8-9 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁵ Бураева О.В. Религиозные организации в Бурятии // Россия и восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия. Иркутск, 2002. С. 199-204.

к религии, свободу совести, «включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»⁶, а также запретила любые формы ограничений по религиозному признаку. С другой стороны, Конституция запретила создание и деятельность общественных объединений, разжигающих религиозную рознь, пропаганду, возбуждающую религиозную ненависть и вражду, и пропаганду религиозного превосходства. При этом конкретные индикаторы, позволяющие определить, какая деятельность является разжиганием религиозной розни или пропагандой религиозной ненависти, так и не были установлены.

В 1994 г. была создана структура, занимающаяся вопросами государственной религиозной политики, конкретно – созданием формальных норм государственного регулирования религии. Речь идет о создании комитета по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединений Народного Хурала Республики Бурятия. Он был создан на первой сессии первого созыва Народного Хурала и с тех пор постоянно занимается разработкой нормативно-правовых актов, связанных с религиозной сферой Бурятии, ее регулированием и религиозной политикой в целом.

Кроме того, в 1994 г. также была сформирована и первая государственная структура, специализировавшаяся в религиозной сфере, – межведомственная комиссия по вопросам религиозных объединений при Президенте и Правительстве Республики Бурятия. Комиссия была создана в связи с развернувшимся в 1990-е гг. движением по передаче религиозным организациям зданий и сооружений, изъятых у них в советский период. Однако в ее правоустанавливающем документе⁷ круг задач не ограничивался только этой сферой. Среди задач работы комиссии значилось общее руководство отношениями государственных органов власти и

---

⁶ Конституция Республики Бурятия от 22 февраля 1994 г. Ст. 26

⁷ Постановление Правительства Республики Бурятия от 24.11.1994 № 153 «Об образовании межведомственной комиссии по вопросам религиозных объединений при президенте и правительстве Республики Бурятия».

религиозных организаций. Во-первых, это подготовка предложений по урегулированию вопросов, связанных с деятельностью религиозных объединений и требующих решения Президента и Правительства Республики Бурятия. Во-вторых, информационно-аналитическое обеспечение деятельности Президента и Правительства Республики Бурятия по вопросам, затрагивающим сферу взаимоотношений государства и религиозных объединений. В-третьих, в функции комиссии входило содействие осуществлению контактов Президента и Правительства Республики Бурятия с религиозными объединениями.

Комиссия вырабатывала рекомендации в сфере отношений государства и религиозных объединений, которые затем передавала Президенту Республики Бурятия, могла готовить проекты специализированных указов и решений Президента Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, проекты законов, которые вносились в Народный Хурал. Она также делала экспертные заключения о проектах решений, вносимых в Правительство Республики Бурятия, касающихся взаимоотношений государства и религиозных объединений, а также самостоятельно обеспечивала взаимодействие с религиозными объединениями. При этом в ее состав входили не только члены Аппарата Президента и Правительства Республики Бурятия, но и представители музеев и научных организаций. Кроме того, среди ее членов были председатель Центрального духовного управления буддистов Российской Федерации, благочинный Бурятского округа Читинской и Забайкальской Епархии Русской православной церкви, председатель правления еврейского национально-культурного центра, председатель центра немецкой культуры и председатель общины Одигитриевского Собора (Русская православная церковь), т.е. сами представители религиозных организаций. К концу 1990-х гг. комиссия утратила свое значение, но формально перестала существовать только в 2003 г.⁸

Движение по передаче религиозным организациям имущества, изъятого в

---

⁸ Постановление Правительства Республики Бурятия от 29 июля 2003 г. № 239 «О признании утратившим силу постановления правительства Республики Бурятия от 24 ноября 1994 № 153 “Об образовании межведомственной комиссии по вопросам религиозных объединений при президенте и правительстве Республик Бурятия”».

советский период, а также тенденция к государственной поддержке религиозных организаций в деле строительства культовых сооружений привели к появлению специального Постановления⁹ Правительство Республики Бурятия. С его помощью региональные власти пытались хоть в какой-то степени упорядочить передачу религиозным объединениям имущества, находящегося в республиканской и муниципальной собственности. Постановление стало попыткой прописать порядок передачи, а самое главное, причины, санкционирующие запуск процедуры передачи государственной и муниципальной собственности религиозным организациям.

Во-первых, прописанные нормы касались передачи только уже существующих культовых зданий, строений с территорией, которая прилегает к ним, различных памятников истории и культуры, при условии, что все эти объекты религиозного назначения. Передача религиозным организациям земли для строительства религиозных объектов по-прежнему не регулировалась формальными нормами. Во-вторых, религиозные организации должны были при подаче заявки обосновать необходимость передачи, а также свои претензии на эту собственность. Для этого они предоставляли историческую справку, сведения об использовании культового здания, строения с прилегающей к нему территорией и иного движимого и недвижимого имущества на время подачи заявки, а также справку о техническом состоянии этого здания, строения.

В-третьих, в Постановлении прописывались сферы ответственности органов государственной и муниципальной власти разного уровня. Передачей в пользование памятников истории и культуры, находящихся в государственной республиканской собственности, занималось Министерство культуры Республики Бурятия, памятников, находящихся в муниципальной собственности, – отделы культуры соответствующих органов местного самоуправления, а передачей

---

⁹ Постановление Правительства Республики Бурятия от 25 июля 1995 г. № 260 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к республиканской и муниципальной собственности имущества религиозного назначения» (вместе с «Положением о порядке передачи религиозным объединениям относящегося к республиканской и муниципальной собственности имущества религиозного назначения»).

другого имущества, относящегося к республиканской и муниципальной собственности (т.е. не являющегося памятником истории и культуры), – Государственный комитет Республики Бурятия по управлению госимуществом. Если имущество передавалось религиозной организации не в пользование, а в собственность, то требовалась санкция Правительства Республики Бурятия или решение местных органов самоуправления в случаях государственной и муниципальной собственности соответственно.

В-четвертых, передача зданий становилась возможна только после предоставления предприятиям и учреждениям, расположенным в здании, другого помещения, в котором они могли бы продолжать свою деятельность. Наконец, этот документ был попыткой закрепить формальные нормы, регулирующие конфликты между государством и религиозными объединениями по вопросам передачи собственности. Эти конфликты должна была рассматривать упомянутая выше Межведомственная комиссия по вопросам религиозных объединений при Президенте и Правительстве Республики Бурятия, которая в итоге вносила проект решения проблемы на утверждение в Правительство Республики Бурятия¹⁰.

В 1995 г. был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия¹¹. Он должен был обеспечивать взаимодействие Президента Республики Бурятия с религиозными объединениями, участвовать в разработке концепции взаимоотношений государства и религиозных объединений. На Совет также была возложена и аналитическая функция. Он готовил для Президента Республики Бурятия аналитические материалы, рекомендации по вопросам политики и взаимоотношений государства и религиозных объединений, информировал его о положении религиозных объединений, состоянию религиозной ситуации, результатах проводимой в республике государственной политики в сфере религии,

---

¹⁰ Там же.

¹¹ Указ Президента Республики Бурятия от 26 декабря 1995 № 297 «О создании совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия» (вместе с «Положением о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия»).

должен был изучать проблемы, связанные с «поддержанием социальной стабильности, нравственного здоровья и единства общества»¹².

В 1996 г. появился первый республиканский нормативно-правовой акт, специализировавшийся на религии – Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия¹³. С этого момента процесс формирования институтов государственного регулирования религии сосредотачивается на управлении деятельности религиозных объединений, а не на индивидуальных религиозных стратегиях. Это и проявилось в данной Концепции. Действие этого документа распространялось на отношения республиканских органов власти и религиозных организаций. Кроме того, нормы, прописанные в нем, рекомендовались для использования органам местного самоуправления, которые в 1990-е гг. активно взаимодействовали с религиозными организациями.

В «Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» впервые официально была закреплена система разделения конфессий на традиционные и нетрадиционные. «В Республике Бурятия представлен широкий спектр религиозных объединений как традиционных, так и нетрадиционных вероучений». К традиционным отнесли буддизм, шаманизм, православие и древлеправославие (или старообрядчество). В Концепции был обоснован статус традиционности для каждой из указанных конфессий. Традиционность буддизма выводилась из даты распространения на территории Бурятии (XVII-XVIII вв.), укорененности – «буддизм <...> стал частью этой (бурятской – прим. А.Б.) культуры, национальной психологии, образа жизни бурятского народа», – и наличием стабильной и развитой организационной формы. «Буддийская церковь в республике представлена в виде широко разветвленной иерархической системы со своим штатом духовенства, учебными заведениями и органом управления – Центральным Духовным Управлением буддистов России (ЦДУБ РФ)». Традиционность шаманизма также была обоснована интеграцией в культуру бурят

---

¹² Там же.

¹³ Указ Президента Республики Бурятия от 21 мая 1996 № 183 «О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия».

и непрекращающимся на нее влиянием. Интересно, что статус православия в документе выводится в первую очередь из положения этой религии в целом в России, а не конкретно в Бурятии. «Имея тысячелетнюю историю, будучи глубоко интегрированной в общественно-политическую жизнь и культуру, русская православная церковь (РПЦ), последователи которой составляют до 80% всех верующих в стране, объективно обладает значительно более высоким социальным статусом по сравнению с другими религиозными организациями». Только после этого был приведен аргумент о времени появления православия в Бурятии (XVII в.). Временной критерий является также основой придания древлеправославию статуса традиционной для Бурятии религии. «К традиционным вероучениям Бурятии следует отнести и древлеправославие, также имеющее глубокие исторические корни в республике. Появление древлеправославия относится к середине 18 века».

Авторы Концепции не ограничились перечислением традиционных для республики конфессий, они также указали и нетрадиционные. К ним были отнесены баптисты, пятидесятники, Церковь Христиан Адвентистов Седьмого дня, церковь Божией матери Преображающей, поместная христианская церковь «Слово Жизни», Новоапостольская церковь, общество сознания Кришны, Апостольская православная церковь, общины последователей веры Бахаи и церковь «Полное Евангелие». Кроме того, в документе прямо указано на «негативное отношение практически всех традиционных конфессий к новым нетрадиционным религиозным объединениям» как на характерную черту межконфессиональных отношений в регионе.

Противоречивость документа проявилась и в том, что в Концепции также впервые прозвучали идеи, позже оформленные в публичном пространстве республики в концепцию «Бурятия – территория межрелигиозного мира и согласия». В «Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» межрелигиозная веротерпимость впервые рассматривается как естественная и неотъемлемая характеристика Бурятии, сформировавшаяся в результате этнического разделения основного населения на две большие группы.

Соответственно, для русских характерной религией определяется православие, а для бурят – буддизм. «Приверженцы каждой из них рассматривают свою религию как национально-культурное достояние, не пытаются сделать другие народы объектом своей религиозной миссии и не опасаются “религиозной экспансии” с их стороны».

Основным принципом, определяющим взаимоотношения государства и религиозных организаций, в Концепции 1996 г. провозглашается светскость государства и его отделение от церкви. Фокусирование на этом вопросе обусловлено в первую очередь интенсивностью протекания процессов десекуляризации в Бурятии 1990-х гг. Авторы Концепции опасаются, что без введения четких правил, отделяющих политическую сферу от религиозной, религиозные организации и религия в целом смогут оказывать прямое воздействие на органы государственной власти и их деятельность. «В настоящее время Бурятия, находясь в условиях переходного периода, проходит через кризисную фазу как в смысле экономическом, так и духовном. Этим обстоятельством во многом объясняется наличие элементов клерикализации общественно-политической жизни республики в сферах культуры, образования и в политике». Введение этой нормы отражает состояние религиозной сферы в 1996 г.

Еще одним индикатором нестабильности религиозной ситуации является указание среди целей и задач органов государственной власти практического обеспечения прав на свободу совести. Данный принцип государственной религиозной политики сформулирован еще в Конституции Республики Бурятия 1994 г. Однако в «Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» специально акцентируется внимание на том, что свобода совести в период создание документа свелась к свободе вероисповеданий, ущемлению прав неверующих. В итоге Концепция обосновывает необходимость государственного контроля религиозной ситуации в регионе, а религиозную свободу при отсутствии государственного контроля называет никем и ничем не контролируемой деятельностью, приводящей к насилию над совестью.

В Концепции также впервые были введены нормы, ставшие впоследствии

основой неформальных институтов государственного регулирования религии. Речь идет о провозглашении необходимости строить отношения между органами государственной власти и религиозными организациями на правовой основе путем заключения договоров и соглашений. «Было бы целесообразным идти по пути договорных форм взаимоотношений, заключения соглашений (договоров) между государством или органом, уполномоченным его представлять, с одной стороны, и религиозными организациями как социальными институтами и субъектами публично-правовых отношений, с другой». Концепция также предлагала строить на договорной основе взаимоотношения религиозных объединений, государственных и общественных организаций, в том числе попечительских и опекунских советов, что станет прообразом социальной деятельности религиозных организаций в системе неформальных институтов государственного регулирования религии.

При том, что Концепция ясно разделяет религии на традиционные и нетрадиционные, о чем не раз упоминается в документе, она по-прежнему декларирует равенство прав религиозных организаций, в первую очередь, при отношениях с государством. «Органы государственной власти и должностные лица при решении вопросов сферы государственно-церковных отношений не должны отдавать предпочтение какой бы то ни было конфессии. Также не допустим протекционизм со стороны государственных органов в отношении какой-либо религии, который неизбежно вызовет недовольство со стороны приверженцев других религий и стоящих за ними народов, нередко отождествляющих с этими религиями свою национальную принадлежность». Таким образом, Концепция классифицировала конфессии, представленные в республике, но запретила использовать эту классификацию в реализации религиозной политики. Она обозначила правовое равенство религиозных организаций, а также запретила избирательное предоставление льгот и преимуществ. Однако формальное закрепление равенства религиозных организаций не помешало дальнейшему развитию системы разделения религиозного поля Бурятии, и что важнее, дифференциации религиозной политики в зависимости от критерия

традиционности конфессии.

Причина дальнейшего развития этой системы кроется в том, что органы государственной власти возлагали на религиозные организации определенную миссию. В «Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» роль религиозных организаций ограничивается «формированием национального самосознания в сторону его гуманизации». Согласно Концепции, это должно способствовать укреплению межнационального согласия и воспитанию толерантности в межнациональных отношениях. В дальнейшем задачи религиозных организаций будут расширяться, что потребует оказания поддержки религиозным организациям со стороны государства. Здесь на первый план и выйдет классификация конфессий, впервые введенная в «Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия».

Концепция стала одним из первых официальных нормативно-правовым актов, которые регулировали передачу религиозным организациям в собственность или пользование культовых зданий и другого имущества. В ней была предложена поэтапная система передачи религиозных объектов. Однако конкретные механизмы так и не были предложены. Кроме того, «Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия» 1996 г. впервые заявила о ведущей роли государства в формировании религиозного пространства республики. «В сфере государственно-церковных отношений государство имеет свои имущественные, правовые, идеологические и внешнеполитические интересы и является самостоятельной и ведущей силой, обеспечивающей интересы всех верующих и неверующих граждан».

Несмотря на появившийся закон, Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия формально была в силе до 2003 г.¹⁴. Параллельно развивалось и федеральное законодательство. В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором были выделены некоторые религии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм и любая

---

¹⁴ См. Указ Президента Республики Бурятия от 29 апреля 2003 г. «О признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Бурятия».

другая религия, «составляющая неотъемлемую часть исторического наследия народов России», т.е. являющаяся традиционной для них. Особая роль для России, ее истории, культуры, духовности, была отведена православию. Принятие федерального закона, регулирующего религиозную сферу вообще и отношения государства и религиозных объединений в частности, имело определяющее значение для складывающейся в Бурятии системы формальных норм государственного регулирования религиозной сферы.

В Бурятии вскоре был принят закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»¹⁵. В основном республиканский закон дублировал федеральный, что характерно для того периода законотворческой деятельности. Таким образом, институты, официально закрепленные на региональном уровне, повторяли общероссийскую нормативную систему. Сам закон выдержал в общей сложности 8 редакций. В первоначальном виде он просуществовал практически три года: с 1997 по 2000 г. Его формулировки отражали жесткую позицию государства, заключающуюся в разделении религиозных организаций по степени традиционности конфессий, представляемых ими. В первой же статье «основные понятия» были зафиксированы наименования конфессий, которые могут считаться традиционными.

*В Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм*¹⁶.

Появление наименования религиозной организации (Буддийской традиционной сангхи России) в данном списке наряду с наименованиями собственно конфессий обусловлено необходимостью закрепления традиционного буддизма за конкретной организацией. На момент выхода закона в 1997 г. религиозную организацию, представляющую буддизм раздирали внутренние конфликты и противоречия. В 1996 г. единая буддийская организация Центральное

---

¹⁵ Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия».

¹⁶ Там же.

духовное управление буддистов Российской Федерации (преемница Центрального духовного управления буддистов СССР, единственной буддистской организации, созданной в советское время), была переименована в Буддийскую традиционную сангху России. Главой этой организации стал Д. Аюшеев, избранный в еще 1995 г. председателем Центрального духовного управления буддистов РФ¹⁷.

В результате внутреннего раскола в 1998 г. от Буддийской традиционной сангхи отделилось противостоящее ей Духовное управление буддистов Российской Федерации¹⁸ во главе с Н. Илюхиновым. Закрепленные в новых законах (как на федеральном, так и на республиканском уровнях) формальные нормы, упорядочивающие религиозное пространство республики, активно использовались участниками данного конфликта.

После вступления в силу новых законов, религиозные организации, соответственно, должны были пройти перерегистрацию по новым правилам. Каждый конкретный дацан должен был быть зарегистрирован как местная религиозная организация. Министерство юстиций Российской Федерации разъяснило положения федерального закона в специальном нормативно-правовом акте¹⁹. Согласно ему централизованная религиозная организация может быть создана не менее, чем тремя местными религиозными организациями одного вероисповедания. Кроме того, эти местные религиозные организации должны сами пройти перерегистрацию.

В 1998 г. Буддийская традиционная сангха проходит перерегистрацию, как централизованная религиозная организация, а ее учредителями становятся три дацана, прошедших перерегистрацию как местные религиозные организации, подчиняющиеся Д. Аюшееву. Таким образом, он, опираясь на формальные институты, смог сконцентрировать своих руках ресурсы и закрепить, во-первых,

---

¹⁷ Митьпов В.М. Буддийская церковь в России: религиозный ренессанс 19990-х гг. // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии / отв. ред. Л.Е. Янгутов. Улан-Удэ: изд-во Бурятского государственного университета, 2012. С. 36.

¹⁸ Островская Е.А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 307.

¹⁹ Письмо Минюста РФ от 24 декабря 1997 г. N 08-18-257-97 «О методических рекомендациях по применению Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”»

свое положение в иерархии буддийских организаций, во-вторых, положение Буддийской традиционной сангхи, как единственной легитимной централизованной религиозной организации, представляющей традиционный для Бурятии буддизм. Несогласные с его позицией и действиями религиозные деятели создавали собственные религиозные объединения, за которыми, однако, закреплялся статус исповедующих нетрадиционные для региона течения буддизма. В 1999 г. была создана Республиканская централизованная религиозная буддийская организация «Майдар»²⁰. В дальнейшем общее количество буддийских религиозных организаций, в том числе и централизованных постоянно увеличивалось.

Рассмотренный выше кейс – яркий пример феномена непредвиденных последствий. Учреждая формальные нормы, регулирующие религиозную сферу республики, государство пыталось ее упорядочивать. И пусть последствия формально вписаны в созданную нормативную рамку, неожиданно процесс формирования институтов государственного регулирования религии привел к дроблению буддийских религиозных организаций и перестановке сил внутри этой системы.

Итак, Буддийская традиционная сангха стала официальным представителем традиционного буддизма. Православие представляла Русская православная церковь, старообрядчество – Русская древлеправославная церковь, шаманизм – единственная существовавшая на то время шаманская религиозная организация «Боо-мургэл»²¹. Нормы, прописанные в законе, официально закрепили за этими религиозными организациями статус традиционных.

Кроме определения понятия исконности (т.е. традиционности) закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» также ввел понятие «конфессиональные новообразования». Эта дефиниция позволила выделить все

---

²⁰ См. подробнее: Филатов С. Буддизм в Бурятии: новые тенденции [Электронный ресурс] // Русское ревью. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition20/02Buddhism.html.

²¹ Гарри И.Р., Цыденов Э.М. Религиозные организации шаманов г. Улан-Удэ // Вестник БНЦ СО РАН. Серия Религиоведение. 2013. № 1(9). С. 125.

нетрадиционные религиозные организации и конфессии, которые они представляют в отдельный класс. Согласно закону: «конфессиональные новообразования – это религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики». Как видно, главным критерием выделения конфессиональных образований в самостоятельную группу стали не самостоятельные характеристики, а их отличие от «исторически сложившихся в Республике Бурятия конфессий и верований».

В изначальной версии закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» не просто была закреплена классификация религиозных организаций по степени традиционности. В нем также были прописаны конкретные различия в отношениях государства с религиозными объединениями, вытекающие из их принадлежности к одной из групп. Одно из этих различий выражалось в различной процедуре государственной регистрации для традиционных и нетрадиционных религиозных организаций. Согласно закону религиозные организации, определяемые как конфессиональные новообразования, должны были предоставить в пакете документов положительное заключение Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия. Такие же требования предъявлялись религиозным организациям, находящимся в каноническом подчинении иностранных религиозных организаций, несмотря на то, что организации такого типа и так попадали под определение «новообразования».

Создание Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия было прописано в самом законе, в статье 8. Его формировал Президент – Председатель Правительства Республик Бурятия по своему усмотрению. В обязанности совета входило, во-первых, создание банка данных о религиозных организациях, группах и миссиях, зарегистрированных и действующих на территории Республики Бурятия. Это не означает, что сам совет занимался сбором данных. Он лишь запрашивал сведения у соответствующих

структур, например, Министерства юстиций или органов государственной статистики. В этом вопросе его деятельность дублировала работу других органов власти. Экспертно-консультативный Совет не служил источником информации в данной ситуации, скорее, она была нужна ему для собственной работы.

Во-вторых, одна из главных функций Экспертно-консультативного Совета заключалась в проведении государственной экспертизы религиозных организаций. И закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» закреплял за ним этот статус. Совет делал заключения о деятельности конкретных религиозных организаций, анализировал характер исповедуемого вероучения, проводимых ими обрядов и др. составляющих религиозной деятельности.

Кроме аналитической деятельности, связанной с выдачей заключений регистрирующимся религиозным организациям, Экспертно-консультативный Совет должен был также изучать «социально-психологические последствия»²² деятельности в Бурятии религиозных объединений, состояние межконфессиональных отношений и предоставлять полученные данные органам государственной власти. Консультирование республиканских органов власти и органов местного самоуправления по замыслу должно было приводить к подготовленному и квалифицированному обсуждению проектов нормативных актов Республики Бурятия, затрагивающих отношения между государством и религиозными объединениями, выработке предложений и рекомендаций по ним.

Однако с самого начала положение Экспертно-консультативного Совета было осложнено неясной структурой подчинения. Совет был создан при Правительстве Республики Бурятия и формально не имел отношения не только к органам муниципальной власти, но и к Народному Хуралу Республики Бурятия, в компетенции которого разработка и принятие нормативно-правовых актов. В то время как Правительство Республики Бурятия принадлежит к исполнительной ветви власти, Народный Хурал – к законодательной, и они независимы друг от друга. В итоге влияние Экспертно-консультативного Совета сразу было

---

²² Указ Президента Республики Бурятия от 19 августа 1997 г. «Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия».

ограничено, а формальные нормы обязывали этот орган вести работу в определенном направлении, но не обеспечивали поддержки на официальном уровне.

Кроме того, работа в Экспертно-консультативном Совете велась на общественных началах, а привлечение квалифицированных специалистов на основы оплаты их работы не носила нерегулярный характер. Члены Совета назначались Президентом Республики Бурятия из числа самих государственных служащих (представителей Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия, Правительства Республики Бурятия), специалистов в области религиоведения, медицины, педагогики, правоведения. Такой спектр областей обусловлен необходимостью проведения не только экспертизы собственно религиозной деятельности организаций, но и религиозного образования и медицинской практики некоторых священнослужителей.

В нормативно-правовом акте, закрепляющем статус Экспертно-консультативного Совета, указано также, что в его состав могут быть включены представители религиозных организаций. Действительно, в состав первого Совета входили настоятель Свято-Вознесенского Храма (представитель Русской Православной церкви), настоятель Иволгинского дацана (представитель Буддийской традиционной сангхи России), член Верхнеудинской старообрядческой общины (представитель Русской православной старообрядческой церкви). Таким образом, согласно введенным в 1997 г. нормам, нетрадиционные религиозные организации должны были получать экспертное заключение Экспертно-консультативного Совета, на которое могли повлиять традиционные религиозные организации, т.к. их представители являлись членами Совета.

Анализируя два официальных документа – Закон Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» и Указ Президента Республики Бурятия «Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия», мы видим

столкновение закрепленных в них норм. Если в указе прописано, что Совет не обладает контрольными или распорядительными функциями по отношению к религиозным организациям, а экспертные заключения носят рекомендательный характер, то закон обязал «конфессиональные новообразования» получать положительную рекомендацию от Совета, а значит, он являлся обязательной инстанцией на пути к получению религиозной организацией регистрации.

Закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» также устанавливал различия между традиционными и нетрадиционными религиозными организациями в санкционировании государством их миссионерской деятельности. Миссионерская деятельность на территории Республики Бурятия религиозных организаций, находящихся в каноническом подчинении иностранных религиозных организаций, религиозных организаций, отнесенных к конфессиональным новообразованиям, была разрешена, во-первых, после государственной регистрации этих религиозных организаций, во-вторых, после выдачи специального разрешения.

Разрешение выдавалось Министерством юстиции. При этом для его выдачи также требовалось положительное заключение Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия. Само разрешение действовало всего год, а после религиозная организация должна была снова проходить эту процедуру. Получение разрешения было осложнено некоторыми моментами. Во-первых, религиозная организация, должна была согласовать программу миссионерской деятельности. Во-вторых, рассмотрение полного пакета документов происходило в течение месяца, по усмотрению органов власти срок мог быть продлен до трех месяцев (это объяснялось необходимостью дополнительной проверки предоставленных сведений и документов). В-третьих, за подачу заявки и получение разрешения были установлены несколько видов сборов.

В 1998 г. в составе Администрации Президента и Правительства Республики

Бурятия был создан²³ Комитет по делам национальностей и связям с общественными, религиозными объединениями. Он, наряду с комитетом по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединений Народного Хурала Республики Бурятия, стал второй структурой в системе государственных органов власти, специально занимающейся вопросами государственной религиозной политики. В отличие от создаваемых в разное время при органах государственной власти консультативных советов, комитет являлся структурным подразделением Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, соответственно, в его составе могли быть только государственные служащие. Комитет был создан на основе существовавшего до этого сектора межнациональных отношений и по связям с национальными и религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия.

Основной задачей работы комитета было прямое осуществление республиканской религиозной политики. Официально это политика заключалась в поддержании межконфессионального согласия, предупреждении возникновения и разрешении межнациональных и межконфессиональных противоречий, «обеспечении равенства прав религиозных объединений, согласия и терпимости в межконфессиональных отношениях, выполнении законодательства о свободе совести и религиозных организациях»²⁴. Таким образом, в документе, определяющем статус комитета не содержалось никаких упоминаний о структуре религиозного пространства республики и классификации религиозных объединений, в отличие от принятого недавно закона. Комитет должен был готовить аналитические материалы для Президента и Правительства Республики Бурятия, в которых отражались результаты государственной религиозной политики, участвовать в разработке нормативно-правовых актов, касающихся религиозной политики, заказывать и поддерживать научные исследования по

---

²³ Указ Президента Республики Бурятия от 21 декабря 1998 г. №286 «О преобразовании сектора межнациональных отношений и по связям с национальными и религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия».

²⁴ Там же.

проблемам межконфессиональных отношений в регионе. Единственная отсылка к политике поддержки традиционных конфессий и религиозных организаций содержалась в функции комитета по содействию этническим общностям в создании и работе религиозных объединений. Такая формулировка подразумевает закрепление за этническими общностями, проживающими в Бурятии, определенной, традиционной для них религии, что согласуется с Концепцией государственно-церковных отношений в Республике Бурятия (буддизм – часть бурятской культуры, православие – русской, ислам – татарской и т.п.).

1990-е гг., как и начало 2000-х гг. характеризуется размытостью компетенции различных уровней власти в России. Именно на этот период приходится издание редкого по своему характеру нормативно-правового акта, содержащего нормы государственного регулирования религиозной сферы – Постановления Администрации г. Улан-Удэ. В 2000-е гг., когда были определены вопросы местного значения, религиозная политика была исключена из компетенции муниципальных органов власти. Это постановление было призвано обеспечить применение норм, содержащихся в нормативно-правовых актах более высокого уровня. Религиозным организациям было разрешено обучать детей религии в муниципальных общеобразовательных учреждениях за пределами образовательных программ. Этот документ имел не только разрешающий характер, он обязывал внутреннее подразделение Администрации г. Улан-Удэ – Комитет по образованию – обеспечить взаимодействие муниципальных образовательных учреждений с религиозными конфессиями «в целях усиления духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения»²⁵.

В законе «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» в пункте 8 статьи 4 было сказано, что в муниципальных школах и дошкольных заведениях разрешена миссионерская деятельность (в определение которой входит

---

²⁵ Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 09 марта 2000 г. № 113 «О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях муниципальных учреждений» (вместе с “Положением о предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях муниципальных образовательных учреждений г. Улан-Удэ”»).

религиозное воспитание и обучение) с согласия детей, родителей и при наличии договора религиозной организации и администрации указанных учреждений и заведений по согласованию с органами местного самоуправления.

Постановление Администрации г. Улан-Удэ очертило рамки, ограничивающие процедуру обучения детей религии. Религиозная организация должна была быть зарегистрирована в Министерстве юстиций и подать ходатайство в образовательное учреждение. В итоге муниципальное образовательное учреждение в соответствии со своим уставом должно было заключить договор с религиозной организацией. Обучение должно было проводиться во внеучебное время за рамками расписания учебных занятий. Кроме того, администрация образовательного учреждения была обязана согласовать принимаемое решение о введении религиозных занятий со своим органом самоуправления (советом, попечительским советом, общим собранием, педагогическим советом и др.) и с муниципальными органами самоуправления. Таким образом, указанное Постановление Администрации г. Улан-Удэ, стало одним из первых нормативно-правовых актов, регулирующих проникновение религии в сферу образования, а также роль государства в этом процессе.

В 1999 г. появляется еще один интересный документ – постановление Правительства Республики Бурятия²⁶, регулирующее публикации в средствах массовой информации (государственных), касающиеся темы религии, а также положение государства в этом процессе. В нем была озвучена необходимость единого подхода к освещению темы религии. Разрешался выпуск «религиозно-просветительских» передач (печатных статей) с участием священнослужителей, верующих. Запрещались дискуссии о работе религиозных организаций, негативные выпады одних религиозных организаций в отношении других, тема превосходства какой-либо религии. Однако программы или статьи проповеднического характера не запрещались, они лишь требовали специального

---

²⁶ Постановление Правительства Республики Бурятия от 8 февраля 1999 г. «О взаимодействии между государственными средствами массовой информации и религиозными объединениями на территории Республики Бурятия».

согласования. Таким образом, документ подчеркивал характер государственной религиозной политики, направленной на предупреждение межконфессиональных конфликтов и оставлял полномочия по формированию информационного поля в данной ситуации органам государственной власти.

В 2000 г. нормы, закрепленные в законе «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», были оспорены Прокуратурой в Конституционном суде Республики Бурятия. Прокурор заявил, что законодательное установление различий в государственной регистрации религиозных организаций и в осуществлении миссионерской деятельности на территории Республики Бурятия между исторически сложившимися конфессиями и конфессиональными новообразованиями нарушает положения Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также Конституций Российской Федерации и Республики Бурятия²⁷.

Было указано на то, что согласно части 2 статьи 14 Конституции Российской Федерации религиозные объединения равны перед законом, в федеральном законе отсутствует определение понятий исторически сложившиеся конфессии и конфессиональные новообразования, а также различия между ними. Также было указано на превалирование норм, прописанных в федеральном законодательстве и Конституциях над нормами, прописанными в законе Республики Бурятия. В итоге суд постановил, что все спорные части закона не соответствуют Конституции Республики Бурятия и утрачивают свою силу.

С постановлением Конституционного суда Республики Бурятия связана первая редакция закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». В декабре 2000 г. Народным Хуралом Республик Бурятия был принят закон «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”»²⁸, который

---

²⁷ Постановление Конституционного суда Республики Бурятия от 10 октября 2000 г. «По делу о проверке соответствия Конституции Республики Бурятия абзацев 4 и 5 статьи 1, части 2 статьи 3, частей 1, 2, 3, 4, 5, 6 статьи 4 закона Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории республики Бурятия”».

²⁸ Закон Республик Бурятия от 3 января 2001 г. № 568-II «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”».

закрепил изменения, санкционированные Конституционным судом Республики Бурятия.

Для 2000-е гг. в России характерно упорядочивание законов, различных нормативно-правовых актов, системы органов государственного и муниципального управления. Эта тенденция затронула и закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». В 2002 г. в него внесли некоторые изменения²⁹. Министерство юстиции Республики Бурятия больше не должно было информировать органы местного самоуправления о факте государственной регистрации религиозных организаций. Контроль над исполнением закона был оставлен только соответствующим органам государственной власти и местного самоуправления. Институты государственного регулирования религии становятся более упорядоченными. Кроме того, в этой редакции из закона удалены все ссылки на действие норм республиканского уровня при процедуре регистрации религиозных организаций. Эта редакция закона подвела итог процессу формирования формальных норм, классифицирующих религиозные организации и конфессии по степени их традиционности.

В 2001 г. Экспертно-консультативный Совет по делам религии при Правительстве Республики Бурятия был введен в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия³⁰, а в 2002 г. они были преобразованы в Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия. При этом его статус практически не изменился, он и раньше подчинялся Президенту Республики Бурятия – Председателю Правительства Республики Бурятия. С другой стороны, функции совета в новом положении³¹ были описаны конкретнее. Совет должен был

---

²⁹ Закон Республик Бурятия от 28 февраля 2002 г. № 941- II «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”».

³⁰ Указ Президента Республики Бурятия от 11 января 2001 г. №б «О распределении руководства комиссиями и консультативными органами при Президенте и Правительстве Республики Бурятия».

³¹ Указ Президента Республики Бурятия от 19 сентября 2002 г. №198 «О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте республики Бурятия» (вместе с “Положением о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия”»).

осуществлять предварительное рассмотрение вопросов и подготовку для Президента Республики Бурятия предложений, касающихся взаимодействия Президента с религиозными объединениями и «повышения духовной культуры общества». Таким образом, Совет становится менее самостоятельным, закрепляется его статус как вспомогательной структуры в Администрации Президента Бурятии на общественных началах. В Состав Совета вошли и представители нетрадиционных религиозных организаций. В 2003 г. к компетенции Совета были отнесены новые вопросы: возрождение церквей и дацанов, определение первоочередных объектов, реставрируемых культовых сооружений. Закрепление этого вопроса среди формальных норм, регулирующих взаимодействия между религиозными организациями и государством, ознаменовало новую тенденцию к упорядочиванию государством процесса формирования религиозной собственности. Позже эта тенденция будет развиваться.

Также в 2003 г. была официально признана³² утратившей силу Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия. При этом фактически она потеряла значение задолго до этого, поскольку из формальных норм постепенно удалялись все упоминания о какой-либо классификации религиозных организаций, а текст Концепции оставался неизменным с 1996 г., со всеми ее ссылками на традиционные и нетрадиционные для региона вероучения и религиозные организации.

В 2004 г. закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» вышел в новой редакции. В этот раз он подвергся серьезным изменениям. Было исключено определения свободы совести, иностранных религиозных организаций, определение миссионерской деятельности больше не было связано с уставами религиозных организаций. Исчезло ограничение публичной миссионерской деятельности ее программой, поскольку религиозные организации больше не должны согласовывать программу своей миссионерской деятельности.

---

³² Указ Президента Республики Бурятия от 29 апреля 2003 г. № 119 «О признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Бурятия».

Также полностью была исключена часть, регулирующая миссионерскую деятельность в образовательных учреждениях. Предыдущие версии закона устанавливали целый набор требований, которые религиозные организации должны были соблюдать в подобной ситуации. Миссионерская деятельность должна была осуществляться с согласия детей в свободное от работы, воспитательного и учебного процесса время при наличии письменного заявления родителей или лиц, их замещающих, и договора религиозной организации и администрации указанных учреждений и заведений по согласованию с органами местного самоуправления³³. Теперь же формальные нормы в этой сфере были ликвидированы.

В целом, эти изменения подтвердили продолжающуюся тенденцию к упорядочиванию и централизации государственной политики в религиозной сфере. Нормы, созданные в свое время разными акторами и группами акторов на разных уровнях, приводятся в соответствие друг с другом, исчезает их противоречивость.

В 2000-е гг. нарастает проблема взаимодействия государства и религиозных организаций в сфере собственности. Если в 1990-е гг. государство передавало недвижимость религиозным организациям в частную собственность. В 2000-е гг. подобные действия стали невозможными, поскольку законодательно была закреплена процедура отчуждения государственного имущества через торги. Религиозные организации имели возможность самостоятельно приобретать недвижимость. Однако в 1990-е гг. эта практика имела свои особенности. Участие государства в создании новых объектов религиозной собственности было обычным явлением. Общество и религиозные организации, встраиваясь в эту систему, обращаясь к государству, обращались к конкретным политическим деятелям. С начала 1990-х гг. возросло число таких обращений от священнослужителей и инициативных групп верующих к депутатам Народного Хурала, Президенту

---

³³ Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия».

Республики Бурятия и Президенту РФ с просьбами о материальной помощи³⁴.

Государственное имущество передавалось религиозным организациям в долговременное пользование на правах безвозмездной аренды с варьирующимися дополнительными условиями (например, с возможностью капитального строительства). Различными путями с помощью государства религиозные организации в 1990-е гг. приобрели недвижимость, права на которую, так или иначе, были юридически закреплены. И вся эта собственность является совокупностью двух видов: религиозной частной собственности и государственной собственности, переданной на правах пользования.

Слабость нормативной базы, регулирующей как создание, так и существование религиозной собственности, привела к возникновению проблемы сохранности переданного в свое время религиозным организациям имущества, особенно это касалось различных культурных и исторических памятников. В 2001 г. Правительство Республики Бурятия издает постановление³⁵, в котором официально заявляет о поддержке религиозных организаций. В общей сложности с 2001 г. по 2003 г. из средств федерального и республиканского бюджета Буддийской традиционной сангхе было выделено 1 626 200 руб., а Русской православной церкви 11 082 300 руб. Эти средства были использованы для реставрации дугана Цогчен, реставрации буддийской культовой утвари, на установку пожарной сигнализации в помещениях Буддийской традиционной сангхи России, ремонтные работы в Троице-Селенгинском монастыре, Одигитриевском Соборе, Кяхтинской Воскресенской церкви, Байкало-Кударинской Благовещенской церкви. При этом в постановлении Министерству культуры республики Бурятия и лично его главе было рекомендовано вести совместную работу с руководством Буддийской Традиционной Сангхи Российской

---

³⁴ НАРБ. Ф.Р1857. Оп.1. Д.285. Л.1,3 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

³⁵ Постановление Правительства Республики Бурятия от 28 июня 2001 г. «О сохранении и реставрации культурных ценностей религиозного назначения, находящихся в религиозных объединениях» (вместе с «Перечнем мероприятий по сохранению, усилению борьбы с хищениями и незаконному вывозу культурных ценностей, находящихся в пользовании религиозных объединений, на 2001 - 2003 годы»).

Федерации и Бурятского Благочиния Читинской и Забайкальской Епархии Русской Православной Церкви для того чтобы выявить, подвергнуть инвентаризации и документированию не только недвижимость, но и движимые памятники истории и культуры религиозного содержания. И согласно прописанным в документе нормам формат этого сотрудничества задается государством: оно определяло график и сроки работ, контролировало их исполнение и пр.

Создание религиозной частной собственности в 2000-е гг. продолжилось с некоторыми изменениями. Государственная политика централизации, усиления контроля, ограничения власти местных органов и развития законодательства ликвидировала практику безвозмездной передачи государственного имущества в частную собственность. Однако религиозные организации по-прежнему имели возможность самостоятельно приобретать землю и строить на ней культовые сооружения. Так в г. Улан-Удэ появилось множество небольших дацанов, принадлежащих разным буддийским организациям.

Изменения, внесенные в 2004 г. в Земельный кодекс Российской Федерации³⁶, формально закрепили возможность передачи на праве безвозмездного пользования земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Несмотря на то, что были прописаны некоторые ограничения (например, необходимость расположения на участке строения религиозного и благотворительного назначения), эта норма стала одним из основных инструментов регулирования государством религиозной сферы в Бурятии. Религиозные организации также были освобождены от налогообложения земельным налогом в отношении принадлежащих им земельных участков, на которых расположены постройки религиозного и благотворительного назначения³⁷.

После ухода государства в течение 2000-х гг. из сферы прямого влияния на религиозную ситуацию (в сфере формальных институтов государственного

---

³⁶ Баторова Е.Б., Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-е - 2000-е годы). Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. С. 112.

³⁷ Там же. С. 113.

регулирования религии), в 2010-е гг. наметилась обратная тенденция. Если в 2000-е гг. государство в официальных нормативно-правовых актах предпочитало позиционировать себя как независимого стороннего наблюдателя, прилагающего усилия к недопущению межконфессиональных конфликтов, и не делающего различия между различными религиозными организациями (речь идет только о формальных нормах), то в 2010-е гг. появляются новые документы, в которых государство официально заявляет о финансовой и иной поддержке конкретных религиозных объединений.

В 2012 г. состоялось заседание Совета Народного Хурала Республик Хурала, на котором обсуждалась реализация закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». На нем заместитель Председателя Правительства Бурятии выступил с докладом о необходимости оказания финансовой помощи религиозным организациям. По итогам заседания было издано специальное постановление Народного Хурала³⁸. В нем, впервые со времен первой редакции закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» были официально перечислены традиционные для республики религии.

В Республике Бурятия сосуществуют представители различных конфессий, из которых основными являются православие, буддизм, старообрядчество (древлеправославие) и шаманизм³⁹.

И снова, как и в Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия 1996 г. положение этих конфессий обуславливалось исторически, как и концепция межконфессионального мира и согласия.

Исторически духовная сфера общества формировалась в Бурятии под взаимным влиянием буддизма, шаманизма коренных народов и старообрядчества. Такое взаимообогащение обусловило особый социально-психологический климат общества, где в равной степени уживаются различные религии и конфессии⁴⁰.

³⁸ Постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 24 апреля 2012 г. № 1507-IV «О ходе реализации закона Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”».

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

В данном постановлении Народного Хурала Республик Бурятия также официально закреплялись неформальные институты взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций (традиционных) – социально значимая деятельность. В документе признавалась тенденция к расширению сотрудничества органов государственной власти с религиозными объединениями. При этом под сотрудничеством понималась именно совместная работа, направленная на решение социально значимых задач. При этом взаимодействие органов государственной власти Республики Бурятия и органов местного самоуправления в Республике Бурятия с религиозными организациями объявлялось деятельностью, благотворно влияющей на общественно-политическую обстановку и способствующей гармоничным межэтническим и межконфессиональным отношениям.

В настоящее время религиозные организации активно взаимодействуют с органами местного самоуправления, проводят совместные мероприятия благотворительной и просветительской направленности, оказывают помощь домам-интернатам для престарелых и инвалидов, детским домам и интернатам для детей, проводят молебны и крещения людей в исправительно-трудовых колониях. Кроме того, религиозные организации активно проводят физкультурно-оздоровительные, спортивные и культурно-массовые мероприятия. Учитывая, что деятельность религиозных организаций носит социально значимый характер, предлагаем органам государственной власти в Республике Бурятия разработать механизм финансовой поддержки деятельности этих организаций⁴¹.

Уже в июне 2012 г. были приняты соответствующие поправки⁴² в закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Было исключено определение миссионерской деятельности, а статья, посвященная миссионерской деятельности, заменена на статью «Государство и религиозные объединения». Новые нормы определяли, что в компетенции государства предоставление

---

⁴¹ Там же.

⁴² Закон Республики Бурятия от 09 июля 2012 г. № 2839-IV «О внесении изменений в Закон Республики Бурятия Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. №610-I “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”».

религиозным организациям налоговых и иных льгот, что оно может оказывать им финансовую, материальную и иную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры. Кроме того, государство отныне могло оказывать поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, поддержку «реализации ими общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий».

Таким образом, снова, как в 1990-е гг., становится возможным расходование бюджетных средств на содержание собственности религиозных организаций. В Бурятии 34 объекта имеют официальный статус памятников религиозного значения, из них 3 находятся в религиозной частной собственности (Иволгинский дацан, Благовещенская церковь в Байкало-Кударе, Спасская церковь в с. Турунтаево), остальные переданы религиозным организациям на основании договора безвозмездного пользования⁴³.

В марте 2013 г. Правительство Республики Бурятия определило порядок предоставления субсидий из республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения⁴⁴. Уже в названии документа содержится упоминание о предоставлении государственных субсидий только определенной категории религиозных организаций – с социально ориентированным уклоном, деятельность которых направлена на содействие духовно-нравственному развитию личности. Под такое определение попадали лишь некоторые религиозные организации, представляющие традиционные для республики конфессии. Данный документ также расширяет возможности предоставления финансовой поддержки религиозным организациям. Теперь государство может не только поддерживать реставрацию и сохранение

---

⁴³ Постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 24 апреля 2012 г. № 1507-IV «О ходе реализации закона Республики Бурятия “О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия”».

⁴⁴ Постановление Правительства Республики Бурятия от 29 марта 2013 г. № 158 «Об утверждении порядка предоставления субсидий из республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения социально ориентированным некоммерческим организациям, направленным на содействие духовно-нравственному развитию личности, осуществляющим свою деятельность на территории Республики Бурятия».

религиозных сооружений, являющихся памятниками истории и культуры. Государство может софинансировать строительство, ремонт, реставрацию любых зданий и сооружений при условии, что они религиозного назначения. Значение имеет лишь масштаб социально ориентированной деятельности религиозной организации, запрашивающей финансирование. Чем она масштабнее, тем больше шансов появляется у религиозного объединения в ходе конкурсного отбора заявок. Решение, то есть оценку соответствия религиозной организации заявленным требованиям, принимает непосредственно орган государственной власти – Администрацией Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия.

Поддержка религиозных организаций, ведущих социально-ориентированную деятельность, как главные элемент государственной религиозной политики, нашла отражение и в подпрограмме «Реализация государственной национальной политики Республики Бурятия и развитие гражданского общества» государственной программы Республики Бурятия «Совершенствование государственного управления (2013 – 2020 годы)»⁴⁵. В ней прописаны конкретные мероприятия по поддержке религиозных организаций, а индикаторами успешности названы количество социально-ориентированных некоммерческих (в том числе религиозных) организаций, получивших государственную поддержку, и количество построенных, отремонтированных, отреставрированных зданий и сооружений религиозного назначения. В подпрограмме дано подробно определение того, какая деятельность является социально ориентированной.

Высоким уровнем социальной активности определяется деятельность тех общественных организаций, которые не только принимают участие в городских или республиканских мероприятиях, но и сами являются инициаторами или исполнителями социально-значимых программ или проектов, что, в свою очередь, вызывает положительный общественный резонанс⁴⁶.

---

⁴⁵ Постановление Правительства Республики Бурятия от 10 апреля 2013 г. № 180 «Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия “Совершенствование государственного управления (2013 – 2020 годы)”».

⁴⁶ Приложение 6 к Государственной программе Республики Бурятия «Совершенствование государственного управления (2013 – 2020 годы)» [Электронный ресурс]. Режим доступа:

Складывается тесная система взаимодействия между органами государственной власти и религиозными организациями, основанная на правилах, которые закреплены в официальных нормативно-правовых актах. Традиционные религиозные организации занимаются решением социальных проблем, а государство взамен субсидирует их деятельность и помогает содержать движимое и недвижимое имущество.

Наращивание религиозными организациями собственности, активное строительство религиозных сооружений, в том числе на территории медицинских учреждений, в домах инвалидов и престарелых, в местах лишения свободы привело к закреплению возможности проведения религиозных обрядов именно в этих помещениях. В 2013 г. соответствующая правка была сделана в законе «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия»⁴⁷.

В 2013 г. в Бурятии была утверждена система мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма⁴⁸. Она описывала комплекс мер по получению информации, анализу и прогнозированию, а также схему оперативного реагирования, направленного на пресечение и профилактику проявлений экстремизма. Необходимость появления этой системы и ее закрепления среди формальных институтов государственного регулирования религии обосновывалась необходимостью реализации федерального закона о противодействии экстремистской деятельности, стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года и перечня поручений Президента Российской Федерации 2013 г. по противодействию религиозному экстремизму.

Если в предыдущий период анализ религиозной ситуации, которым занимались созданные в разное время органы (межведомственная комиссия, совет

---

http://economy.govrb.ru/investing/department_programs_and_public_investment/department_programs_and_gosinvesti/GP_RB_sovgosupr.doc.

⁴⁷ Закон Республики Бурятия от 14 ноября 2013 г. № 2839-IV «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в связи с принятием Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”».

⁴⁸ Постановление Правительства Республики Бурятия от 21 июня 2013 г. № 323 «Об утверждении Положения о системе мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Республики Бурятия».

при Правительстве, а затем при Президенте Республики Бурятия и т.д.) был нацелен на повышение качества принимаемых политических решений, то с появлением системы мониторинга государство заявило об усилении контроля над религиозными организациями. Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, который назначен координатором мониторинга, теперь выносит решение о наличии факта религиозного экстремизма и в этом случае в течение одного дня информирует правоохранительные органы власти. Кроме того, в положении о системе мониторинга прописано, что о фактах нарушений и проявлений религиозного экстремизма информируются представители традиционных религиозных конфессий, которые совместно с органами государственной власти принимают меры по устранению возникшей ситуации. Эти нормы еще раз подчеркивают тесное сотрудничество между государством и традиционными религиозными организациями, которое набирало силу в 2000-е гг. и заявило о себе в системе формальных институтов регулирования религии в 2010-х гг.

Почему именно в 2010-е гг. в системе формальных институтов набирает силу тенденция номинации групп религиозных организаций, открыто заявляется об их поддержке, в том числе финансировании за счет средств бюджета – все то, от чего методично избавлялись в течение 2000-х гг.? 2000-е гг. характеризовались упорядочиванием нормативной системы, существующей в стране, в том числе и в религиозной сфере. Тогда целью государственной религиозной политики было не только воздействие на религиозную ситуацию, но и приведения в порядок самой системы, ее осуществляющей. Для этого объединяли и упраздняли структуры, занимавшихся вопросами религии, устраняли дублирование функций у разных органов власти, убирали спорные формулировки из нормативно-правовых актов. 2010-е гг. принесли с собой новую цель – повышение эффективности государственной политики.

Закрепление системы взаимоотношений государства и религиозных организаций, сложившихся в 2000-е гг., стало важно отразить в формальных

нормах, для того чтобы, опираясь на них, расширить круг принимаемых политических решений. Государство теперь предпочитает называть подчеркивать не религиозный характер деятельности религиозных организаций, а их общественные инициативы, и называть их, в свою очередь некоммерческими организациями. Религиозная политика постепенно растворяется в национальной политике. Показательно, что Комитет по делам национальностей и связям с общественными, религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия был переименован в 2007 г. в Комитет по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия. Религия рассматривается как часть национальных культур, поэтому на первый план выходят религии, традиционные для населения, «исторически проживающего в Бурятии и для группы лиц, относящих себя к определенной религиозной или этнической общности и находящихся вне исторической территории расселения (диаспоры)»⁴⁹.

---

⁴⁹ Постановление Правительства Республики Бурятия от 21 июня 2013 г. № 323 «Об утверждении Положения о системе мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Республики Бурятия».

2.2. Неформальные институты государственного регулирования религии

Политические перипетии начала 1990-х гг., обрушили систему формальных институтов государственного регулирования религиозной сферы в СССР. Однако неформальные институты не могут быть изменены в один момент. В начале 1990-х гг. они подвергаются медленной, но верной трансформации. Отсутствие сформированной законодательной базы, которая бы регулировала отношения государства и церкви, и главное, механизмы воздействия государства на религиозную сферу, способствовало тому, что в начале 1990-х гг. все взаимодействие между государственными и религиозными агентами строилось на основе неформальных норм. На их состояние оказывали влияние три главных фактора: влияние позднесоветской нормативной системы, национальный и религиозный подъем, характерный для того времени, а также доминирование личных отношений.

Под влиянием позднесоветской нормативной системы понимается не только неформальные нормы государственного регулирования религиозной сферы, но и формальные. В 1990-е гг. они слились с неформальными и превратились в единую нормативную систему, постепенно трансформирующуюся под влиянием новых условий. Для позднесоветского времени была характерна частичная легализация религии. Государство в середине XX века предоставило возможность некоторым религиозным организациям действовать в легитимном пространстве для того, чтобы более эффективно контролировать религиозную ситуацию в республике. В 1945 г. были открыты Иволгинский дацан «Хамбын Сумэ» и Вознесенская православная церковь в г. Улан-Удэ, а в 1946 г. Успенская православная церковь в г. Кяхта. Однако пространство по-прежнему оставалось секулярным: на государственном уровне был выработан механизм социальной эксклюзии верующих. Преимущественно контингент посетителей-прихожан состоял из

представителей старшего поколения¹. Были ограничены возможности создания религиозных атрибутов (например, на церквях не разрешалось устанавливать колокольни, а в дацане – хурдэ – молитвенные барабаны).

Сам факт передачи в пользование религиозным организациям в 1940-х гг. собственности никак не свидетельствовал о государственной поддержке религии. Тогда, напротив, это было свидетельством силы государства и слабости религии. В ходе основания Иволгинского дацана буддийской общине было отдано здание бывшего молельного дома (помещение с 1931 г. никак не использовалось), то есть уже существующее строение. Отсутствие подобных условий стало основанием для отказа в открытии Цонгольского и Цолгинского дацанов на территории БМАССР.² Вознесенская церковь на момент передачи требовала капитального ремонта: это был полуразрушенный деревянный дом, без дверей, окон и полов. Успенская церковь несколько раз переходила из рук в руки: в 1962 г. она была отдана местному техникуму, с 1969 г. по 1973 г. здание не использовалось, затем было передано на баланс Министерства культуры Бурятской АССР. Тамчинский дацан имел неопределенный статус в течение нескольких лет. В 1957 г. вышло распоряжение Совета министров РСФСР о передаче здания Духовному управлению буддистов и о выделении 250 тыс. рублей на его восстановление.³ Однако в 1966 г. вышел новый документ, в котором Совет Министров БАССР постановил передать здание Духовному управлению буддистов (вторично) и разрешил открыть там музей буддийской культуры.⁴

В советский период отношения между государством и религиозными организациями характеризовались установлением тотального контроля над последними. Но в позднесоветское время ситуация начала меняться. Легитимизация буддийской и православной религиозных организаций в

¹ Бадмаев А.А. Буддийские дацаны и буряты: прошлое и настоящее // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симпоз. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 40.

² НАРБ. Ф.Р-248. Оп.4. Д.68. Л.8а-11 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

³ НАРБ. Ф.Р-1857. Оп.1. Д.13. Л.1 // Там же.

⁴ НАРБ. Ф.Р-1857. Оп.1. Д.46. Л.1 // Там же.

1940-е годы была равносильна их абсолютному подчинению государству, которое таким способом упорядочивало, регулировало, контролировало, управляло религиозным пространством региона. Но для 1980-х гг. характерна смесь прежнего государственного контроля над религиозной сферой и в то же время медленных изменений положения религии в обществе. В конце 1980-х гг. государство начинает передавать имущество религиозным организациям, именно на это время приходится начало процесса формирования религиозной собственности в ее современном виде. В 1989 г. Успенская церковь г. Кяхты передается в аренду обществу Русской православной церкви,⁵ в 1990 г. решается вопрос о выделении земельных участков под строительство дацанов в Джидинском и Кижингинском районах,⁶ обществу Русской православной церкви также передается здание Благовещенской церкви в с. Байкало-Кудара. С одной стороны, это свидетельствует о начале процесса трансформации институтов государственного регулирования религии, с другой, даже после того, как прежние формальные нормы, требующие постоянного усиленного контроля над религиозными организациями со стороны органов государственной власти, перестали подкрепляться официальными нормативно-правовыми акторами, они не утратили силу.

Результатом такой религиозной политики становились документы-отчеты, схожие по своей структуре.

Таблица 1 – Отчеты о религиозной ситуации

1987 г.	1994 г.	1995 г.
Из информации уполномоченного по делам религий при	Из справки уполномоченного по делам религий при	Справка консультанта по делам религий Правительства

⁵ НАРБ. Ф. Р-248. Оп.1. Д.4666. Л.49 // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

⁶ НАРБ. Ф. Р-248. Оп.1. Д.4706. Л.64 // Там же.

<p>Совмине БурАССР М. Мулонова Председателю совета по делам религий при Совмине СССР К.М. Хачеву о деятельности религиозных организаций в республике</p>	<p>Совмине Республики Бурятия В.Г. Батомункуева о развитии религиозных организаций</p>	<p>Республики Бурятия Б.Ц. Цыдыпова о религиозных сектах, течениях и других автономных толках в республике</p>
<p>Перечисление действующих религиозных организаций</p>		
<p>1. Русская православная церковь; 2. Евангельские христиане-баптисты... (и т.д.)</p>	<p>на 11 января 1994 г.: Зарегистрировано 56 религиозных общин. Из них... (и т.д.)</p>	<p>«Новоапостольская церковь», церковь «Слово жизни... (и т.д.)</p>
<p>Внимание к «проблеме» нетрадиционных религиозных организаций</p>		
<p>незарегистрированная группа <...> состоит на учете, решение о временном отклонении регистрации</p>	<p>за один год зарегистрировано сразу 6 апостольских церквей, по одинаковому уставу регистрируются в Новом Уояне, Ангое, пос. Таксимо, Муя, и в г. Северобайкальске.</p>	<p>«Новые крестоносцы» под прикрытием гуманитарной помощи проповедуют извращенное, протестантское понимание святого Евангелия.</p>

В этих справках-отчетах в 1990-е гг., как и 1980-х гг., указывается количество действующих религиозных объединений, выражается обеспокоенность действиями и самим существованием нетрадиционных религиозных организаций, даются данные о доходах, расходах религиозных организаций, количестве

прихожан, их действиях за отчетный период. Религиозная политика как контроль и управление религиозной ситуацией – эта нормативная система плавно перешла в 1990-е гг., при относительной свободе религии, действий религиозных организаций, государство по-прежнему не рассматривало их в качестве равноправного партнера. Оно доминирует, и эти правила игры принимаются всеми сторонами, поскольку они не навязаны сверху, а наследованы из предыдущего периода.

Подъем национального движения и связанное с ним изменения положения религии в обществе начала 1990-х гг. также оказали большое влияние на формирование неформальных институтов государственного регулирования в этот период. Разрушение системы советского понимания мира привело к активному поиску опоры, базируясь на которой можно было бы выстраивать новые идентичности. В итоге резко растет актуальность традиций, истории, национальной консолидации. В 1991 г., например, состоялся т.н. I Всебурятский съезд, на котором была создана Всебурятская ассоциация развития культуры. Появляются и другие движения подобного характера. Для постсоветского пространства характерен феномен переосмысления истории, т.к. советская интерпретация утратила свое значение. Это оказало влияние на становление национальных идей, национального подъема, т.н. этнокультурного возрождения⁷.

Одним из важных атрибутов национального подъема стала религия. Она выступала характеристикой конкретной этнокультурной/национальной общности⁸. В этот момент религия определяется как часть национальной культуры. Актуальной становится идея национального возрождения, т.е. отказ от советского понимания того, что составляет единство нации. Соответственно, если религия в советский период подвергалась гонению, т.е. в 1990-х гг. она выходит на первый план, как опора идеи национального возрождения.

В этот период собственно и формируются нормы, закрепляющие особое

---

⁷ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 3.

⁸ Там же. С. 143.

положение т.н. традиционных религий. Традиционных в том смысле, что их придерживается большая часть этнической общности на протяжении длительного исторического периода. В 1990-х гг. начинается процесс закрепления конкретных религий за конкретными национальностями и формирование списка традиционных религий. Обоснование традиционности буддизма и шаманизма для бурят, проживающих в регионе, повлекло за собой обоснование и других традиционных религий, как элементов культуры других национальностей, также здесь живущих, когда понятие традиционной религии стало трансформироваться в норму, регулирующую отношения государства и церкви. За русской частью населения постепенно закрепилось православие и Русская православная церковь, его олицетворяющая. За старообрядцами, проживающими на территории Бурятии, – древлеправославие и Русская Древлеправославная церковь, соответственно.

В первой половине 1990-х гг. эта классификация носит неформальный характер, но в итоге как логическое завершение переходит с область формальных институтов, выразившихся в принятых в конце 1990-х гг. концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия и законе Республике Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Шаманизм и буддизм в дискурсе возрождения бурятской нации выступают как традиционные религии, национальные религии, подчеркивается их роль становлении «этнической культуры»⁹. Неформальный статус этой нормы был связан не с конфликтом официальной политики в области религии, а с временным отсутствием формальных норм, которые были разрушены с распадом Советского союза. В итоге она перешла в статус формальной, когда появились официальные нормативно-правовые акты, закрепляющие ее.

Разрушение прежних формальных норм в начале 1990-х гг. повлекло за собой возникновение еще одного явления, оказавшего значительное влияние на нормы, регулирующие отношения государства и церкви в 1990-х гг. Речь идет о

---

⁹ Скрынникова Т. Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/religion_group_papers/Skrynnikova.pdf. С. 2.

внутренних проблемах государственного управления в России того времени: невозможно было в один момент переписать все законы и другие нормативно-правовые акты, регулирующие все сферы жизни в стране. Этот процесс не только растянулся на долгие годы, но и привел к некоторой неразберихе и внутри самого аппарата государственной власти. Нормативно-правовые акты, строго определяющие границы компетенции разных органов власти, появлялись постепенно, некоторые уже в 2000-е гг. Субординация часто нарушалась. Все это привело к тому, что, в сущности, в каждом конкретном случае формирования религиозной собственности возникала своя нормативная система, регулирующая данный процесс.

В этот период государство выступало как множество агентов-суверенов, принимавших решения в соответствии со своими представлениями о нормах участия государства в деятельности религиозных организаций. Отсутствие централизованной политики на федеральном уровне в этом вопросе только усиливало тенденцию к повышению значимости личных, клановых и земляческих отношений и к установлению локальных взаимодействий между представителями органов власти и священнослужителями. При этом часто каждая из сторон преследовала личные цели. Представители органов власти, стремясь усилить свой авторитет и получить поддержку от религиозных структур, выступающих от лица конкретной этноконфессиональной группы, оказывали поддержку тем или иным религиозным организациям. Большую роль играл бурно протекающий в начале 1990-х гг. процесс создания религиозной собственности. Религиозные организации испытывали серьезные финансовые трудности.

Наблюдается определенное противоречие между желанием церкви максимально вернуть принадлежащее ей имущество, расширить благотворительную и образовательную деятельность и нынешними возможностями верующих жертвовать средства на восстановительные и реставрационные работы возвращаемых ей культовых зданий. Судя по многочисленным письмам и устным обращениям церковь находится в тяжелом материальном положении и не в состоянии финансировать объемы ремонтно-

*восстановительных работ*¹⁰.

Представители религиозных организаций, часто заручившись поддержкой группы верующих, обращались за помощью к государству. Но государство выступало не как единая структура, а как совокупность конкретных людей. Соответственно, за помощью всегда обращались не к абстрактному органу власти, а к конкретному человеку, встроенному в систему государственной власти. Обращались к различным руководителям: Министерства финансов, Совета Министров, много обращений адресовалось напрямую к Президенту Российской Федерации. При этом на местном уровне большое значение приобретали личные характеристики адресата: его национальность, религиозная принадлежность, место рождения. Ставка делалась на общую идентичность, как, например, в следующем письме 1997 г. от буддийского священнослужителя:

*Духовенство, верующее население Кижингинского района начали строительство Великой ступы Джарун-Хашор <...> в 1990 г. В настоящее время строительство Ступы приостановлено из-за трудностей с финансированием, <...> просим Вас, дорогой Михаил Иннокентьевич, внести в это великое дело и свой посильный вклад. Надеемся, что Вы сможете найти <...> на продолжение строительства Ступы цемента - 24 т, кирпича - 100 тыс. штук на 1997 г.*¹¹

Государство выступало не единой системой, а действовало в поле религиозной политики через людей, его представляющих. Приоритет личных отношений был достаточно эффективен в тот период, когда существовало множество постоянно трансформирующихся и конкурирующих между собой норм, формирующих пространство взаимодействия государственной власти и религиозных объединений. Таким образом, каждая из сторон в результате таких взаимоотношений преследовала свои цели: политические деятели повышали

¹⁰ Из справки уполномоченного по делам религий при Совмине Республики Бурятия В.Г. Батомункуева о развитии религиозных организаций // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. С. 175.

¹¹ Письмо ширетуя Кижингинского дацана Л. Зориктуева Председателю Народного Хурала Республики Бурятия М.И. Семенову о начале строительства великой ступы Джарун-Хашор (с. Кижинга 6 февраля 1997 г.) // Там же.

авторитет, популярность, накапливали ресурсы перед выборами. Крупные политические деятели своим воздействием могли распределять средства из бюджета, депутаты и чиновники более низкого уровня часто помогали из собственных средств (многие депутаты были предпринимателями). Например, Президент России смог распорядиться о выделении значительных сумм из федерального бюджета Русской православной церкви и Центральному управлению буддистов в 1992 г. в ответ на просьбы, прозвучавшие во время его посещения Бурятии. Религиозные организации, в свою очередь решали свои финансовые проблемы и продолжали формировать материальную базу.

Одним из свидетельств важности личных отношений при контактах государственных органов власти и религиозных организаций является неровное отношение первых к нетрадиционным религиям. Пока в официальных документах не закрепились политика разделения религиозных организаций по степени традиционности, не существовало и единой политики в этом вопросе. В 1995 г. Администрация г. Улан-Удэ выделила обществу сознания Кришны помещение бывшего детского сада в центре города. В том же году консультант по делам религий Правительства Республики Бурятия представляет докладную записку, в которой в резкой форме негативно отзываясь о деятельности нетрадиционных религиозных организаций в Бурятии.

«Новые крестоносцы» под прикрытием гуманитарной помощи проповедуют извращенное, протестантское понимание святого Евангелия, пытаются оклеветать православие с его тысячелетней традицией на Руси, силятся расшатать тысячелетнюю российскую государственность и приносят резкую смуту и сомнение на ниву народной жизни России. Отвергая историю и самобытность россиян, несут духовную оккупацию¹².

В этом документе предлагается введение экспертизы и выдачи разрешений на

---

¹² Справка консультанта по делам религий правительства Республики Бурятия Б.Ц. Цыдыпова о религиозных сектах, течениях и других автономных толках в республике. НАРБ. Ф.Р-1857. Оп.1. Д.293. Л.1-2. // Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. С. 177.

религиозную пропаганду зарубежным миссионерам, что в итоге и было сделано через два года в Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия и законе Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия».

С принятием этих нормативно-правовых актов ситуация изменилась: ранее неформальные нормы религиозной политики переходят в разряд формальных. Теперь в необходимость в неформальных институтах государственного регулирования религии отпадает. Однако эта ситуация сохраняется на протяжении короткого периода: наступили 2000-е гг. их реформами и изменением политики во многих сферах, в том числе и в религиозной. Наступил период централизации, для которого в первую очередь было характерно приведение региональных законов и других нормативно-правовых актов в соответствие с федеральным законодательством. Поскольку выделение нескольких традиционных конфессий и религиозных организаций, а также установление различий по этому признаку при взаимодействии государства и церкви противоречили конституции, а также другим федеральным нормативным актом, постепенно политика поддержки государством традиционных религиозных организаций переходит в сферу неформальных норм.

При этом в течение 2000-х гг. явно прослеживается определенная тенденция. Если в начале этого периода местные органы власти стремились не вмешиваться в отношения между религиозными организациями, не направлять и не регулировать эту сферу, то постепенно ситуация меняется в обратную сторону. Однако для 2000-х гг. в целом характерна опора на неформальные институты государственного регулирования религии. Формальные нормы уже существовали, были изменены в начале 2000-х гг. в соответствии с федеральной политикой, и в сущности, оставались в неизменном виде до начала 2010-х гг. Большинство изменений, которым был подвергнут закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», представляли собой мелкие доработки текста документа до стандартов, заданных в начале 2000-х гг.

Таким образом, переход институтов государственного регулирования религии в неформальную сферу в этот период тесно связан с положением формальных норм

и обусловлен общей политической ситуацией в стране. Большое значение имела тенденция к усилению контроля внутри государственного аппарата, разграничению полномочий между различными органами власти, как например, в случае с действиями прокуратуры в отношении закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» в 2000 г.¹³ Стремясь себя не дискредитировать, органы государственной власти в начале 2000-х гг. отходят от регулирования религиозной ситуации в регионе, заняв отстраненную позицию. На первый план выходят наблюдение, составление отчетов, выполнение формальных операций, связанных с деятельностью религиозных организаций, как их регистрация. Однако напрямую государство в религиозную ситуацию старается не вмешиваться.

Это в первую очередь связано со стремлением отмежеваться от официальной политики конца 1990-х гг., политики поддержки одних религиозных объединений и ограничения других, поскольку в этот период она не приветствовалась. Из интервью 2003 г. с главой Буддийской традиционной сангхи России:

- *Какие у Вас отношения с властями республики?*

- *У нас хорошие отношения. Мы им не мешаем, и они нам не мешают*¹⁴.

Эта тенденция отражена в практически полном уходе государства из публичной сферы со своей концепцией традиционных и нетрадиционных религий. Официальные лица, представители Правительства Республики Бурятия, Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия, Народного Хурала, местных органов власти, судя по проведенному исследованию, не делают никаких заявлений в данном ключе. Однако по-прежнему остается популярной концепция «межнационального и межконфессионального мира и согласия», имманентно свойственного Бурятии. Но в ее рамках конфессии не различаются по статусу.

С. Филатов указывает, что органы государственной власти в начале 2000-х гг.

---

¹³ См. §2.1.

¹⁴ Дамба Аюшеев: «Я не перерожденец хамбо-ламы Итигэлова» бурят [Электронный ресурс] // Информ полис от 7 сентября 2003 г. Режим доступа: <http://site.infpol.ru/news/417/2723.php>.

даже стремились повлиять на объединение всех буддийских организаций, а не делать между ними различий, сотрудничая с одними и дистанцируясь от других. «Президент Потапов уделял много внимания буддистским религиозным организациям. Власти своими методами старались преодолеть разделения в буддизме и оппозицию в лице главы ТБСР Аюшеева. Совет по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте Потапове не раз обращался к Традиционной Сангхе с настойчивой рекомендацией о проведении объединительного съезда буддийских объединений Бурятии, чтобы Сангха стала единым для всех союзом»¹⁵. Надо отметить, что С. Филатов, однако, утверждает, что политическое руководство республики Бурятия отдавало приоритет конкретной буддийской организации – буддийскому центру «Ринпоче-Багша» во главе с Еше-Лодой Римпоче, в том числе выделяло бюджетные средства этой организации. Действительно, с 2000 г. по 2004 г. велось строительство комплекса зданий центра «Ринпоче-Багша», был создан т.н. попечительский совет, куда входили многие политики, в том числе Президент Республики Бурятия и Мэр города Улан-Удэ. Мэр города Улан-Удэ содействовал выделению участка земли под строительство, а участие Президента, в сущности, свелось к содействию проведения линий электропередачи и телефонной связи¹⁶. Судя по утвержденным бюджетам г. Улан-Удэ и республик Бурятия, а также отчетам об их исполнении, случаев расходования бюджетных средств не было, а строительство велось исключительно с помощью спонсоров. При этом символическая поддержка религиозных объединений со стороны республиканских политиков в этот период по-прежнему еще не была избирательной.

В этот период власти скорее стараются не препятствовать инициативам и деятельности религиозных организаций, чем открыто поддерживать какую-либо из них. С начала 2000-х гг. Русская православная церковь получила разрешение на

---

¹⁵ Филатов С. Буддизм в Бурятии: новые тенденции [Электронный ресурс] // Русское ревью. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition20/02Buddhism.html.

¹⁶ Данные официального портала органов государственной власти Республики Бурятия бурят [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=4&print=1&no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=2821.

богослужения в местах лишения свободы. Для этого она начала формировать партнерские отношения с Управлением федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия, однако, это еще не был контракт такого типа, что будет заключаться между религиозными организациями и органами власти позднее в таких ситуациях.

Но постепенно усилия органов государственной власти сосредоточились на инклюзии ограниченного круга религиозных организаций и их представителей в политику. Формируется и укрепляется практика стабильных взаимовыгодных контактов между ними, вокруг которой выстраиваются неформальные институты государственного регулирования религии. При этом взаимоотношения между органами государственной власти и религиозными организациями не ограничивались рамками религиозной политики. С середины 2000-х гг. большое значение начинает придаваться участию религиозных организаций в определении стратегии и в реализации социальной политики, политики государства в сфере межнациональных отношений и некоторых других вопросах.

Началось все с личных контактов между религиозными священнослужителями и руководителями органов государственной власти. Изначально это были даже не официальные контакты между государством и церковью, а личные встречи между их представителями – наследие неформальных институтов государственного регулирования религии из 1990-х гг. Иногда эти встречи носили полуофициальный характер и даже освещались средствами массовой информации, благодаря чему мы можем их подтвердить. Например, в течение 2004 г. хамбо-лама Д. Аюшеев (руководитель Буддийской традиционной сангхи России) несколько раз встречался с министром внутренних дел республики Бурятия¹⁷. Конкретных результатов подобные мероприятия еще не приносили, но они стали основой, заложили фундамент для будущей тенденции заключать договоры между органами государственной власти и религиозными организациями.

---

¹⁷ МВД и ламы: конфликт исчерпан [Электронный ресурс] // Информ-полис от 29 декабря 2004 г. Режим доступа: <http://site.infpol.ru/news/482/3415.php>

Далее положение религиозных деятелей в системе органов государственной власти начинает укрепляться. В 2005 г. хамбо-лама Д. Аюшеев становится единственным представителем Бурятии, вошедшим в состав сформированной Общественной палаты Российской Федерации. Это отражение уже наметившейся на федеральном уровне тенденции приравнивать религиозные организации к общественным, и соответственно, использовать их в том случае, если при осуществлении государственной политики необходимы институты гражданского общества. Продвижение именно хамбо-ламы было обусловлено тем, что Буддийская традиционная сангха позиционировала и позиционирует себя как единственное легитимное традиционное объединение всех буддистов страны, а не только Бурятии (на основании того, что Буддийская традиционная сангха России приемник Центрального духовного управления буддистов – единственной буддийской организации, существовавшей в СССР). Привлечение в этот период религиозных деятелей в структуру, созданную при органах государственной власти, уже очертило круг вопросов, которыми будут в дальнейшем заниматься религиозные организации совместно с государством – социальные проблемы. На вопрос о том, чем будет заниматься общественная палата, хамбо-лама Буддийской традиционной сангхи России ответил, что в первую очередь они будут рассматривать социальные вопросы¹⁸.

К середине 2000-х гг. в Бурятии начато строительство третьей¹⁹ православной церкви на территории исправительного учреждения. Для их появления было необходимо более тесное сотрудничество между Русской православной церковью и органами государственной власти – строительство велось силами заключенных, на что нужна была соответствующая санкция. Тенденция к сближению церкви и государства укрепляется, а на первый план выходят религиозные организации, еще в 1990-х гг. определенные как традиционные.

И эти традиционные религиозные организации, согласно формирующимся

---

¹⁸ МВД и ламы: конфликт исчерпан [Электронный ресурс] // Информ-полис от 29 декабря 2004 г. Режим доступа: <http://site.infpol.ru/news/482/3415.php>.

¹⁹ В колонии появится храм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://site.infpol.ru/news/526/3899.php>.

неформальным нормам государственного регулирования религии, должны были заниматься социально ориентированной деятельностью. Они под контролем органов власти начинают реализовывать социальную политику по воспитанию молодежи, борьбе с наркоманией, преступностью, абортами, патриотическому воспитанию и т.д. В обмен на это им предоставляется некоторое преимущества. Одной из таких выгод становится возможность использовать государственное имущество в своих целях. И пусть на официальном уровне в этот период провозглашается единая и ровная ко всем религиозным организациям политика предоставления им земли или недвижимости, находящейся в государственной собственности, для использования в религиозных целях, на неформальном уровне это не так.

У организаций, не включенных в новые институты государственного регулирования религии, собственность (предоставленная на правах пользования) изымается, даже если они осуществляют т.н. социально-ориентированную деятельность, несмотря на то, что теоретически они полностью соответствуют требованиям государства. Проблема заключается лишь в том, что они являются нетрадиционными. Так произошло с местной общиной кришнаитов. В январе 1992 г. на территории Бурятии начало свою деятельность религиозное общество сознания Кришны. В 1995 г. они открыли дочернее благотворительное общество «Пища для жизни» (имеющее целью раздачу вегетарианской пищи нуждающимся). Администрация г. Улан-Удэ выделила им помещение бывшего детского сада в центре города, часть помещения был отведена под храм. За время своего существования эта организация провела несколько тысяч программ раздачи бесплатных горячих обедов для детей, инвалидов, пенсионеров, лиц без определенного места жительства, регулярно раздавались обеды в нескольких школах Улан-Удэ. Первоначально Комитетом по социальной политике Администрации г. Улан-Удэ был заключен договор с «Пищей для жизни» о социальном партнерстве, в рамках которого волонтеры организации были обязаны участвовать в социальных акциях администрации. Однако в 2006 г. на сессии Городского совета депутаты включили в план приватизации городского имущества

здание, отданное кришнаитам. В итоге помещение было изъято, деятельность благотворительной организации прекращена, а религиозная организация «Улан-Удэнское общество сознания Кришны» сейчас зарегистрирована по адресу частной квартиры.

В то время как укрепляется тренд поддержки традиционных религиозных организаций, нетрадиционные, в свою очередь, часто попадают в условия, провоцирующие конфликт с органами государственной власти. При этом такие ситуации проистекают именно из существующих неформальных норм, на официальном уровне и во второй половине 2000-х гг. по-прежнему республиканские власти не делают различий между религиозными объединениями при выстраивании с ними отношений. Показателен пример строительства буддистского центра алмазного пути школы Карма Кагью. Религиозное течение, которого придерживается Ассоциация буддийской школы Карма Кагью, относится к необуддизму – модернистским и реформаторским течениям в буддизме, направленным на приспособление традиционных форм вероучения, культа и организации к современности²⁰. Буддийская традиционная сангха России придерживается позиции школы гелуг²¹. В 2007 г. Комитет по управлению имуществом Администрации г. Улан-Удэ выделил участок для строительства общественной организации «Золотая охота и рыбалка Бурятии» по соседству со строящимся буддийским центром. В итоге новая стройка перекрыла проезд к будущему центру школы Карма Кагью, кроме того, возник земельный спор, спровоцировавший многолетние судебные разбирательства. Появилась и проблема нарушения символического пространства религиозного комплекса. «Золотая охота и рыбалка Бурятии» строит ресторан, гостиницу и сауну в непосредственной близости с буддийским центром. Эта ситуация вызвала негативную реакцию у верующих:

На мой взгляд, поразителен сам факт строительства развлекательного

---

²⁰ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. М.: ИФ РАН, 2002. С. 136.

²¹ Жуковская Н.Л. Возрождение буддизма в Бурятии: Проблемы и перспективы. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 6.

комплекса в непосредственной близости от буддийского центра. Стало невозможным продолжать благоустройство. <...> Это безобразие недостойно буддийской республики²².

Таким образом, во взаимоотношениях государства и религиозных организаций на первый план выходит понятие лояльности. К категории лояльных относятся крупнейшие «традиционные» религиозные объединения, выступающие от лица этноконфессиональной группы. Это новая тенденция конца 2000-х гг. Если в 1990-х гг. понятие традиционности скорее связывалось с исторической укорененностью в Бурятии, то в конце 2000-х гг. традиционными стали и те конфессии, что традиционны для диаспор. Так, постепенно, в категорию традиционных религий переходил ислам, а значит, мусульманская община теперь могла рассчитывать на поддержку государства. Мечеть в Улан-Удэ строилась в 2000-е годы на частные пожертвования, но на участке земли, переданной администрацией города мусульманской общине (представляющей татар Бурятии) на безвозмездной основе.

Национальная и религиозная политика постепенно начинают сливаться в одно целое. Особенно ярко этот процесс начинает проявляться концу 2000-х гг. Вопросами религии и национальности занимается один государственный орган, он поддерживает деятельность национальных культурных центров: армянского, корейского, немецкого, эвенкийского, польского, а вместе с тем и религии этих национальных общин. Они проводят при поддержке государства различные мероприятия, такие как недели еврейской книги, польского кино, фестиваль немецкой культуры и сабантуй, и все из них, так или иначе, касаются религиозной темы.

К началу 2010 гг. набирает тенденция документального закрепления отношений между религиозными организациями и органами государственной власти. При этом важно отметить, что появление таких документов не означает переход неформальных институтов государственного регулирования в формальные. Для этого неформальные нормы должны отразиться в официальных

---

²² Земельно-геологический спор // Газета «Номер один» от 07 марта 2012 г.

документах, определяющих государственную религиозную политику. Здесь же речь идет о документальных свидетельствах, в которых нашли отражение пока еще неформальные нормы, пусть уже и наметилась тенденция их перехода в статус формальных.

Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской Православной Церкви с начала 2010 г. заключила несколько таких соглашений. В 2010 г. с Главным управлением Министерства по чрезвычайным ситуациям России по Республике Бурятия. Под сотрудничеством в нем подразумевалась помощь действиям министерству в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Соглашение подразумевало со стороны епархии сбор гуманитарной помощи, оказание духовной и психологической поддержки пострадавшим и их семьям, а МЧС, в свою очередь, обязался информировать руководство епархии о чрезвычайных ситуациях, осуществлять подготовку священнослужителей, сестер милосердия и добровольцев к действиям в чрезвычайных ситуациях и проводить совместные учения. Руководитель Русской православной церкви и сам оценил это сотрудничество как часть социально полезной деятельности организации:

Русская Православная Церковь как религиозный институт может оказать серьезную поддержку МЧС. Подписание этого соглашения – важный шаг в создании доброго и полезного для нашего общества симбиоза²³.

В этом же году соглашение подписывается с Министерством здравоохранения Республики Бурятия. Епархия обязалась участвовать в развитии услуг в сфере медико-социальной помощи, заниматься профилактической деятельностью и медицинским просвещением населения, содействовать оказанию медицинской помощи инвалидам и иным социально уязвимым группам населения, обеспечивать уход за больными на дому и в стационарных учреждениях здравоохранения. Министерство, в свою очередь, обязалось готовить сестер милосердия для оказания медико-социальной помощи и создавать условия для выполнения православных

---

²³ Официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uud-eparh.ru/index.php/news-162/39-newscat/630-2010-10-01-06-49-32>.

обрядов в стационарных учреждениях здравоохранения.

В 2011 г. соглашения заключают местная иудейская религиозная организация и Бурятское Управление федеральной службы исполнения наказаний, в дополнение к аналогичному соглашению на федеральном уровне, поскольку в документ были внесены некоторые уточняющие положения, касающиеся социально ориентированной деятельности со стороны общины. Бурятское Управление федеральной службы исполнения наказаний вообще активно сотрудничает с религиозными организациями. В итоге эта государственная структура заключила соглашения о сотрудничестве со всеми религиозными организациями, попадающими в категорию традиционных.

В 2012 г. Буддийская традиционная Сангха России заключила договор о сотрудничестве с Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия. Согласно ему, сотрудничество заключается в реализации совместных программ по развитию социального обслуживания населения республики, таких как проведение благотворительных акций, издание учебно-методической литературы, проведение совместных телевизионных и радиовещательных программ, создание молитвенных помещений при учреждениях социального обслуживания. Кроме практической деятельности, соглашение предусматривает привлечение представителей Буддийской традиционной Сангхи России к работе в различных мероприятиях, организованных министерством, научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах» по проблемам благотворительности и милосердия, совершенствования социального обслуживания, включая создание рабочих групп и обмен специалистами²⁴.

Чуть позже аналогичный договор с Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия заключила и Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской Православной Церкви. Министр социальной защиты при этом заявила, что:

Данное соглашение составлено в целях духовного возрождения

---

²⁴ По данным официального сайта Буддийской традиционной сангхи России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sangharussia.ru/news/detail.php?ID=8464>.

*общественного милосердия, приобщения граждан к сокровищам многовековой христианской культуры и координации усилий по дальнейшему развитию и совершенствованию системы социального обслуживания населения*²⁵.

Это соглашение стало итогом предшествующих ему совместных мероприятий и деятельности, направленной на решение социальных проблем. С начала 2010-х гг. Русская православная церковь в Бурятии вела настолько активную социально ориентированную работу, что министерство социальной защиты приглашало ее представителей на свои рабочие совещания. Это участие было обусловлено масштабной работой епархии по организации бесплатных столовых для бездомных и малоимущих. Министерство, в свою очередь, рекомендовало оказывать нуждающимся помощь в обмен на их участие в общественных работах. Таким образом, религиозная организация не просто занимается социально значимой работой, ее деятельность в некоторой степени контролируется и направляется курирующим ее государственным органом власти.

В 2014 г. Республиканское агентство лесного хозяйства Республики Бурятия договорилось о сотрудничестве с Улан-Удэнской и Бурятской епархией Русской Православной Церкви. Епархия согласилась пропагандировать безопасность жизнедеятельности населения при лесных пожарах, бережное отношение к лесам, обучать мирян правильным действиям при пожарах в лесах, оказывать в соответствующих ситуациях морально-психологическую помощь.

И Буддийская традиционная сангха России, и Русская православная церковь, и мусульманская община согласно договорам о сотрудничестве оказывают помощь Службе судебных приставов Бурятии в работе с неплательщиками, а также входят в специально созданный консультативный орган – общественный совет при Управлении федеральной службы судебных приставов по Бурятии. Кроме того, что религиозные организации в данной системе рассматриваются как инструменты повышения эффективности работы судебных приставов региона, они еще и

---

²⁵ По данным официального сайта Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uud-eparh.ru/index.php/monhr/2332-2012-10-24-06-29-58.html>.

выступают в качестве своеобразного гаранта законности работы данного органа государственной власти. В этом и заключается социальная ориентированность работы религиозных объединений при сотрудничестве со службой судебных приставов. Каждая сторона соглашения в итоге достигает реализации собственных интересов.

Еще одно свидетельство закрепления институтов государственного регулирования религии, заключающихся в поддержке традиционных религиозных организаций, занимающихся социально ориентированной деятельностью, – вынужденная внутренняя организационная перестройка религиозных организаций в соответствии с новыми задачами. Улан-Удэнская и Бурятская епархия Русской православной церкви помимо классических внутренних отделов, таких как паломнический или миссионерский, создала отделы по работе с молодежью, по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами, отдел по противодействию наркомании и алкоголизму, отдел социального служения и благотворительности.

Документально подтвержденные договоры с органами государственной власти, внутренние организационные изменения, участие в различных заседаниях, круглых столах, семинарах, организованных республиканскими и местными властями, внимание средств массовой информации – все это позволяет традиционными религиозным организациям подтвердить то, что они осуществляют социально ориентированную деятельность, а значит, могут рассчитывать на государственную поддержку. Большое значение имеет публичность действий религиозных организаций и их отношений с органами государственной власти. Каждый контакт тщательно фиксируется и транслируется в средства массовой информации. А в текстах информационных сообщений обычно подчеркивается значимость социальной работы конкретного религиозного объединения.

Дела милосердия являются неотъемлемой частью служения Церкви. Направления деятельности Министерства социальной защиты населения и Русской Православной Церкви совпадают. Поэтому вновь подписанное соглашение

*должно способствовать усилению совместной деятельности во благо населения республики, особенно её социально незащищенных слоев*²⁶.

В отличие от 1990-х гг. и 2000-х гг. государство предпочитает в публичном дискурсе дистанцироваться от собственно религиозной деятельности религиозных организаций и рассматривать их как общественные объединения.

*Религиозные организации Бурятии мы рассматриваем не как религиозные объединения в правовом поле, а как партнеров, социально ориентированные некоммерческие организации, - отметил Михаил Харитонов (председатель Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия). – Органы государственной власти, местного самоуправления совместно с религиозными объединениями реализуют проекты, направленные на решение социально-значимых вопросов*²⁷.

Представление религиозных организаций в таком ключе позволяет оказывать адресную государственную поддержку и избегать обвинений в религиозной нетолерантности. Официально, на любое обвинение в предоставлении преимуществ традиционным религиозным организациям и ограничении нетрадиционных, органы государственной власти могут выдвинуть аргумент о том, что они поддерживают только благотворительную деятельность религиозных объединений, направленную на решение социально острых проблем.

Так, например, в ходе «круглого стола» 19 июня 2014 г. в Народном Хурале Республики Бурятия в ответ на обвинения в выборочности финансирования религиозных организаций в республике председатель Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия сказал:

²⁶ Из речи епископа Улан-Удэнского и Бурятского Савватия при подписании соглашения с министром социальной защиты населения Республики Бурятия Т. Быковой [Электронный ресурс] // Официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской Православной Церкви. Режим доступа: <http://uud-eparh.ru/index.php/monhr/2332-2012-10-24-06-29-58.html>.

²⁷ В партнерстве с религиозными организациями [Электронный ресурс] // Буряад үнэн от 19 июня 2014 г. Режим доступа: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4525.

Поддержку получают те, кто активно ведет социально ориентированную деятельность, и роль которых в решении общественно значимых задач достаточно очевидна для большинства населения. Так, к примеру, на федеральном уровне получил поддержку проект «Социальная отара» Буддийской традиционной Сангхи России, проекты Улан-Удэнской и Бурятской епархии охватывают тысячи людей. <...> Если религиозная организация прикладывает справку, что она состоит из 30 человек, вряд ли можно ставить вопрос о том, что мы должны бросать силы на то, чтобы восстанавливать храм, в котором нет священника. Поэтому должно быть понятно, почему акцент делается на другие организации²⁸.

Таким образом, малочисленные нетрадиционные организации оказались выключены из этих институтов государственного регулирования религии. А неформальный контракт между традиционными религиозными организациями и государством продолжает функционировать. При этом поддержка в рамках этого контракта не обязательно связана с финансовыми преференциями, она может выражаться и в символическом контексте. Крупные политические фигуры общаются на равных с представителями религиозных организаций, обращаются к ним за советом. Не имеет значения, исполняются ли в итоге совместно выработанные решения, важно, что в публичном пространстве Главе Республики Бурятия, Правительству Республики Бурятия и другим органам власти необходима помощь религиозных организаций.

Это повышает статус последних, а поскольку в эти институты религиозной политики включены традиционные религиозные организации, то это выделяет их на фоне нетрадиционных. В свою очередь, религиозные организации также оказывают символическую поддержку политическим структурам: через интервью и комментарии в средствах массовой информации, через поддержку принимаемых политических решений среди своих прихожан и др. методы. Русская православная церковь и Буддийская традиционная сангха России в 2011 г. поддержали партию Единая Россия на выборах в Государственную Думу Российской Федерации: на

---

²⁸ В партнерстве с религиозными организациями [Электронный ресурс] // Буряад үнэн от 19 июня 2014 г. Режим доступа: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4525.

деньги регионального штаба были отпечатаны популярные в Бурятии религиозные календари с призывом голосовать за эту партию. На буддийском календаре было напечатано личное обращение главы Буддийской традиционной сангхи²⁹.

Сотрудничество с государством позволяет традиционным религиозным организациям занимать агрессивную позицию по отношению к нетрадиционным, в случае, если их интересы сталкиваются. И в таких ситуациях они, как правило, получают поддержку органов государственной власти. Протестантская организация Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» в селе Кодунский Станок Кижингинского района построила некрополь, поставила крест на месте предполагаемого захоронения ученика английской духовной миссии в Забайкалье (протестантских миссионеров XIX в.) и официально оформила права на эту землю. Однако в 2012 г. на этом же месте началось строительство буддийского культового сооружения, крест и надмогильная кладка были разрушены. Буддийская традиционная сангха, которой предположительно принадлежит эта стройка (поскольку они отказались официально подтвердить свою причастность), государство и общество отказываются признавать наличие конфликта, более того, нанесение ущерба «Союзу Христиан». Это иллюстрируют приведенные ниже высказывания:

- 1) *Мы строим в селе «хурдэ» – молитвенный барабан. Строим совсем в другом месте. Не там, где указывает епископ. (представитель Буддийской традиционной сангхи России),*
- 2) *Небольшой деревянный столб, ничем не огражденный, мог легко порушить домашний скот. На людей грешить не стоит. (Глава поселения).*
- 3) *Домашние животные, конечно, ходят по селу. Они тоже внесли свою лепту. Но никак не люди. (Жительница села).*
- 4) *Буддисты точно так же могут сказать, что на этом месте раньше был дацан. Я считаю, что надо уметь между собой договариваться. (глава Комитета по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям*

---

²⁹ См. Приложение 3.

*Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия).*³⁰

Действия буддистов позволили перевести имущественный конфликт в разряд межконфессиональных, поставить под сомнение юридическое право протестантов на эту землю и привлечь внимание государства и общества.

Другой пример – обращения представителей традиционных религиозных организаций к чиновникам и политикам в ходе совместных встреч с требованиями воздействовать на ситуацию и ограничить деятельность нетрадиционных объединений и их представителей. На одной из таких встреч представители Буддистской традиционной Сангхи России номинировали священнослужителей, приезжающих из-за рубежа и не состоящих в их организации, «самозванцами», и потребовали от органов государственной власти применять «механизмы ограждения» от них. При этом Буддийскую традиционную сангху поддержал представитель Русской православной церкви:

*Такие люди пекутся не о душах прихожан. И наша излишняя толерантность и терпимость могут сыграть нехорошую роль*³¹.

В итоге участники встречи пришли к соглашению, что ответственность за своевременный сигнал в контролирующие органы несут местные органы власти. На данный момент неформальные нормы государственной религиозной политики, выражающиеся в поддержке традиционных религий, постепенно переходят на формальный уровень, однако, тенденции к официальному закреплению каких-либо специальных ограничений для нетрадиционных религиозных организаций пока не наблюдается. Но в рассмотренной нами ситуации представители двух крупнейших религиозных организаций республики, попадающих в категорию традиционных, явно требуют государственной защиты своего положения и стремятся использовать государственную поддержку как инструмент борьбы с конкурентами.

Неформальные институты государственного регулирования религии в

³⁰ Скандальное интервью главного протестанта Бурятии едва не вызвало конфликт // Информ-полис от 19 октября 2012 г.

³¹ В партнерстве с религиозными организациями [Электронный ресурс] // Буряад үнэн от 19 июня 2014 г. Режим доступа: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=4525.

постсоветской Бурятии прошли долгий путь развития. Они трансформировались, но все же в течение всего этого периода для них характерна единая содержательная целостность. Ее суть заключается в следующем. Государство регулирует религиозное пространство региона, его состояние, направляет пути изменения религиозной ситуации с помощью разделения религиозных организаций Бурятии. Классифицирующим признаком становится постепенно конструируемое понятие традиционности, которое по мере своего развития претерпевает некоторые изменения. На сегодняшний день традиционными религиями для Бурятии признаны те, к сторонникам которых причисляет себя большая часть различных национальных групп, проживающих на территории республики, и которые обладают вышеупомянутой характеристикой на протяжении длительного времени.

Неформальные институты тесно связаны с формальными и, в сущности, составляют с ними единое целое. Проявление в постсоветский период институтов государственного регулирования религии в той или иной форме зависело от внешних условий, как например, политической ситуации в стране. Они словно поддерживают друг друга на протяжении всего изучаемого периода. Классифицируя неформальные институты государственного регулирования согласно модели Г. Хелмке и С. Левитски, можно сказать, что их тип изменялся с течением времени. Т.к. в первой половине 1990-х гг. появление неформальных норм было обусловлено в первую очередь недостатком формальных норм, устаревших и разрушенных с распадом Советского союза, то сложно определить их тип в классификации, базирующееся на отношениях неформальных институтов с формальными. Пожалуй, наиболее близким типом являются замещающие неформальные институты, которые помогают добиться того, что теоретически должны выполнять формальные институты, если бы не их неэффективность³², с той лишь разницей, что система формальных институтов религиозной политики в республике на тот момент еще не сложилась.

Закрепление сформированной системы норм на формальном уровне с

---

³² Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. №2. С.198.

принятием концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия и закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» на краткий период отставило необходимость в неформальных институтах. Однако с началом 2000-х гг. и глобальными изменениями в политической системе в этот период нормы, запрещенные на формальном уровне, постепенно на протяжении всего последующего десятилетия постепенно переходят на неформальный уровень. Таким образом, в данной ситуации формируются аккомодационные неформальные институты: они позволяют изменять последствия соблюдения формальных правил без их прямого нарушения. Официально все религиозные организации находились в равном положении, однако, органы государственной власти начинают выстраивать партнерские отношения с определенными религиозными организациями. Более того, они начинают выстраивать вокруг контактов с этими организациями свою систему правил и границ поведения.

В итоге это приводит к новой тенденции постепенного проникновения на уровень формальных норм системы разделения религиозного пространства республики и поддержки традиционных конфессий. В этот переходный период, локализованный в 2010-х гг., неформальные институты государственного регулирования религии становятся дополняющими. Уже формируется целостная система формальных норм, в которых отражена возможность государственной поддержки ограниченного круга религиозных организаций. Этот тип неформальных институтов согласуется с формальными и вместе они представляют единую систему норм государственного регулирования религии. Возможно, что эта система лишь временная и дальнейшее развитие неформальных институтов будет зависеть от того, будут ли укрепляться тенденции тесного сотрудничества между органами государственной власти и религиозными организациями и официального закрепления их финансовой поддержки. В таком случае неформальные институты государственного регулирования религии могут снова изменить свой тип.

Заключение

Отношения между различными религиозными организациями в Бурятии определяются сводом правил, сформированных при активном вмешательстве государства. Начало этому процессу было положено в конце 1990-х гг., когда начала снижаться роль местных органов власти в формировании религиозной политики, контроль над деятельностью религиозных организаций и их отношениями с государственными органами власти, напротив, усилился, сформировалось законодательство в данной сфере. Этот период, согласно терминологии исторического институционализма, – критическая развилка. Происходит коренная перестройка всех норм и правил, определяющих существование общества и государственную политику, в том числе и в религиозной сфере. С этого момента начинается формирование современных институтов государственного регулирования религии.

Ломка старых правил взаимодействия государства и церкви обусловила появление свободы выбора политических решений в данной сфере. Критическая развилка достаточно коротка по сравнению с зависимыми от нее процессами формирования институтов государственного регулирования религии, трансформация которых не прекращается и сегодня. Критическая развилка же локализована началом 1990-х гг. Она в итоге привела к созданию новой нормативной системы религиозной политики. Выбор именно такого пути развития отношений государства и религии в постсоветской Бурятии, который имел место, обусловлен несколькими факторами. В их числе влияние старых институтов (позднесоветской нормативной системы), движение национального и религиозного подъема, характерное для этого периода, большая роль выборов и политических решений конкретных личностей, повлиявших на становление институтов государственного регулирования религии.

Их дальнейшее развитие – это зависимый от предыдущей траектории развития

процесс. Формирующаяся во второй половине 1990-х гг. нормативная система институционально ограничила свободу выбора путей развития институтов религиозной политики. В это время в официальном дискурсе, а затем и в публичном, религии окончательно разделяются на традиционные и нетрадиционные. Именно этот фактор определил динамику дальнейшего формирования правил взаимодействия различных религиозных организаций в республике. Стабильность этой институциональной системы на протяжении всего постсоветского периода подтверждает тезис о том, что критические развилки направляют трансформацию институтов по трудноизменяемой впоследствии траектории. Со временем институциональная система приобрела устойчивость, которая по-прежнему укрепляется. Если в 1990-е гг. единичные политические решения могли оказать серьезное влияние на взаимоотношения государства и церкви и пути их дальнейшего развития, то в 2010-х гг. они имеют намного меньшее значение.

Возможность для официальной классификации религий была создана в 1997 г., когда в России был принят закон Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором была прописана особая роль православия в истории России, а также ислама, буддизма, иудаизма, составляющих согласно закону неотъемлемую часть исторического наследия народов России. В Бурятии вскоре был принят закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», фактически дублирующий федеральный. Он также содержал указание на исключительность положения отдельных конфессий: «В Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм». Необходимость выделения позиции буддизма, проповедуемого Буддийской традиционной сангхой России, среди прочих направлений, обусловила упоминание в тексте закона названия организации, а не религии в целом.

Так органы государственной власти Бурятии официально закрепили особое положение некоторых религиозных организаций: Русской православной церкви, представляющей православие, Буддийской традиционной сангхи России,

олицетворяющей традиционное для Бурятии течение буддизма, Русской древлеправославной церкви, представляющей старообрядчество, и единственной существовавшей на то время шаманской религиозной организации «Боо-мургэл». В противовес «исторически сложившимся конфессиям и верованиям» законом определялись т.н. конфессиональные новообразования: «новые религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики». Принимая этот закон, органы государственной власти не ограничились классификацией религий в республике по признаку традиционности. Эти номинации и дифференциации послужили основой для установления конкретных различий между религиозными организациями при государственной регистрации и в осуществлении миссионерской деятельности. Государственная регистрация религиозных организаций, принадлежащих к нетрадиционным конфессиям, согласно данному закону, требовала наличия положительного заключения Экспертно-консультативного Совета по делам религий при Правительстве Республики Бурятия.

Государство инициировало упорядочивание религиозного поля республики по нескольким причинам. Во-первых, оно стремилось регулировать деятельность различных религиозных организаций. В 1997 г. их количество достигло 116. При этом наблюдалось большое разнообразие их конфессиональной принадлежности: православные приходы, буддийские общины и дацаны, старообрядческие общины, шаманистский духовный центр, баптистские, пятидесятнические общины, древлеправославные приходы, апостольские православные общины. Сложившаяся ситуация явилась результатом мощного религиозного подъема 1990-х гг., который во многом был связан с потребностью населения в самоидентификации. При этом религиозная и этническая идентичность часто сливались воедино. В 1990-х гг. активному формированию религиозного пространства республики способствовал и слабый контроль над действиями религиозных организаций, а в некоторых случаях их откровенная поддержка со стороны государства и конкретных политиков. Смена приоритетов управления на федеральном уровне в конце 1990-

х гг., выразившаяся в усилении государства и его централизации, потребовала от местных органов власти упорядочивания отношений между государством и церковью. В результате сформировалась небольшая группа религиозных организаций, при контакте с которыми государство минимизировало затраты, повышая эффективность реализации программы государственного регулирования религиозной сферы.

Во-вторых, выбор религиозных организаций, вписываемых государством в создаваемую им систему, основывался на степени их лояльности. В данном случае ожидается, что религиозная организация будет действовать определенным образом, соблюдать установленные правила взаимодействия, соблюдать «контракт». Под контрактом подразумевается виду система взаимоотношений между государственными органами власти и традиционными конфессиями, когда первые предоставляют религиозным организациям поддержку, а вторые участвуют в осуществлении государством религиозной политики. Государство как агент в таком случае получает лояльность и готовность религиозных организациях участвовать в мероприятиях, составляющих религиозную политику. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку государства, возможность влиять на решения, принимаемые и законодательной и исполнительной властью, а также некоторые материальные выгоды, например, для всего постсоветского периода характерна практика передачи государственной собственности религиозным организациям либо в полное владение, либо в долговременную бесплатную аренду.

В-третьих, концепт традиционности/нетрадиционности религий позволяет собственно обосновать инклюзию лояльных религиозных организаций в структуры государственной религиозной политики, и исключение из них остальных организаций. В 2000 г. Конституционный суд Республики Бурятия признал положения Закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», устанавливающие различия в положении традиционных и нетрадиционных религиозных организаций, противоречащими Конституции Бурятии. Закон подвергся соответствующей редакции, однако, система

традиционности/нетрадиционности конфессий, упорядочивающая религиозное поле Бурятии, не была упразднена. Она перешла на уровень неформальных практик, а официальный дискурс по-прежнему формировал категории традиционности. Это давало возможность натурализовать институты религиозной политики в культурный и исторические контексты. Концептуализация сложившейся ситуации закрепляла за традиционными конфессиями особую роль, их значимость выводилась из укорененности в быту, культуре, длительности существования на данной территории.

Первоначально в группу традиционных религиозных организаций попали те, что имели самый большой опыт выстраивания отношений с государством. Русская православная церковь, Буддийская традиционная сангха России, отдельные шаманы, которые в 1990-е гг. создали свой центр, – все эти религиозные организации еще в советское время адаптировались к условиям, диктуемым органами государственной власти. В данном случае обе стороны уже несколько десятилетий были встроены в институты религиозной политики, что влекло за собой взаимные ожидания по поводу поведения каждого из агентов. Новые религиозные объединения в данной системе координат для государства являются малоизвестными, рискованными партнерами. Их поведение плохо предсказуемо, а их включение в существующую систему отношений государства – церкви сопряжено с серьезными затратами. Кроме того, сами религиозные организации, появившиеся в республике впервые в постсоветский период, не нацелены на долговременное и тесное сотрудничество с органами государственной власти. Они решают более важные для себя задачи, такие как закрепление на территории Бурятии, миссионерская деятельность, привлечение новых членов общины. Именно на эти стратегии тратится большая часть ресурсов. Соприкосновение с государством они стремятся свести к минимуму: получению регистрации для того, чтобы продолжить осуществление первоочередных задач.

Таким образом, сложилась ситуация, при которой две стороны (органы государственной власти и лояльные им религиозные организации) стремились формировать и развивать определенные институты государственного

регулирования религии. Новые религиозные объединения были из этих институтов исключены, но надо отметить, что они и не предпринимали серьезных попыток изменения ситуации. После редактирования закона «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», институты государственного регулирования религии вновь стали неформальными. Из всех нормативно-правовых документов были исключены категории «традиционные», «нетрадиционные религии». Однако на уровне повседневных практик и государство, и религиозные организации, ранее получившие статус традиционных, продолжали поддерживать этот дискурс. Это дало основания для разработки концепции «межнационального и межрелигиозного мира и терпимости»¹. Ее тезисы присутствуют в выступлениях крупных политиков, исследованиях, проведенных при поддержке и по заказу органов государственной власти, появляются в СМИ через интервью чиновников, ученых, религиозных деятелей, принадлежащих к традиционным конфессиям, а затем образ «религиозной терпимости», неразрывно связанный с традиционными религиями и усилиями государства по ее сохранению, подхватывают и сами журналисты.

К концу 2000-х гг. институты государственного регулирования религии окончательно оформляются в тесное взаимодействие с традиционными религиозными организациями. Их взаимоотношения принимают форму совместных действий, направленных чаще всего на решение социальных проблем. К таким формам взаимодействия можно отнести совместные мероприятия, официально нацеленные на решение социально значимых проблем, формально такие отношения закрепляются через договоры о сотрудничестве.

Таким образом, мы можем констатировать, что после десятилетия существования структуры религиозного поля республики, разбитого на традиционные и нетрадиционные религии в неформальных практиках, эти нормы постепенно начинают получать отражение в формальных правилах. Это тенденция сейчас только усиливается. Согласно им, государство финансирует благотворительную деятельность религиозных организаций, предоставляет им

---

¹ См., например: Послание Президента Республики Бурятия к народу Республики Бурятия и Народному Хуралу Республики Бурятия от 26.04.2011.

налоговые льготы, оказывает финансовую и материальную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, принадлежащих религиозным организациям.

В сущности, религиозные конфессии в республике разделены на две группы по степени включенности в институты религиозной политики. В 2000-е гг. сложилась ситуация, при которой существовали и формальные правила, задающие общие параметры для всех религиозных организаций, и неформальные нормы, в рамках которых собственно и осуществлялась религиозная политика, адресатом которой становились отдельные религиозные организации, число которых сравнительно невелико.

Государство как агент в данной ситуации неоднородно. Оно представлено различными структурами, выполняющими функции государственного регулирования религии. В Бурятии это Комитет по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике общественным и религиозным объединениям Народного Хурала Республики Бурятия, Глава Республики Бурятия и некоторые другие органы власти, косвенно связанные с осуществлением религиозной политики. Вышестоящие органы власти требуют от нижестоящих контроля над религиозной ситуацией в республике, усилий по стабилизации межрелигиозных отношений. Ответственные органы власти вынуждены разрабатывать нормы и процедуры, упрощающие их работу или относящиеся к проблемам, не предусмотренным в формальных правилах.

Традиционные религиозные организации – это те религиозные структуры, которые были включены в систему неформальных норм в 2000-е гг., и укрепили свое положение в 2010-е гг. Религиозные организации, определяемые как нетрадиционные, по возможности максимально исключались из этой системы, поэтому их отношения с органами власти тяготеют к формальным институтам, т.е. нетрадиционные религиозные объединения соблюдают законодательство и не более. Однако мы не можем исключить их из системы неформальных институтов

государственного регулирования религии по той причине, что в случае их столкновения с традиционными религиозными организациями, чаще всего начинают действовать неформальные правила. Традиционные религиозные организации рассчитывают на поддержку государства в рамках своего неформального контракта.

Религиозным организациям, относимым к традиционным, существование неформальных институтов позволяет добиваться скрытых целей, которые они не могли решить в рамках формальных правил. В первую очередь, это поддержка государства в содержании и восстановлении большого объема недвижимости, полученного традиционными религиозными организациями в 1990-2000 гг. Важную роль играют и административная поддержка государства, накопление социального капитала, который может быть использован для лоббирования интересов религиозной организации, публичность, как побочный эффект взаимодействия с государством.

Формальные институты государственного регулирования религии, которые формировались сознательно, не избежали эффекта непредвиденных последствий. Особенно это касается периода 1990-х гг., когда в новая система формальных норм, закрепленная в Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия и законе Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», использовалась религиозными деятелями во внутренней борьбе между собой. Особенно ярко этот процесс проявился в борьбе за власть руководителя Буддийской традиционной сангхи России Д. Аюшеева и в борьбе этой религиозной организации за статус той, что проповедует традиционный для Бурятии буддизм.

Решение органами государственной власти и множеством традиционных религиозных организаций обширного спектра задач в рамках созданных институтов религиозной политики объясняет их стабильность. Эта система норм и правил адаптируется к изменениям внешней среды и время от времени набирает силу. Но на протяжении всего изучаемого периода действовали механизмы, воспроизводящие определенный институциональный шаблон.

Библиографический список

Нормативно-правовые акты

Федеральные нормативно-правовые акты

1. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : [федер. закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33. – Ст. 3431.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях : [федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
3. О свободе вероисповеданий : [закон РСФСР от 25 октября 1990 г. №267-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990 – № 21 – Ст. 240.
4. Об утверждении плана мероприятий по введению с 2012/13 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для образовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» : [распоряжение Правительства РФ от 28 января 20012 г. № 84-р] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – №6. – Ст. 796.

Нормативно-правовые акты РБ

5. Конституция Республики Бурятия : офиц. текст : принята Верховным Советом Республики Бурятия 22 февраля 1994 г. // Бурятия. – 1994. – 9 марта.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : [закон Республики Бурятия от 14 ноября 2013 г. № 104-V] // Бурятия. – 2013. – 21 ноября.
7. О внесении изменений в Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. №610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» : [закон Республики Бурятия от 9 июля 2012 г. № 2839-IV] // Бурятия. – 2012. – 12 июля.

8. О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» : [закон Республики Бурятия от 28 февраля 2002 г. № 941-III] // Бурятия. – 2002. – 5 марта.
9. О внесении изменений в Закон Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» : [закон Республики Бурятия от 3 января 2001 г. № 568-III] // Бурятия. – 2001. – 6 января.
10. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия : [закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I] // Бурятия. – 1998. – 16 января.
11. О признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Бурятия : [указ Президента Республики Бурятия от 29 апреля 2003 г. № 119] // Бурятия. – 2003. – 2 мая.
12. О распределении руководства комиссиями и консультативными органами при Президенте и Правительстве Республики Бурятия : [указ Президента Республики Бурятия от 29 октября 2002 г. № 258] // Бурятия. – 2002. – 5 ноября.
13. О Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте республики Бурятия» (вместе с «Положением о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия») : [указ Президента Республики Бурятия от 19 апреля 2002 г. № 198] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=1497411>.
14. О преобразовании сектора межнациональных отношений и по связям с национальными и религиозными объединениями Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия : [указ Президента Республики Бурятия от 21 декабря 2001 г. № 286] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473806184>.
15. Об экспертно-консультативном Совете по вопросам религиозной деятельности при Президенте Республики Бурятия : [указ Президента Республики Бурятия от 19 августа 1997 г. № 201] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473804027>.
16. О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия : [указ Президента Республики Бурятия от 21 мая 1996 г. № 183] // [Электронный

ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=999660>.

17. О создании совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия» (вместе с «Положением о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия») : [указ Президента Республики Бурятия от 26 декабря 1995 г. № 297] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=1001431>.

18. О ходе реализации закона Республики Бурятия "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия : [постановление Совета Народного Хурала Республики Бурятия 24 апреля 2012 г. № 1507-IV] // Бурятия. – 2012. – 3 мая.

19. Об утверждении Положения о системе мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Республики Бурятия : [постановление Правительства Республики Бурятия от 21 июня 2013 г. № 323] // Бурятия. – 2013. – 27 июня.

20. Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия «Совершенствование государственного управления (2013 – 2020 годы)» : [постановление Правительства Республики Бурятия от 10 апреля 2013 г. № 180] // Бурятия. – 2013. – 16 апреля.

21. Об утверждении порядка предоставления субсидий из республиканского бюджета на строительство, ремонт и реставрацию зданий и сооружений религиозного назначения социально ориентированным некоммерческим организациям, направленным на содействие духовно-нравственному развитию личности, осуществляющим свою деятельность на территории Республики Бурятия : [постановление Правительства Республики Бурятия от 29 марта 2013 г. № 158] // Бурятия. – 2013. – 4 апреля.

22. О признании утратившим силу постановления правительства Республики Бурятия от 24 ноября 1994 № 153 «Об образовании межведомственной комиссии по вопросам религиозных объединений при президенте и правительстве Республик Бурятия» : [постановление Правительства Республики Бурятия от 29 июля 2003 г. № 239] // [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<http://docs.cntd.ru/document/473804922>.

23. О сохранении и реставрации культурных ценностей религиозного назначения, находящихся в религиозных объединениях» (вместе с «Перечнем мероприятий по сохранению, усилению борьбы с хищениями и незаконному вывозу культурных ценностей, находящихся в пользовании религиозных объединений, на 2001 - 2003 годы» : [постановление Правительства Республики Бурятия от 28 июня 2001 г. № 232] // Собрание законодательства Республики Бурятия. – 2001. – № 7-8(26-27).

24. О взаимодействии между государственными средствами массовой информации и религиозными объединениями на территории Республики Бурятия : [постановление Правительства Республики Бурятия от 8 февраля 1999 г. № 158] // Бурятия. – 1999. – 12 февраля.

25. О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к республиканской и муниципальной собственности имущества религиозного назначения» (вместе с «Положением о порядке передачи религиозным объединениям относящегося к республиканской и муниципальной собственности имущества религиозного назначения») : [постановление Правительства Республики Бурятия от 25 июля 1995 г. № 260] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=1003499>.

26. Об образовании межведомственной комиссии по вопросам религиозных объединений при Президенте и Правительстве Республики Бурятия : [постановление Правительства Республики Бурятия от 24 ноября 1994 г. № 153] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=1002597>.

27. По делу о проверке соответствия Конституции Республики Бурятия абзацев 4 и 5 статьи 1, части 2 статьи 3, частей 1, 2, 3, 4, 5, 6 статьи 4 закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» : [постановление Конституционного суда Республики Бурятия от 10 октября 2000 г.] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: ksud.ru/news2_file/file30_93.doc.

Муниципальные нормативно-правовые акты

28. О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей

религии вне рамок образовательных программ в помещениях муниципальных учреждений» (вместе с «Положением о предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях муниципальных образовательных учреждений г. Улан-Удэ) : [постановление Администрации г. Улан-Удэ от 09 марта 2000 г. № 113] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=1007924> .

Прочие нормативно-правовые акты

29. О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации : [письмо Министерства образования РФ от 19 марта 1993 г. №47/20—11п].

30. О методических рекомендациях по применению Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» : [письмо Минюста РФ от 24 декабря 1997 г. № 08-18-257-97].

31. Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций за 12 месяцев 2012 г. : [приложение №3 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 21 января 2011 г. №21].

32. Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций за 2013 год : [приложение №3 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. №232].

Справочники

1. Атлас современной религиозной жизни России / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.; СПб. : Летний сад, 2006. – Т. 2. – 687 с.
2. Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д.Ц. Будаева [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 140 с.

3. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: Сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001. – 260 с.
4. Махачкеев А. Портрет иерарха: XXIV Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев / А. В. Махачкеев. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2010. – 204 с.
5. Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения (по материалам прикладных социологических исследований 2005 и 2007 гг.) / Д.Ц. Будаева [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – 127 с.
6. Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник / С.В. Васильева [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 240 с.
7. Семейские Забайкалья / отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : НоваПринт, 2007. – 200 с.

Материалы прессы

1. Информ-полис за 2001-2014 гг.
2. Правда Бурятии за 1991 г.-2014 гг.
3. Молодежь Бурятии за 1991-2001 гг.
4. Бурятия за 1991-2014 гг.
5. Номер один за 2001-2011 гг.
6. Новая Бурятия за 2010-2014 гг.
7. «Православная Бурятия» за 2011-2014 гг.
8. ВостокТелеИнформ (информационный портал) <http://vtinform.ru/> за 2008-2014 гг.
9. Байкал-Daily (информационный портал) <http://www.baikal-daily.ru/> за 2009-2014 гг.
10. Телекомпания АрисУс (видеоархив) <http://www.arigus-tv.ru/> за 2006-2014 гг.
11. Телекомпания Тивиком (видеоархив) <http://tvcom-tv.ru/> за 2008-2014 гг.

Монографии

1. Алексеева М.С. Религиозность современной российской интеллигенции: (на материалах Республики Бурятия) / М. С. Алексеева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 164 с.
2. Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – 292 с.
3. Арзуманов И.А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансазиатском контексте (XX-XXI вв.) / И. А. Арзуманов. – Иркутск : Изд-во Иркут. госуниверситета, 2008. – 319 с.
4. Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма / К. Армстронг; пер. с англ. – М. : Альпина нон-фикшн, 2013. – 502 с.
5. Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия) / Т. Б. Бадмацыренов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – 144 с.
6. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. / Е.Г. Балагушкин. – М. : ИФ РАН, 2002. – 248 с.
7. Баторова Е.Б., Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-е - 2000-е годы) / Е. Б. Баторова, С. З. Ахмадулина. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2010. – 192 с.
8. Буркина А.А., Осинский И.И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие /А.А. Буркина, И.И. Осинский. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. – 114 с.
9. Ванчикова Ц.П., Чимитдоржин Д.Г. История буддизма в Бурятии: 1945-2000 гг. / Ц.П. Ванчикова, Д.Г. Чимитдоржин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 135 с.
10. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В.Н. Давыдов [и др.]. – Хабаровск : Хабаровский

научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006. – 191 с.

11. Жуковская Н.Л. Возрождение буддизма в Бурятии: Проблемы и перспективы / Н.Л. Жуковская. – М. : ИЭА РАН, 1997. – 24 с.

12. Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969-2011 / Н.Л. Жуковская. – М. : Ориенталия, 2013. – 480 с.

13. История Бурятии: в 3 т. / гл. ред. и рук. проекта Б.В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

14. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы / Н. Митрохин. – М.. : Новое литературное обозрение, 2004. – 648 с.

15. Митыпова Г.С. Православная церковь в Бурятии: XX-XXI вв. / Г.С. Митыпова. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2006. – 111 с.

16. Митыпова, Г.С. Православие в истории и культуре Бурятии / Г.С. Митыпова. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2005. – 232 с.

17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

18. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) / Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. – Калининград : Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. – 294 с.

19. Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков / Л.В.Бадмаева [и др.] / отв. ред. Л.В. Курас. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2002. – 238 с.

20. Савинова М.А. Новые религиозные организации на территории Бурятии (Сознание Кришны и Вера бахаи) / М.А. Савинова; отв. ред. Л.Л. Абаева. – Улан-Удэ : Изд-во Изд-во Бурятского госуниверситета, 1999. – 168 с.

21. Чимитдоржин Г.Г. Институт Пандито Хамбо Лам 1764-2004 гг. / Г.Г. Чимитдоржин. – Улан-Удэ : Изд-во Буддийского ин-та «Даши Чойнхорлин», 2004. – 189 с.
22. Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. della Porta, M. Keating. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. – 376 p.
23. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – Cambridge, UK : Harvard University Press, 1988. – 540 p.
24. Blyth M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century / M. Blyth. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2002. – 298 p.
25. Burnham P., Gilland K., Grant W., Layton-Henry Z. Research Methods in Politics / P. Burnham, K. Gilland, W. Grant, Z. Layton-Henry. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 384.
26. Campbell J. Institutional Change and Globalization / J. Campbell. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2004. – 247.
27. Collier R., Collier D. Shaping the Political Arena. Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America / R. Collier, D. Collier. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1991. – 904 p.
28. Dueck C. Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American. Grand Strategy / C. Dueck. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006. – 240 p.
29. Durkheim E. The Rules of Sociological Method / E. Durkheim. – New York : The Free Press, 1982 (1895). – 272 p.
30. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 250 p.
31. Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. della Porta, M. Keating. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 376 p.
32. Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. J. Mahoney, K. Thelen – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 254 p.

33. Frymer P. *Black and Blue: African Americans, the Labor Movement, and the Decline of the Democratic Party* / P. Frymer. – Princeton : Princeton University Press, 2008. – 224 p.
34. Hall P. *The Political Power of Economic Ideas* / P. Hall. – Princeton : Princeton University Press, 1989. – 416 p.
35. Immergut E. *Health Politics: Interests and Institutions in Western Europe* / E. Immergut. – New York : Cambridge University Press, 1992. – 362 p.
36. Lieberman R. *Shaping Race Policy: The United States in Comparative Perspective* / R. Lieberman. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – 336 p.
37. McNamara K. *The Currency of Ideas: Monetary Policy in the European Union* / K. McNamara. – Ithaca : Cornell University Press, 1998. – 208 p.
38. Orren K., Skowronek S. *The Search for American Political Development* / K. Orren, S. Skowronek. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2004. – 233 p.
39. Peters G. *Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism»* / G. Peters. – London : Pinter, 1999. – 183 p.
40. Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis* / P. Pierson. – Princeton : Princeton University Press, 2004. – 196 p.
41. *Religion and Politics in Comparative Perspective: The One, The Few, and The Many* / ed. C. Wilcox, T. Jelen. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2002. – 340 p.
42. Skocpol T. *States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China* / T. Skocpol. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1979. – 448 p.
43. Stark R. *Discovering God: The Origins of the Great Religions and the Evolution of Belief* / R. Stark. – New York : Harper Collins, 2007. – 447 p.
44. Stark R., Bainbridge W.S. *A Theory of Religion* / R. Stark, W.S. Bainbridge. – New Brunswick, New Jersey : Rutgers University Press, 1987. – 386 p.
45. Steinmo S. *Taxation and Democracy: Swedish, British and American Approaches to Financing the Modern State* / S. Steinmo. – New Haven : Yale University Press, 1993. – 302 p.

46. Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / ed. S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1992. – 272 p.
47. The Transformation of American Politics: Activist Government and the Rise of Conservatism / ed. Skocpol T., Pierson P. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. – 328 p.
48. Theory in Economic Anthropology / ed. J. Ensminger. – Lanham, MD: AltaMira Press, 2002. – 316 p.

Статьи

1. Абаева Л.Л. Религия в этнокультурной традиции народов Центральной Азии / Л.Л. Абаева // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: материалы и тезисы докладов к междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24-27 мая 2000 г. – Иркутск, 2000. – Т. 2. – С. 93-96.
2. Абаева, Л.Л. Модернистские тенденции в развитии буддийской культуры в Бурятии / Л. Л. Абаева // Мир буддийской культуры: наследие и современность: материалы 3 Междунар. симпозиума (3-5 нояб. 2010 г., Чита-Агинское). – Чита, 2010. – С. 123-131.
3. Амоголонова Д.Д. Буддизм в современном бурятском национально-культурном возрождении / Д.Д. Амоголонова // Религиоведение. – 2008. – № 3. – С. 46-56.
4. Амоголонова Д.Д. Буддийское возрождение в контексте социокультурной модернизации (на материалах современной Бурятии) / Д.Д. Амоголонова // Наука и буддизм: материалы науч. конф. с участием иностр. учен. (Улан-Удэ-Байкал, 6-8 июля 2012 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 189-202.
5. Амоголонова Д.Д. Религиозное возрождение и банальная религиозность в современной Бурятии / Д.Д. Амоголонова // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России. – Улан-Удэ; Иркутск : Оттиск, 2011. – С. 339-342.

6. Амоголонова Д.Д. Религия в секуляризованном обществе: Буддизм в современной Бурятии / Д.Д. Амоголонова, П. К. Варнавский // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии: сб. ст. / ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – С. 58-71.
7. Амоголонова Д.Д. Социальные функции буддизма в контексте религиозного обновления: на примере Республики Бурятия / Д.Д. Амоголонова // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: третьи Доржиевские чтения: материалы конф. (Улан-Удэ – Иволгинский дацан – Алханай, 8-10 июля 2008 г.). – СПб., 2009. – С. 36-43.
8. Амоголонова Д.Д. Социальные функции обновленного буддизма в современной Бурятии / Д.Д. Амоголонова // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: четвертые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». – СПб., 2011. – С. 43-51.
9. Ангаев Ж.Б. Буддийская церковь в регионе Забайкалья и Бурятии и ее взаимоотношения с властными структурами [начало XX в. – 1-я половина 20-х гг.] / Ж.Б. Ангаев // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2006. – Вып. 1. – С. 44-66.
10. Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религиозные организации в современной Бурятии / С.З. Ахмадулина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – Вып. 7. – С.117-119.
11. Ахмадулина С.З. Современный бурятский шаманизм / С.З. Ахмадулина, А. дэ Гротт // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2009. – № 4-5. – С. 27-30.
12. Бадмаев А.А. Буддийские дацаны и буряты: прошлое и настоящее / А.А. Бадмаев // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 36-41.
13. Бадмацыренов Т.Б. Ценностные ориентации буддийского духовенства Бурятии / Т.Б. Бадмацыренов // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2: материалы междунар. науч. конф. (11-12 окт. 2007 г.) / ред. Т.Д. Скрынникова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – С. 306-319.

14. Бадуев Б.В. Религиозный фактор и проблема возрождения бурятской культуры / Б.В. Бадуев // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 16: Политология, культурология. – 2005. – Вып. 2. – С. 155-158.
15. Батомункуев С.Д. О протестантизме среди современных бурят / С.Д. Батомункуев // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – № 4. – С. 92-102.
16. Баяртуева Д.Л. Восстановление буддийских культовых сооружений в Бурятии / Д.Л. Баяртуева // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы III междунар. симп. 9-10 нояб. 2006 г. г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – Т. 1. – С. 194-201.
17. Белькова А.А. Возвращение религии в публичное пространство Республики Бурятия (1990-2000-е гг.) / А.А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2012. – № 1. – С. 201-209.
18. Белькова А.А. Процессы десекуляризации в постсоветской Бурятии / А.А. Белькова // Вестник Бурятского государственного университета. Серия История. – 2012. – № 7. – С. 177-179.
19. Белькова А.А. Теория изучения религии в современной западной социологии / А.А. Белькова // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации : сб. науч. тр. В 2 ч. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – Ч. 2. – С. 217-219.
20. Бураева О.В. Религиозные организации в Бурятии / О.В.Бураева // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия : материалы и тез. междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения С. В. Шостаковича. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2002. – С. 199-204.
21. Ванчикова Ц.П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии Республики / Ванчикова Ц.П. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2. – С. 128-135.

22. Варнавский П.К. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии / П.К. Варнавский // Антропологический форум. – 2011. – № 14. – С. 192-211.
23. Варнавский П.К. Диалог науки и религии в условиях глобализации: в поисках взаимной опоры? (на примере традиционных конфессий в Республике Бурятия) / П. К. Варнавский // Наука и буддизм : материалы науч. конф. с участием иностр. учен. (Улан-Удэ-Байкал, 6-8 июля 2012 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 238-246.
24. Варнавский П.К. Полезные иноверцы или опасные чужаки? Протестантские общины в современной Бурятии / П.К. Варнавский // Проблемы религиозного просвещения в российско-монгольском трансграничье. Вопросы межконфессионального диалога . – Улан-Удэ : НоваПринт, 2012. – С. 126-134.
25. Варнавский П.К. Современный буддизм в Бурятии: ответ на вызовы глобализации / П.К. Варнавский // Неверовские чтения : материалы III Всерос. конф. (с междунар. участием), посвящ. 80-летию со дня рожд. В.И. Неверова. – Барнаул, 2010. – Т. 2. – С. 180-188.
26. Волкова О.Н. Особенности распространения протестантизма среди бурят / О.Н. Волкова // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. – Вып. 7. – С. 191-194.
27. Гарри И.Р. Религиозные организации шаманов г. Улан-Удэ / И. Р. Гарри // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 125-135.
28. Гарри И.Р., Цыденов Э.М. Религиозные организации шаманов г. Улан-Удэ / И.Р. Гарри, Э.М. Цыденов // Вестник БНЦ СО РАН. Серия Религиоведение. – 2013. – 1(9). – С. 125-135.
29. Дандарон М.Б. Генезис религиозного синкретизма на территории Монголии и Бурятии: философский анализ / М.Б. Дандарон // Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах: материалы регион. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – С. 89-96.

30. Дашинамжилов О.Б. Буддийская церковь Бурятии и современный период (начало 90-х - 2005 г.) / О.Б. Дашинамжилов // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII-XXI вв.: тематический сб. науч. тр. – Новосибирск, 2007. – С. 101-115.
31. Дугарова Р.Д. «Мы доводим молитвы людей до богов»: истории бурятских шаманок / Р.Д. Дугарова // Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. – М., 2005. – Т. 11: Женщина и возрождение шаманизма: постсоветское пространство на рубеже тысячелетий. – С. 228-245.
32. Елаева И.Э. Религиозная идентичность бурят / И.Э. Елаева // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 166-170.
33. Жалсанова В. Г. Роль религии в жизни сельского бурятского населения Бурятии / В.Г. Жалсанова // Культурное пространство регионов России: тез. участников Всерос. науч.-практ. конф. (13-16 мая 2012 г.). – Волгоград, 2012. – С. 55.
34. Завершинский К.Ф. «Эффект колеи» в методологии политико-культурных исследований институциональной динамики современного российского общества / К.Ф. Завершинский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения – 2014. – № 1. – С. 71-79.
35. Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу / М.С. Ильченко // Социум и власть – 2013. – № 3. – С. 20-24.
36. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации / В. Карпов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – №2(30). – С. 114-164.
37. Лепехов С.Ю. Буддийский мир в XXI веке / С.Ю. Лепехов // Мир буддийской культуры: наследие и современность: материалы 3 Междунар. симп. (3-5 нояб. 2010 г., Чита-Агинское). – Чита : Экспресс-издательство, 2010. – С. 61-67.

38. Лепехов С.Ю. Буддийское возрождение и наука в Бурятии / С.Ю. Лепехов // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: К 350-летию присоединения Бурятии к России. – Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2011. – С. 385-390.
39. Лепехов С.Ю. Современные проблемы межконфессионального взаимодействия / С.Ю. Лепехов // Мир Центральной Азии-2 : сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – с. 250-259.
40. Лункин Р. Шаманизм в Республике Бурятия / Р. Лункин // Современная религиозная жизнь России: опыт описания. – М., 2006. – Т. 4. – С. 122-124.
41. Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии / О.Ю. Малинова // Полис. – 2010. – № 3. – С. 90-99.
42. Манзанов Г.Е. Буддизм в Байкальском регионе (по материалам социологических исследований) / Г.Е. Манзанов // Монгольский мир в научном и образовательном дискурсах: материалы регион. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. – С. 74-81.
43. Манзанов Г.Е. Влияние буддизма на формирование ценностных ориентаций современной личности / Г.Е. Манзанов // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2009. – Вып. 8. – С. 29-36.
44. Манзанов Г.Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX-начале XXI в. / Г.Е. Манзанов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 133-135.
45. Манзанов Г.Е. Религиозная ситуация в Республике Бурятия (современное состояние и тенденция развития) / Г.Е. Манзанов // Гуманитарные науки в Сибири: Всероссийский научный журнал: Серия Культура, наука, образование. – 2004. – С. 94-100.
46. Манзанов Г.Е. Религиозные ориентации бурятского населения Байкальского региона / Г.Е. Манзанов // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. тр. – Улан-Удэ; Иркутск : Оттиск, 2012. – С. 374-377.

47. Манзанов Г.Е. Современное состояние буддизма в этнической Бурятии / Г.Е. Манзанов // Вестник Бурятского государственного университета . – 2012. – спецвыпуск – С. 54-57.
48. Манзанова Г.В. Традиции и инновации: причины возрождения буддизма в Бурятии / Г.В. Манзанова // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сборник статей. Выпуск 7. – СПб.: РОИР, 2009. – С .251-260.
49. Митрохин Н. Клерикализация образования в России: к общественной дискуссии о введении предмета «Основы православной культуры» в программу средних школ. Доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.gif.ru/clerik/clerik.html>.
50. Митыпов В.М. Буддийская церковь в России: религиозный ренессанс 1990-х гг. / В.М. Митыпов // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии / отв. ред. Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ : изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 33-40.
51. Намсараева С.Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии / С.Б. Намсараева // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. – М., 2008. – С. 58-87.
52. Нанзанов А.Д. Религиозные объединения в Бурятии (1990-2000 гг.) / А.Д. Нанзанов // Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков. – Улан-Удэ, 2002. – С. 188-120.
53. Нестеркин С.П. Некоторые тенденции развития буддизма в России / С. П. Нестеркин // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: третьи Доржиевские чтения: материалы конф. (Улан-Удэ – Иволгинский дацан – Алханай, 8-10 июля 2008 г.). – СПб., 2009. – С. 43-51.
54. Нестеркин С.П. Основные тенденции развития буддизма в социокультурном пространстве России / С.П. Нестеркин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – Вып. 6а. – С. 16-20.

55. Николаев Э.А. Новые религиозные исламские движения в Центральной Азии и России / Э. А. Николаев // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 4. – С. 225-234.
56. Осорова Т.И. Буддизм и православие в Бурятии: диалог культур / Т.И. Осорова // Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования: материалы науч.-практ. конф. «Егуновские чтения». – Улан-Удэ, 2005. – Вып. 2. – С. 35-38.
57. Островская Е.А. Российский буддизм в оправе гражданского общества / Е.А. Островская // Двадцать лет религиозной свободы в России. – М. : РОССПЭН. – 2009. – С. 294-328.
58. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке; этапы, течения, идеи, проблемы / С.В. Патрушев // Политическая наука. Зарубежная политология в XX столетии. – 2001. – №2. – С. 146-186.
59. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В.В. Радаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV. – № 3 – С. 109-130.
60. Руткевич Е. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro и Contra / Е. Руткевич // Вестник ИС РАН. – 2012. – № 6. – С. С. 207-233.
61. Самеева В.С. Религиозная толерантность в Бурятии / В.С. Самеева // Вестник Томского госуниверситета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – №2. – С.125-129.
62. Скрынникова Т. Д. Традиционная культура и буддизм в самоидентификации бурят [Электронный ресурс] / Е.Д. Скрынникова. – Режим доступа:
http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/religion_group_papers/Skrynnikova.pdf .
63. Содномпилова М. М. Религиозные практики и личность священнослужителя в современном социокультурном пространстве города / М. М. Содномпилова // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии : сб. ст. / ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – С. 103-111.

64. Содномпилова М.М. Особенности трансформации бурятского шаманизма в современном городском пространстве / М.М. Содномпилова // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2009. – № 4-5. – С. 30-35.
65. Содномпилова М.М. Религия в повседневных практиках монгольских народов (на примере населения сельской зоны) / М.М. Содномпилова // Глобализация и монгольский мир : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (15-18 июля 2010 г.). – Улан-Удэ, 2010. – С. 202-206.
66. Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках / Р. Тоштендаль // Диалог со временем. – 2010. – № 30. – С. 14-25.
67. Узланер Д. В каком смысле современный мир может быть назван постсекулярным / Д. Узланер // Континент. – 2008. – №136. – С. 339-355.
68. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности / Д. Узланер // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – №1(30). – С. 8-32.
69. Урбанаева И.С. О некоторых особенностях распространения и возрождения буддизма в современную эпоху / И.С.Урбанаева // Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность: Матер. конф. 23-24 июня 2001 г., Тамчинский дацан. – Улан-Удэ, 2002. – С. 168-173.
70. Филатов С. Буддизм в Бурятии: новые тенденции [Электронный ресурс] / С. Филатов // Русское ревью. – 2010. – № 3. – Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition20/02Buddhism.html
71. Филатов С. Буддизм в Республике Бурятия / С. Филатов // Современная религиозная жизнь России: опыт описания. – М., 2005. – Т. 3: Иудаизм. Ислам. Бахаизм. Буддизм. Зороастризм. Индуизм. Сикхизм. – С. 260-275.
72. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений / Н. Флигстин // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2, №4. – С. 28-55.

73. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований / Г. Хелмке, С. Левитски // Прогнозис. – 2007. – №2. – С.195-199.
74. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и власть в контексте социокультурной модернизации (на материале Байкальской Сибири) / И.С. Цыремпилова // Власть. – 2008. – № 10. – С. 80-83.
75. Шагланова О.А. Культ обо в традиционной культуре бурят / О.А. Шагланова // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: материалы 43-й всеросс. археолого-этнограф. конф. молодых ученых. – Томск, 2003. – С. 406-407.
76. Шагланова О.А. Современная ситуация шаманской традиции бурят Тункинской долины / О.А. Шагланова // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 53-55.
77. Янгутов Л.Е. Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования / Л.Е. Янгутов // Вестник БНЦ СО РАН. – 2013. – № 2. – С. 124-129.
78. Basil J.D. Orthodoxy and Public Education in the Russian Federation: The First Fifteen Years / J.D. Basil // Journal of Church and State. – 2007. – № 49(1). – P. 27-52.
79. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview / P. Berger // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. – Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Co., 1999. – P. 1-18.
80. Blyth M., Hodgson G.M., Lewis O.A., Steinmo S. Introduction to the Special Issue on the Evolution of Institutions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/6490/905834.pdf?sequence=1>.
81. Blyth M. Any More Bright Ideas? The Ideal Turn of Comparative Political Economy / M. Blyth. – Comparative Politics. – 1997. – № 29. – P. 229–250.
82. Blyth M. Structures Do Not Come with an Instruction Sheet: Interests, Ideas and Progress in Political Science / M. Blyth // Perspectives on Politics. – 2003. – № 1(4). – P. 695-706.

83. Capoccia G., Keleman R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism / G. Capoccia, R.D. Keleman // *World Politics*. – 2007. – № 59 (3). – P. 341-369.
84. Caraway T. Explaining the Dominance of Legacy Unions in New Democracies: Comparative Insights from Indonesia / T. Caraway // *Comparative Political Studies*. – 2008. – № 41(10). – P. 1371-1397.
85. Fioretos O., Falleti T., Sheingate A. Historical Institutionalism in Political Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://noticide.files.wordpress.com/2013/11/tulia-falleti_historical_institutionalism_290513.pdf.
86. Goldstone J. Initial Conditions, General Laws, Path Dependence, and Explanation in Historical Sociology / J. Goldstone // *American Journal of Sociology*. – 1998. – № 104. – P. 829-845.
87. Greeley A. Religious Revival in Russia? / A. Greeley // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 1994. – № 3(3). – P. 253-272.
88. Greif A., Lai tin D. A Theory of Endogenous Institutional Change / A. Greif, D. Lai tin // *American Political Science Review*. – 2004. – № 98(4). – P. 633-652.
89. Hall P. Politics as a Process Structured in Space and Time. Paper presented at American Political Science Association [Электронный ресурс] / P. Hall. – Washington, D.C, 2010. – Режим доступа: <http://scholar.harvard.edu/hall/publications/politics-process-structured-space-and-time>.
90. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms [Электронный ресурс] / P. Hall, R. Taylor. – 1996. Режим доступа: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2782/pdf/dp96_6.pdf.
91. Iannaccone L. Why Strict Churches Are Strong / L. Iannaccone // *American Journal of Sociology*. – 1994. – № 99(5). – P. 1180-1211.
92. Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework / V. Karpov // *Journal of Church and State*. – 2010. – № 52(2). – P. 232-270.

93. Katznelson I., Weingast B. Intersections between Historical and Rational Choice Institutionalism / I. Katznelson, B. Weingast // Preferences and Situations / ed. I. Katznelson, B. Weingast. – New York: Cambridge University Press, 2005. – P. 1–26.
94. Lewis O., Steinmo S. How Institutions Evolve: Evolutionary Theory and Institutional Change / O. Lewis, S. Steinmo // Polity. – 2012. – № 44(3). P. 314-339.
95. Lewis O., Steinmo S. Taking Evolution Seriously in Political Science / O. Lewis, S. Steinmo // Theory in Biosciences. – 2010. – № 129. – P. 235-245.
96. Lieberman R. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change / R. Lieberman // American Political Science Review. – 2002. – № 96(4). – P. 697–712.
97. Mahoney J. Path Dependent Explanations of Regime Change / J. Mahoney // Studies in Comparative and International Development. – 2011. – № 36(1). – P. 111-141.
98. Mahoney J., Kathleen T. A Theory of Gradual Institutional Change / J. Mahoney, T. Kathleen // Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power / ed. J. Mahoney, T. Kathleen. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 1-37.
99. Pierson P. The path to European Integration: a historical institutionalist analysis / P. Pierson // Comparative Political Studies. – 1996. – № 29(2). P. 123-163.
100. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence and the Study of Politics / P. Pierson // American Political Science Review. – 2000. – № 94. – P. 251-267.
101. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change / P. Pierson // World Politics. – 1993. – № 45. – P. 595-628.
102. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science / P. Pierson, T. Skocpol // Political Science: The State of the Discipline / ed. I. Katznelson, Milner H. – New York: Norton, 2002. – P. 693-721.
103. Rezende Flávio Da Cunha Do Institutions Produce Institutional Change? The New Historical Institutionalism and Analytic Innovations in the Theory of Change [Электронный ресурс] / Rezende Flávio Da Cunha. – Режим доступа: <http://www.bpsr.org.br/index.php/bpsr/article/view/117/108>.
104. Shu-Yun Ma Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism / Ma Shu-Yun // International Political

Science Review / Revue internationale de science politique. – 2007. – № 28(1). – P. 57-78.

105. Slater D., Simmons E. Informative Regress: Critical Antecedents in Comparative Politics / D. Slater, E. Simmons // Comparative Political Studies. – 2010. – № 43 (7). – P. 886-917.

106. Soifer H.D. The Causal Logic of Critical Junctures / H.D. Soifer // Comparative Political Studies. – 2012. – № 45(12). – P. 1572-1597.

107. Stark R. Secularization, R.I.P. / R. Stark // Sociology of Religion. – 1999. – № 60(3). – P. 267-268.

108. Steinmo S. Historical institutionalism and experimental methods [Электронный ресурс] / S. Steinmo. – Режим доступа:

http://www.svensteinmo.com/articles/Steinmo_2014_Historical_Institutionalism_and_Experiments.pdf.

109. Steinmo S. The evolution of policy ideas: tax policy in the 20th century / S. Steinmo // British Journal of Politics and International Relations. – 2003. – № 5(2). – P. 206–236.

110. Steinmo S. What is Historical Institutionalism? / S. Steinmo // Approaches and Methodologies in the Social Sciences A Pluralist Perspective / ed. D. D.Porta, M. Keating. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. – P. 150-178.

111. Streeck W., Thelen K. Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies / W. Streeck, K. Thelen // Beyond Continuity // ed. W. Streeck, K. Thelen. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 1–39.

112. Streeck W. Institutions in History: Bringing Capitalism Back [Электронный ресурс] / W. Streeck // Max Planck Institute for the Study of Societies Discussion Paper. – 2009. – 09/8. – Режим доступа:

http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1852543.

113. Thatcher M., Coen D. Reshaping European Regulatory Space: An Evolutionary Analysis. West European Politics. – 2008. – № 31(4). – P. 806-836.

114. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics / K. Thelen // Annual Review of Political Science. – 1999. – № 2. – P. 369-404.

115. Sewell Jr. W.H. Three Temporalities: Toward an Eventful Sociology / W.H. Sewell Jr. // The Historic Turn in the Human Sciences / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. – P. 245-280.

Авторефераты диссертаций

1. Амоголонова Д.Д. Бурятские этнокультурные процессы в условиях трансформации российского общества (1990-е - 2000-е гг.): автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ, 2009. – 50 с.
2. Анданова С.Б. Религиозность молодежи Республики Бурятия в период культурно-исторической трансформации российского общества (90-е гг. XX - начало XXI в.): автореферат дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / С.Б. Анданова. – Улан-Удэ, 2010. – 22 с.
3. Аюрова Н.А. Динамика этноконфессиональных традиций в культуре народов Бурятии в постсоветский период: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Н.А. Аюрова. – Чита, 2004. – 20 с.
4. Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа (на материалах Республики Бурятия): автореферат дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Т.Б. Бадмацыренов. – Улан-Удэ, 2006. – 22 с.
5. Гостюхин А.В. Взаимоотношение государства и русской православной церкви как элементов политической системы российского общества (на современном этапе): автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.В. Гостюхин. – Чита, 2006. – 21 с.
6. Дарханова, А.И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период (социальные функции, традиции и новации): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А.И. Дарханова. – Улан-Удэ, 2010. – 30 с.
7. Мозговой С.А. Становление и развитие взаимодействия вооруженных сил Российской Федерации с религиозными объединениями в 90-е гг. XX в.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Мозговой. – М., 2001. – 25 с.
8. Николаев Э.А. Культурно-исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX - начало XXI вв.): автореф. дис. ...

д-ра ист. наук : 24.00.01 / Э.А. Николаев. – Улан-Удэ, 2006. – 46 с.

9. Цыденов Э.М. Бурятский шаманизм в постсоветский период (на материале г. Улан-Удэ): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Э.М. Цыденов. – Улан-Удэ, 2013. – 24 с.

10. Цыденов Э.М. Бурятский шаманизм в постсоветский период (на материале г. Улан-Удэ): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Э.М. Цыденов. – Улан-Удэ, 2013. – 24 с.

11. Чимитдоржин Д.Г. История буддийской церкви в Бурятии, 1945-2000 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Д.Г. Чимитдоржин. – Улан-Удэ, 2005. – 25 с.

Интернет-ресурсы

1. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burstat.gks.ru/>.

2. Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://to04.minjust.ru/>.

3. Официальный сайт Народного Хурала Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hural-rb.ru/>.

4. Официальный сайт Правительства Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/>.

5. Официальный сайт Главы Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glava.govrb.ru/>.

6. Официальный сайт Администрации г. Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/>.

7. Официальный сайт Буддийской традиционной сангхи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sangharussia.ru/>.

8. Официальный сайт Улан-Удэнской и Бурятской епархии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uud-eparh.ru/>.

9. Официальный сайт Бурятского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bsu.ru/>.

Приложения

Приложение 1. Динамика изменения количества религиозных организаций на территории Бурятии

(1987-2014 гг.)*

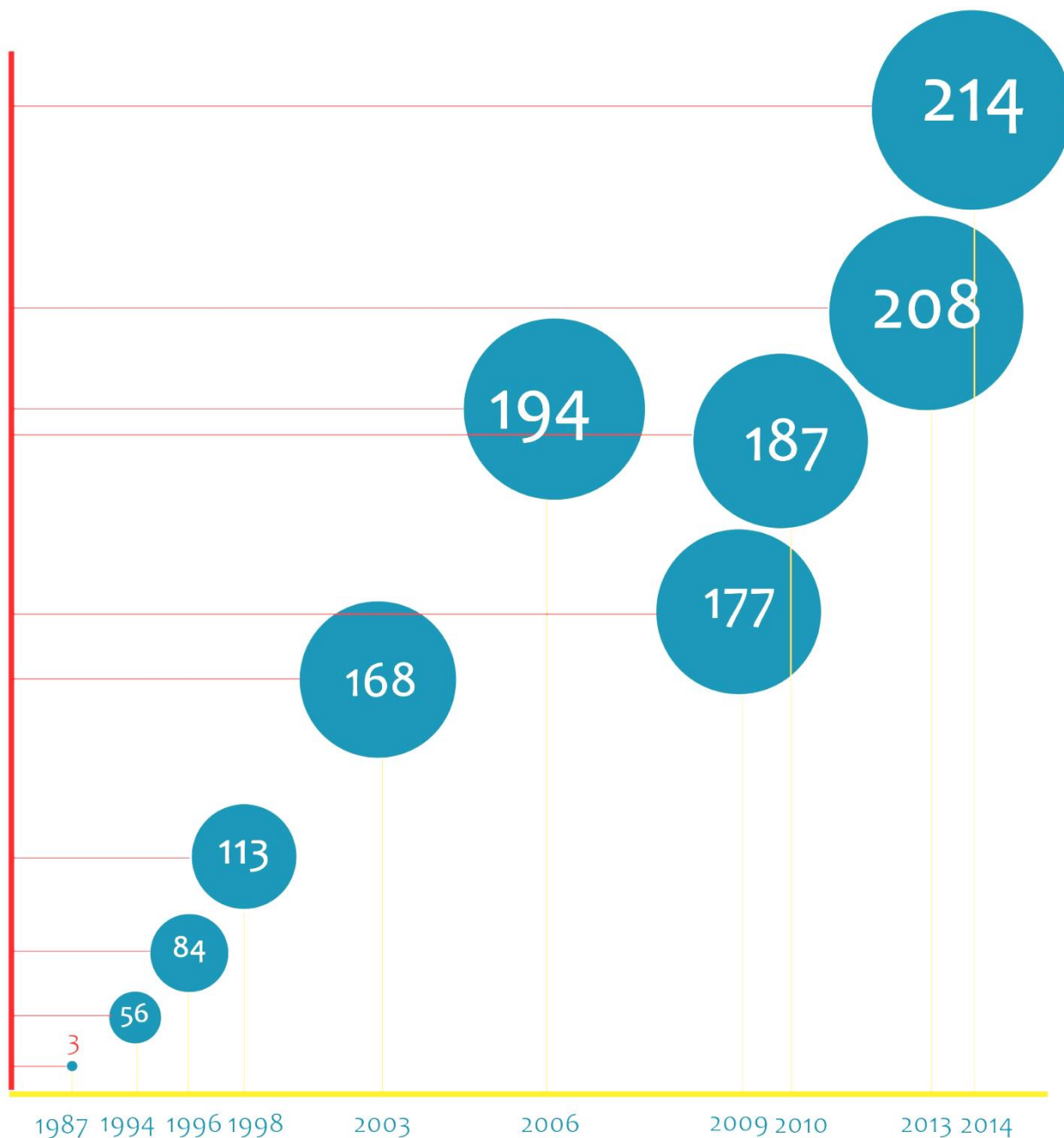

Рисунок 1.1 – Изменение количества религиозных организаций.

* Составлено А.А. Бельковой на основе данных из документов Национального архива Республики Бурятия, сведений О.В. Бураевой, Статистических ежегодников Республики Бурятия и отчетов Территориального управления по Республике Бурятия Министерства Юстиций Российской Федерации.

Приложение 2. Таблица 2.1 – Виды неформальных институтов*

	эффективные формальные институты	Неэффективные формальные институты
совпадающие последствия	дополняющие	замещающие
несовпадающие последствия	аккомодационные	конкурентные

* На основании классификации Г. Хелмке и С. Левитски: Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. – 2007. - №2 – С. 210.

Приложение 3. Агитационный материал

ДОРОГИЕ СОГРАЖДАНЕ!

Мы все нуждаемся в сильном государстве. Но и государство нуждается в нас. Особенно в переломные периоды истории, такие, как наше время. Наша ответственность сегодня – сделать правильный выбор в день голосования 4 декабря.

Буддийская традиционная Сангха России всегда выступала за сильное, централизованное государство. Наши предки 350 лет назад уже сделали выбор в пользу единой России.

Мы за поступательное развитие, движение вперед без революции и потрясений.

“Единая Россия” выступает за сохранение и развитие малых сел Бурятии, за сохранение и развитие культуры и традиций бурятского народа. Только с этой партией мы связываем наше будущее.

Поддержим курс на стабильность и развитие! Сохраним верность нашим традициям! Отдадим свой голос за великую и сильную единую Россию!

*Дамба Аюшеев, Пандито Хамбо лама,
Глава Буддийской
Традиционной Сангхи России*

2012 ◆ ГОД ДРАКОНА ◆ 2013

ЯНВАРЬ							ФЕВРАЛЬ							МАРТ							АПРЕЛЬ						
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
						1		1	2	3	4	5				1	2	3	4							1	
2	3	4	5	6	7	8	6	7	8	9	10	11	12	5	6	7	8	9	10	11	2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15	13	14	15	16	17	18	19	12	13	14	15	16	17	18	9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22	20	21	22	23	24	25	26	19	20	21	22	23	24	25	16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29	27	28	29					26	27	28	29	30	31	23	24	25	26	27	28	29	
30	31																				30						

МАЙ							ИЮНЬ							ИЮЛЬ							АВГУСТ												
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс						
		1	2	3	4	5	6				1	2	3							1									1	2	3	4	5
7	8	9	10	11	12	13	4	5	6	7	8	9	10	2	3	4	5	6	7	8	6	7	8	9	10	11	12						
14	15	16	17	18	19	20	11	12	13	14	15	16	17	9	10	11	12	13	14	15	13	14	15	16	17	18	19						
21	22	23	24	25	26	27	18	19	20	21	22	23	24	16	17	18	19	20	21	22	20	21	22	23	24	25	26						
28	29	30	31				25	26	27	28	29	30	23	24	25	26	27	28	29	27	28	29	30	31									
														30	31																		

СЕНТЯБРЬ							ОКТАБРЬ							НОЯБРЬ							ДЕКАБРЬ						
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
					1	2	1	2	3	4	5	6	7				1	2	3	4						1	2
3	4	5	6	7	8	9	8	9	10	11	12	13	14	5	6	7	8	9	10	11	3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16	15	16	17	18	19	20	21	12	13	14	15	16	17	18	10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23	22	23	24	25	26	27	28	19	20	21	22	23	24	25	17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30	29	30	31					26	27	28	29	30		24	25	26	27	28	29	30	
																				31							

ЯНВАРЬ 2013							ФЕВРАЛЬ 2013							
пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	
		1	2	3	4	5	6				1	2	3	4
7	8	9	10	11	12	13	5	6	7	8	9	10		
14	15	16	17	18	19	20								
21	22	23	24	25	26	27								
28	29	30	31											

Б — Бальжинима - хозяин великолетия и благоденствия
 Д — Дашинима - хозяин мира и счастья
 МХ — Модон хохимой - неблагоприятный день для всех дел
 Т — Тэрсууд - неблагоприятный день для всех дел
 ✕ — благоприятный день для стрижки волос
 ➔ — благоприятный день для выезда в дальнюю дорогу

С ВЕРОЙ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Рисунок 3.1 – Агитационный календарь, в котором глава Буддийской традиционной сангхи России призывает голосовать за конкретную политическую партию.